

Հայրենիքը արդուս

ԱԼՄԱՆԱԿ

АЛЬМАНАХ

Երդինս Վ սերդցե

8
ՎՅՍՄԱԿ

ՂՐԻՍԱՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ
ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ

СОЮЗ КРЫМСКИХ
АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ
ՄՐՏՈՒՄ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

ԱԼՄԱՆԱԽ
АЛЬМАНАХ

выпуск 8

Медиацентр им. И. Гаспринского
2018

ББК84-44

Р60

Одобрено Консультативным советом по изданию литературы на родных языках. Выпущено при поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан РК За счет средств бюджета Республики Крым

Редактор-составитель *Рушан Пилюсян*
Корректор русского текста *Валентина Настина*
Художник *Грачья Хачатрян*
Компьютерная вёрстка *Андрея Веселова*

Р60

Родина в сердце. Альманах № 8. — Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2018. — 192 с. : фото. — На русском и армянском языках.

ISBN 978-5-906959-59-1

ББК84-44

В восьмом выпуске альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце» собраны лучшие произведения современных крымских армянских литераторов — поэтов, прозаиков, публицистов таких, как Вячеслав Егиазаров, Александр Складрук, Анатолий Мирзоян, Михаил Петросян, Станислав Ян, Вагаршак Мазлумян, Вартан Григорян, Рушан Пилюсян, Ваган Вермишян, а также молодая талантливая поэтесса Татевик Азарян.

«Новые голоса» — так называется одна из рубрик альманаха, в которой свои произведения поместили Алина Степанян, Тимур Ян и Изабелла Каракулян.

Под рубрикой «Наши гости» традиционно публикуются литературные произведения наших соотечественников, проживающих в разных странах мира.

Гости альманаха № 8 — Шохакат (Шохер) Ахвердян (Дания), Мариам Чайлахян (Москва), Степан Багдасарян (США), Зара Назарян (Канада) и Лорета Мурадян (Нури).

Դրինահայ գրողների միության «Հայրենիքը սրտում» ավանախի ութերորդ համարում գետեղված են ժամանակակից դրինահայ գրողների բանաստեղծների, արձակագիրների, հրապարակախոսների ստեղծագործությունները:

«Հասուն քնար» խորագրում իրենց գործերն են ներկայացրել խոսքի հմուտվարպետներ Վյաչեսլավ Եղիազարովը, Ալեքսանդր Սկյարովը, Անատոլի Միքոզյանը, Միքայել Պետրոսյանը, Ստանիսլավ Յանը, Վաղարշակ Մազումյանը, Վարդան Գրիգորյանը, Ռուշան Փիլոսյանը, Վահան Վերվիշյանը, ինչպես նաև երիտասարդ տաղանդավոր բանաստեղծուհի Տաթևիկ Ազարյանը:

«Նոր ձայներ»-ը այսպես է կոչվում ավանախի խորագրերից մեկը, որտեղ իրենց ստեղծագործություններն են ներկայացրել Ալինա Ստեփանյանը, Թիմուր Յանը և Իզաբելա Կարակուլյանը:

Ավանախում՝ «Մեր հյուրերը» խորագրի ներքո, ավանդաբար հրապարակվում են աշխարհի տարբեր երկրներում բնակվող մեր հայրենակիցների ստեղծագործությունները:

Ութերորդ թողարկման հյուրերն են Շողակաթ (Շողեր) Հախվերդյանը (Դանիա), Մարիամ Զայլախյանը (Մոսկվա), Ստեփան Բարդասարյանը (ԱՄՆ), Զարա Նազարյանը (Կանադա) և Լորետա Մուրադյանը (Նուրի):

© ՕՕ ՓՈԿԱԿԿՐԿ, 2018

© ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2018

ISBN 978-5-906959-59-1

.....

ՀԱՅՐԵՆԻՔԸ ՍՐՏՈՒՄ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

.....

Союз крымских армянских писателей (СКАП) – это союз единомышленников, объединённый благородной целью сохранить и развивать вековые традиции крымской армянской литературы, обогатить её новыми произведениями, популяризовать творчество современных мастеров пера, найти молодые таланты, поддержать их творческий потенциал.

Мы хотим жить и творить в мире и согласии с другими народами нашего полуострова, ценить и уважать культуру всех народов, прививая любовь и уважение к армянской культуре, в частности, к литературе. Только таким образом мы сможем лучше понять друг друга, взаимно обогащать нашу культуру во имя мира и процветания нашего общего дома – Крыма.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Армянская литература в Крыму имеет многовековую историю. Начиная с XV века, в Крыму творили поэты Хачатур Кафаеци, Симеон Кафаеци, Мартирос Крымечи, Вртанес Кафаеци, Вардан Кафаеци, Степанос Тохатеци, Хева Кафаеци. Истории известны имена поэтов XIX – XX веков Геворка Додохяна, Александра Цатуряна, Симеона Бабияна, Оноприоса Анопяна.

Развитие армянской литературы в Крыму продолжается и в наши дни. Крымскому читателю уже известны имена Георгия Меликова, Владимира Вартаняна, Еравнда Барашяна, Вячеслава Егиазарова, Петра Казанчанца, Марата Файзи (Саркисова), Анатолия Мирзояна, Александра Склярука, Вагаршака Мазлумяна, Гагика Зурабяна, Рушана Пилосяна.

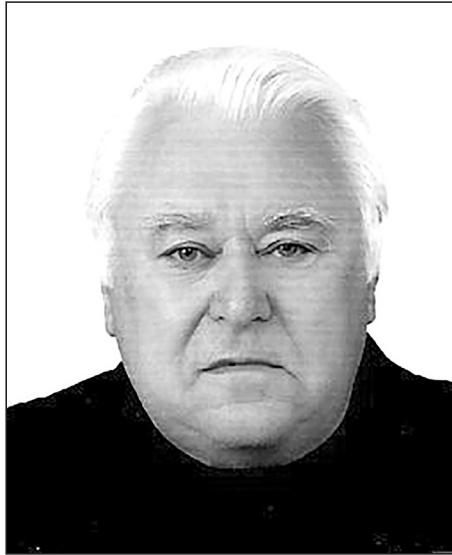
Возникла необходимость объединить современных крымских литераторов – поэтов, прозаиков, публицистов. И в 2002 году при Крымском армянском обществе (ныне – Региональная, армянская национально-культурная автономия Республики Крым) была создана Ассоциация крымских армянских литераторов. Первым председателем стал её инициатор и организатор, член Национального союза писателей Украины, поэт и переводчик Владимир Эммануилович Вартанян, ответственным секретарём – Сасун Барян (Этибарян). Добрыми словами появление ассоциации благословил известный российский поэт армянского происхождения, почётный гражданин города-героя Севастополя Эдуард Асадов. После ухода из жизни Владимира Вартаняна в 2007 году ассоциация была переименована в Союз крымских армянских писателей. Возглавил её Сасун Барян. В 2010 году председателем Союза крымских армянских писателей был избран заслуженный журналист Республики Крым Рушан Пилосян, ответственным секретарём – Александр Склярук.

Союз крымских армянских писателей имеет свой печатный орган – альманах «Родина в сердце», в котором публикуются их новые произведения – стихи, поэмы, рассказы, новеллы, отрывки из романов, басни, афоризмы, а также статьи и очерки исторического содержания.

Ныне в деятельности Союза активно участвуют и периодически печатаются в альманахе «Родина в сердце» Вячеслав Егиазаров, Александр Склярчук, Анатолий Мирзоян, Варган Григорян, Вагаршак Мазлумян, Михаил Петросян, Рушан Пилосян. В разные годы пробовала свои силы и творческая молодёжь – Сюзанна Петросян, Мери Акопян, Эдгар Григорян, Рузанна Карапетян, Лусине Варданян, Астхик Петросян и другие.

ՀԱՍՈՒՆ ՔՆԱԴ
ЛИРА ЗРЕЛОСТИ

ВЯЧЕСЛАВ ЕГИАЗАРОВ

Известный крымский поэт Вячеслав Фараонович Егиазаров родился 11 декабря 1940 года в Ялте (Крым).

В. Егиазаров – автор поэтических книг: «Песни моря» (1979), «Сбудется доброе» (1986), «Музыка названий» (1997), «Ветка омёлы» (1998), «Бегство талой воды» (2003), «Белые чайки на белом снегу» (2005), «Планета Крым» (2010). Постоянный автор и член редколлегии журнала «Берега Тавриды» (Крым). Один из авторов нескольких антологий и коллективных сборников поэзии городов Москвы, Симферополя, Ялты, а также журналов «Севастополь» (Севастополь), «Радуга» (Киев), «Смена». «Мы», «Поэзия» (Москва) и т. д.

В. Егиазаров – член Национального союза писателей Украины, Союза российских писателей (Москва), правления Союза русских, украинских и белорусских писателей РК, Международного союза писателей Крыма.

Является председателем Ялтинского отделения Союза русских, украинских и белорусских писателей РК, член Союза

крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины. Он также возглавляет Ялтинский филиал республиканского творческого союза «Крымская ассоциация писателей», председатель ЯО СПР.

Редактор поэзии всех тематических сборников «Наш Чехов», «Наш Пушкин» и нескольких книг членов литературного общества им. А. П. Чехова. Лауреат премий им. А. П. Чехова (1998), Автономной Республики Крым (1998, 2006), А. И. Домбровского (2005). Лауреат международного литературного фестиваля «Осенний Крым – стихов очарование» (2008), литературной премии им. А. С. Пушкина в номинации «Поэзия» (2011).

За вклад в развитие литературы Крыма и активную общественную деятельность в 2000 году награждён Почётной грамотой Президиума Верховной Рады АРК. Заслуженный деятель искусств РК.

ШЕЛКОВИЧНЫЕ СУМЕРКИ САДА

Пусть мне прежний наш дворик приснится,
шумен, тих, бестолков, деловит,
беззаботные девочек лица,
пацанов хулиганистый вид,
шелковичные сумерки сада,
шёпот сдержанный, девичий смех,
и грустить ещё рано, не надо
знать, что жизнь не удастся у всех,
что вожди предадут, изолгутся,
что наступит эпоха невежд...
Хоть во сне бы туда мне вернуться —
в мир иллюзий и сладких надежд.
Там жива ещё мама, и, значит,
нет ещё синяков на душе.
Там мой путь ещё даже не начат,
но я в путь собираюсь уже.
В кронах звёзды ночуют, как птицы,
и тепло там у них, и уют,
а когда чуть восток прояснится —
как щебечут они, как поют!..

ШЕЛЕСТ МЕТЕЛЕЙ

Боже, землю спаси от мороза!
Как тоскливы поля за окном!
Одинокий гудок тепловоза
улетает в пустой окоём.
Поджимают вороны лапки,
чуть мерцает на лужах лёд,
да в посадке, раздетой и зябкой,
вдруг оградка могилки мелькнёт.
И опять над леском, над плёсом
кружит снег, словно серый чад.
И стучат, и стучат колёса,

монотонно стучат и стучат.
Только мельком, как отсвет вспышки
жизни, в тусклой пустыне сей
промелькнули на льду мальчишки,
разыгравшиеся в хоккей.
Что ж ты, ветер, скулишь, как собака?
Что ж так низко висят облака?
Ни звезды, ни просвета, ни знака,
ни посёлка, ни огонька.
Боже, ясными сделай цели,
чтоб ослабли юдоли тиски,
чтобы вкрадчивый шелест метелей
люди слушали без тоски.

ЧЕХОВСКИЙ САД

Здесь Чеховым воздух пропитан
и в полночь, и утром, и днём,
здесь, кажется, даже крапива,
и та вспоминает о нём.
В саду Белой дачи приятно
вдруг с явью почувствовать связь;
о чём-то толкуют приватно
ручей и бамбук не таясь.
С яйлы дуновения ветра
пыльцу распыляют, как тальк,
на лапы ливанского кедра,
на сочные листья катальп.
У «горьковской» тихой скамейки
царит кипарисный уют,
и бабочек белых семейки
беспечно по саду снуют.
Слетаются пчёлы на розы,
плющ занял всю площадь стены;
здесь магией чеховской прозы
вновь души прекрасно больны.

Аллеи к самой Белой даче,
в цветах утопая, ведут;
всё дышит любовью, тем паче
любовь эту здесь берегут.
И, стоя над клумбой тюльпанов,
задумавшись, будто во сне,
заметить нисколько не странно,
сверкнувшие блёстки пенсне...

ЧЕРЕШНЕВЫЕ ОБЛАКА

Апрельских черешен цветут облака по дворам,
плывут облака, как черешни цветущие, славно,
и снова к забытым душа потянулась мирам,
она — фантазёрка, душа, а весною — подавно.

Мир детства, в котором для счастья мы созданы все,
мир юности шалой, в котором до счастья — полшага,
и вот на рассвете мы вышли в луга по росе,
и вот на закате бредём по угрюмым оврагам.

Ах, снова метафоры суть затемнили легко,
а быть непонятым талант запрещает не мне ли?
Мир детства, мир юности, как же они далеко,
как рвётся душа всё равно к ним в цветущем апреле!

По ялтинским улочкам снова брожу дотемна,
тебя вспоминаю (вот тут рассмеялась не ты ли?).
Какие прошли незабвенные здесь времена,
какие миражи случались здесь с нами и были!

Апрельских черешен цветут облака по дворам,
в лазоревом небе такие ж весь день хороводят,
и строго строка избегает трагедий и драм,
апрельской тематике явно они не подходят.

Мажорные строки сама мне диктует весна,
грустить не даёт, и за этим следит она зорко,
и снова душе оболочка земная тесна,
миры ей нездешние снятся, она – фантазёрка...

УЧАН-СУ ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Не закрыть грозе всего простора,
не перечеркнуть его красу,
бородой волшебной Черномора,
свесился над лесом Учан-Су.
Мы порой не то считаем главным,
что потом окажется судьбой.
Головой перед Русланом славным
Магаби маячит предо мной.
А когда мне всё вокруг немило,
жизнь горька, шепчу я, как в бреду:
Не нашёл пока своей Людмилы,
только обязательно найду.
Тяжело рокочут камни в речке,
полыхнуло, словно треснул шёлк,
крупных капель звонкие колечки
дождь швырнул под ноги и ушёл.
Вешний холм весь крокусами вышит,
куст дрожит встревоженным конём,
пушкинскими образами дышит
Таври мятежный окоём.
Я, дитя компьютерного века,
верю в мысль, как в Ариадны нить,
что душа одна у человека,
и её ничем не заменить.
Скорость полонила наше племя,
урбанизм гнетёт, но – хоть убей! –
чем туманней пушкинское время,
тем сам Пушкин ближе и родней.
Не однажды в горестных сомненьях

был советчиком его чеканный стих,
потому что Пушкин современной
многих современников моих.
Потому что не на месте голом
зреет в нас поэзии вино.
Много стихотворцев, но глаголом
жечь сердца не каждому дано.
Хохоча, тоскуя и страдая –
так живу, взяв время под уздцы.
Минаретами Бахчисарая
на Ай-Петри кажутся зубцы.
И, за эту жизнь всегда в ответе,
всё же сердце верит в чудеса.
Я люблю, когда по кронам ветер
бродит и тревожит небеса.
Я люблю, что город мой так молод,
что гроза и что поётся мне!..
Бородой волшебной Черномора
водопад у леса в пятерне...

ТАРХАНКУТ

Я расскажу о Тарханкуте!
Звенел ковыль.
Бессмертник цвёл.
Гудел, басил в овраге трутень –
пижон среди работающих пчёл.
Он был силён...
А утром рано
дышалось вольно и легко.
Но почему среди бурьяна
нашёл изжальным его?
Зачем в бескрайнем этом лете,
в себя влюблённый, как Нарцисс,
прожил он, безразличен к смерти,
хоть и любил, наверно, жизнь?

Зачем?..
И, размышленьем занят,
я долго здесь ещё бродил:
лежит недвижимый в бурьяне,
как будто вовсе и не жил...
Хотя, постой.
При чём «как будто»?
Что этой жизни дать он мог?
И горький ветер Тарханкута
меня прозрением ожёг.
Он пел о том,
что жизнь прекрасна,
что слава ждёт нас или срам,
и вечность так же нам подвластна,
как, впрочем, неподвластна нам.
Подлодкой всплывало солнце.
Взошло.
И, тишиной звеня,
всех запахов полынных стронций
прошил и пронизал меня.
Ломились с неба волны света,
им в такт пульсировал залив.
Маяк рельефный, как ракета,
вносил космический мотив.
И жизнь, что не всегда прекрасна,
в которой слава есть и срам,
как вечность, нам была подвластна
и так же неподвластна нам.

ТАМ

Десант медуз с утра парит в воде,
их парашюты жгутся, лишь задень,
глубины не пугают на гряде
подводной, где охочусь я весь день.

К зениту солнце медленно плывёт,
нас любит время, время и простор;
кто не владеет глазомером, тот
промажет в рыбу, я, не вру, — в упор.

Я ритм постиг дыхания воды,
уже привык подводный мир ко мне,
кефали огибают край гряды
и к берегу плывут среди камней.

Ныряю и скольжу наперерез,
выныриваю, чтоб вздохнуть разок,
и белый теплоход «Морис Торез»
даёт предупредительный гудок.

На мыс Мартьян упала тучи тень,
десант медуз сместился в глубину.
Я рыбы настрелял за целый день,
закончу, вот возьму ещё одну.

А у палатки уж горит костёр,
там ждут уже жарёхи и уши,
и Гарик /молодой совсем/ Остёр
читает свои новые стихи.

Я тоже сочиняю всякий бред,
вся наша жизнь в стихах отражена,
и Светка говорит, что я поэт,
ещё мне не невеста, не жена.

Я подплыву, на гальку выйду я,
оставят ласты странные следы,
и бриза первобытная струя
покроет рябью зеркало воды...

Размазан мыса в сумерках изгиб,
девчонки тащат воду из ручья,
я брошу им кукан с десятком рыб,
и Ленка с Ольгой взвизгнут, хохоча.

Ян Вассерман уже открыл вино,
соль не найдёт, грозитя «въехать в глаз»...
да, это было, бабоньки, давно,
а как сейчас всё вижу, как сейчас.

Мы пасынками не были у муз,
ещё нас не кидала жизнь, и там
мерцает и парит десант медуз,
и рифмы льнут, как девушки, к устам...

С БАЛКОНА ВИДЕН САД

Тасует облака, что карты, шулер-ветер,
нет-нет, да и блеснёт сквозь них луны лорнет,
на многие вопросы я уже ответил,
на многие ещё, конечно, нет.
Ну что же, надо жить, весь этот мир — движенье,
нюансы бы постичь, не упустить штрихов,
здесь, с левой стороны, не зря сегодня жженье
почувствовал — предвестие стихов.
Ночь трелями сверчков наполнена до неба,
за сквером, словно шёлк, шуршит песком волна:
философом большим я в этой жизни не был,
но с лирикой душа была обручена.
Поэтам высший смысл даётся по наитью,
им больше говорят не разум, а сердца;
к балкону, где сию, луч путеводной нитью
пробился из созвездия Стрельца.
Ах, зимний гороскоп и в сентябре надёжен,
ко мне, мой верный луч, ты шёл издалека:
в охоте за строкой, да и за рифмой тоже,

нужны и верные глаз, и верная рука.
Но снова облака тасует ветер-шулер,
меняет и пути, и формы облаков,
в просветах пчёлы звёзд летят в небесный улей
в космической пылице до хоботков.
С балкона виден сад: мой лавр, инжир, секвойя.
черешня, алыча — всего не перечить,
сверчки поют вовсю, им кажется, что свой я,
да в сущности ведь так оно и есть...

РЕКВИЕМ

Это море моё, этот пляж, этот мыс, эти выси,
я здесь прожил века, что мелькнули, как пара минут,
снова солнце с луной на небесном висят коромысле
и по небу дневному над горной грядою плывут.

Снова я, как пацан, гальку плоскую в гальке прибрежной
всё ищу, чтоб швырнуть, чтоб запрыгала в брызгах она,
это море моё, этот пляж, этот мыс, эта нежность,
эта жизнь, что прошла, как прибой, за волною волна.

И когда я скажу, что не жалко, не верьте, не верьте,
солнце гаснет уже, но зато всё яснее луна,
это море моё, этот пляж, этот мыс, а бессмертье
пусть останется им, я и так получил всё сполна...

РОДИНА

Если Родина есть, то её не бросают, как девку,
не меняют её на нью-йорки, парижи, на Хайфу,
бросить можно работу, закончил свою пятидневку
и гуляй, отдыхай, предавайся плебейскому кайфу.

Я родился в Крыму, в замечательном городе Ялте,
с корешами-поэтами тоже хлебнул диссидентства,

я поездил по свету и всё-таки не поменял те
переулки, улочки, скверы, любимые с детства.

Я джинсовые брюки таскал, мол, кажусь иностранцем,
дринькал виски в порту на совковые красные даты;
в новом веке заря наливается тем же румянцем,
да вот строй не вернуть, над которым смеялись когда-то.

Стало ясно теперь, что там лучше, где нет нас, в натуре,
что предателей хуже политиков мало на свете;
я букеты сирени таскал восхитительной дуре,
я весь мир бы ей отдал сейчас, да её уже нету.

А порядки сегодня такие, что лучше не надо,
всё ясней понимаем — не наше на улице время,
но живу я на Родине, и никакая Канада
или, скажем, Испания, Родины мне не заменят.

Я пройду под платаном, он всякие видывал виды,
Чехов здесь проходил, Горький волны ретивые слушал.
Я родился в Крыму, под сиятельным солнцем Тавриды,
эту кровную связь нету силы такой, чтоб разрушить.

А когда мне тоскливо, поеду в Гурзуф, там аллея
помнит Пушкина, там есть музей Его храму подобен.
Я поездил по свету и понял, что больше нигде я
Так дышать и любить не могу, не дано, не способен...

РАДУГА НАД СКАЛОЙ

Рассыпался бурун у скал
искристой бахромою белой,
я ожидать тебя устал,
и ничего тут не поделать.
Из водной пыли над скалой
возникла радужная выюга,

цвета ложились — слой на слой —
и возникали друг из друга.
Сияла арка. И я шаг
ускорил, сколько было мочи,
но не пройти под ней никак,
если сама того не хочет.
Застыв средь солнечных лучей,
вздыхнул, в морские глядя мили:
вся наша жизнь — из мелочей,
как радуга — из водной пыли.
И знал, что скал глухой гранит
не назову холодным впредь я,
пока над берегом горит
живое чудо семицветья.
Оно зачем скользит? Куда?
Ни догм не зная, ни запретов.
И что меня влекло сюда,
как не желанье видеть это?..
Ты вспомни, как в такой же день,
буквально здесь, где эти скалы,
плыла над морем светотень
и в радугу перетекала.
А мы стояли на мыске,
приобнимал слегка тебя я,
и жилка билась на виске
твоём, такая голубая...

ПО АЛЛЕЕ Я ТЕБЕ ИДУ НАВСТРЕЧУ

Эти кедры, кипарисы, эта ива
над бассейном — все останутся в судьбе;
ты настолько сногшибательно красива,
что я речи дар теряю при тебе.

И, особенно юдоли не переча,
у подруг твоих смешливых на виду
по аллее я тебе иду навстречу,
словно я опять случайно здесь иду.

Очень мало совершенства в мире этом,
не поэтому ль наперекор мольбе
я, считающийся неплохим поэтом,
речи дар всегда теряю при тебе?

Мне понятны все подруг твоих улыбки
и кивки многозначительные их.
Пусть сегодня отношения наши зыбки,
это лучше всё ж, чем вовсе никаких.

Облака стоят, как замки, над Ай-Петри,
бриз вечерний горным воздухом пропах;
мы бываем друг от друга в полуметре,
да живём на разных мы материках.

Не чрезмерно ли печальна эта ива?
Не сурова ль кипарисов очень стать?
Ты настолько сногшибательно красива,
что ни словом ни сказать, ни описать.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

В окно, после грозы, ворвался ветер свежий,
я шторы распахнул, его впуская впрок.
я вдоволь побродил вдоль крымских побережий,
я погулял по ним и вдоль, и поперёк.

В подводный мир был вхож, пещерный Крым изведаль,
я всё почти познал в прославленном Крыму,
и если у меня по жизни было кредо,
то им была любовь и преданность ему.

После грозы в окно ворвался воздух свежий,
глухой далёкий гром ушёл за перевал,
уже и жизнь прошла, а увлечения — те же,
я никогда любви своей не предавал.

Кочуют облака, летят за летом птицы,
небесные цвета — все семь! — висят дугой,
и даже книг моих все лучшие страницы —
о Крыме, о любви, о Ялте дорогой.

В окно после грозы ворвался свежий воздух,
он запахи яйлы и моря внёс ко мне,
и ничего ещё, мне кажется, не поздно,
и звёздочка судьбы моей горит в окне.

О чём-то шепчет сад, по стенам бродят блики,
через часок, другой — восход возникнет ал,
я знаю, что поэт я вовсе не великий,
но я воспел свой край, как жил и понимал.

ОСТАНЬСЯ, КРАСОТА!

Ещё не листопад, но кроны позолотой
мой восхищают взгляд и рядом, и вдали,
и осени приход щемящей грустной нотой
озвучили меж звёзд ночные журавли.
Куда они спешат? Ещё тепло и ясно,
и море не штормит, зыбь лёгкую гоня,
но в золоте листвы всё чаще вижу красный,
опасный красный цвет, цвет крови и огня.
И с каждым днём сильнее растёт в душе тревога,
что вечность — это блеф, что нет почти минут,
которых день назад ну очень было много,
что голых крон шипы вот-вот её кольнут.
Вот-вот, ещё чуть-чуть — всё станет пищей тленья.
Останься, красота! Но чем заделать течь?
И потому в ночи, забыв про сон и лень, я
хоть в слове, о глупец, хочу её сберечь...

ОЖИДАНИЕ ДОЖДЯ

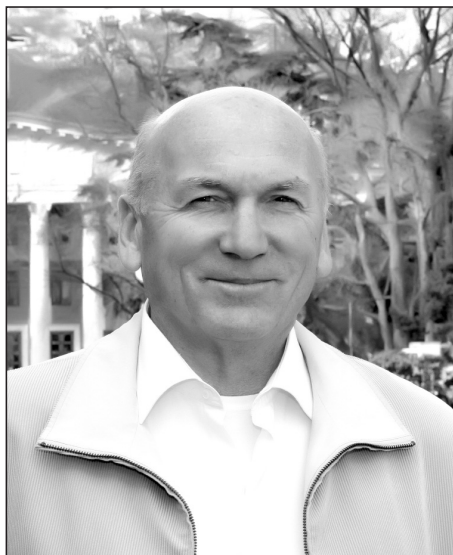
Вот это месяц!
Да из жизни всей
не вспомню ни за что
такой апрель я:
колючий непрерывный суховей,
как наждаком,
повизгивал в ущельях.
Миндаль засох.
Скрутилась алыча.
И пыль густая поглотила дали.
Зачах ручей у самого ключа,
и, обессилив, птицы
не взлетали.
И все мы ждали...
Нет, ведь так не ждут,
так веруют
с тоской во взоре птичьей,
что всё равно
дожди придут, придут
и возвратят весеннее обличье.
Так в старину
крестьяне шли гурьбой,
ниц падая, молились неустанно,
и это всё в душе и за душой
таилось и воскресло
в час неожиданный.
Какой великий чародей иль маг
решил прикончить
наконец-то сушь ту:
полезли тучи через Чатырдаг
и грузно навалились
на Алушту.
И всё вздохнуло.
Дрогнул окоём.

О, наконец! Молились не впустую!
И там, где был когда-то водоём,
прошили капли пыль дорог густую.
И наливалась вешней силой плоть,
и разум пел, забыв свою спесивость:
конечно, есть
Господь там, не Господь,
но высшая над миром справедливость.

ОБЛАКА

Облака плывут, как каравеллы,
к облакам взмывает стая чаек;
исчезают наши королевы,
превращаясь вдруг в домохозяек.
Облака меняют быстро формы,
в небыль превращаются из были.
Железнодорожные платформы
нас и наших девочек забыли.
Зацепились облака за горы,
взбухли на руках, как реки, вены,
и ослабли чары Терпсихоры,
и задули ветры Мельпомены,
Облака, сойдясь в большую кучу,
выпали дождём, и стало звёздно.
Я не знал, что молодость летуча,
а когда узнал, то было поздно...

АНАТОЛИЙ МИРЗОЯН

Анатолий Александрович Мирзоян родился 14 января 1946 года в селе Сосновка Бышевского района Киевской области в семье фронтовиков. Проживал в Нагорном Карабахе, Баку. В 1958 году переехал в Украину.

После окончания школы-интерната работал токарем, служил в армии.

С отличием окончил СГУ им. М. Фрунзе и Высшую школу КГБ СССР. Служил в органах КГБ и СБ Украины. Прошел путь от оперуполномоченного отдела контрразведки Крыма до начальника Управления – зам. начальника УКГБ по Крымской области. После увольнения в запас возглавил Медицинский реабилитационный центр «Жемчужина» Государственной таможенной службы Украины.

Государственный советник III ранга Государственной таможенной службы Украины, заслуженный работник культуры АР Крым, почетный член Крымского армянского общества, член Межнародного союза писателей АР Крым и Союза крымских армянских писателей, президент общественной организа-

ции «Клуб-99», председатель совета старейшин, почетный гражданин Ялты и Гаспры, автор слов гимна Ялты.

Имеет награды: 15 медалей, почетные звания и знаки Верховного Совета АРК, КГБ, СБУ, Государственной таможенной службы Украины, Благодарность Президента Украины, Золотой знак Крымского армянского общества за весомый вклад в развитие культуры.

Анатолий Мирзоян – лауреат кинотелефорума «Вместе» (2003), признан лучшим поэтом Ялты (2004), награжден дипломом Ялтинского городского совета за 1-е место в конкурсе на лучшую песню «Ялта – любовь моя» (2010). В 2011 году награжден дипломом за профессиональное мастерство и креативность в создании лучшего видеоклипа о Ялте (автор слов песни «Большая Ялта»). Лауреат Чеховской премии за 2012 год.

Сборники стихов: «Город нежный мой» (1997), «Отцов своих не предавая» (1998), «Жизнь – дорога» (2005), «Звездный вальс» (2006), «Город нежный мой» (2012).

ЛАВАНДОВАЯ СВАДЬБА

Бывают свадьбы деревянные,
Мануфактурно-трикотажные,
Прозрачно чистые, стеклянные
И ювелирно суперважные.
Названия даны условные
Для счета и для развлечения.
Лишь отношения любовные
Оценят брачное сплетение.
Сорок шестая постсапфирная
Лавандовой у всех считается;
То ли по запаху эфирному,
То ли по цвету называется.
Назвали свадьбу так, наверное,
Чтоб мы трухой не покрывалися,
Чтоб взрослость наша многодверная
На семь замков не закрывалася,
Чтоб свежий воздух нас обхаживал,
Чтоб были мы всегда в движении,
Чтоб за тобою я ухаживал,
Сдувая листики осенние.

МАССАНДРОВСКИЙ ПАРК

В Массандровском парке звенит тишина,
Весит паутиною скука.
Лишь бродит по небу старушка Луна
И смотрит на парк близоруко.

Свети — не свети и броди — не броди
Туда и сюда, и обратно,
Не возратить наслажденье в груди
От нежных цветов ароматных.

С её любопытством никак не понять —
Так что же в том парке случилось?
Все то, что должно было благоухать,
Сегодня в ничто превратилось.

Где клумбы, куртины, лужайки, кусты,
Весенники, летники, грядки?
Кто там от духовной своей нищеты
Рай превратил в беспорядки?

На бывшей аллее божественных роз
Стоит одиноко скамейка —
Невольный свидетель и смеха, и слез
С конца позапрошлого века.

Она и свидетель, она и судья —
Все видела, знала, молчала...
Нет подсудимых — пустует скамья;
Она роль другую играла.

А умники могут её обвинить
За то, что находитесь с краю,
И в поисках крайнего взять отомстить,
Последние ребра ломая.

Я знаю соседей, чье детство прошло
На этих лужайках, аллеях,
В сердцах, сохранивших природы тепло,
Им не было сказки милее.

Наивно мечтают сегодня они —
Появится в парке кудесник,
Тогда оживут даже старые пни
И зазвучат снова песни.

В массандровском парке скулит
ТИШИНА...

ПАРИЖ, ПАРИЖ!

Есть на свете город городов,
Состоящий из любви и тайны.
Он – музей истории веков,
Сказочный, серьезный и забавный.
По кино и книгам знаю я
О его красотах и героях.
Чудо – Елисейские поля,
Вовсе не покрытые травой.
Я хочу сказать, Париж, Париж!
Никогда тебя я не увижу.
Ты, не зная этого, молчишь.
Се ля ви. Я тоже не обижусь.
Никогда на башню не взойду,
Сен-Дени тревог не испытаю.
Счастья своего там не найду,
Шарма парижанок не познаю.
Не увижу я тебя, Париж,
Так же, как и Лондон с Барселоной.
Ты ведь тоже потерял, Париж,
Что не видел всех в тебя влюбленных.
А давай, Париж, наоборот –
Приезжай к нам в Ялту этим летом.
Ты увидишь, как народ живет,
Как здесь много солнечного света.
Эйфеля с Ай-Петри не сравнить.
Море – ну куда там речке Сене.
Если будем вина наши пить,
То оно нам станет по колено.
Мне так жаль тебя, Париж, Париж!
Ты так долго занят сам собою.
Ну зачем тебе такой престиж?
Приезжай, поговорим с тобою.

ЗВЕЗДНЫЙ ВАЛЬС

Ветеранам госбезопасности

Догорает вечерний костер.
Затихает мужской разговор.
Только звезды не спят,
Видят все и молчат,
Освещая небесный простор.
Всех влюбленных кружил, и не раз,
Этот звездный загадочный вальс,
До рассвета водил
И росую поил,
Не смыкая заботливых глаз.
 Есть у каждого в небе звезда,
 Есть одна, и она навсегда.
Ясным солнечным днем
Мы под нею идем
И не видим её никогда.
Вдруг, споткнувшись, она упадет,
Уходя в свой последний полет.
Мимо нас пролетит,
Ярко вспыхнув, сгорит
И желание наше поймет.
Есть мужчины, как звезды в пути,
Могут рядом безмолвно идти,
Окружая теплом,
Защищая ваш дом,
Не пытаясь награды найти.
Им доверено тайны хранить,
Без повестки на фронт уходить,
Первым в битвы вступать
И пощады не ждать.
Им доверено людям служить.
Догорает вечерний костер.

Затихает мужской разговор.
Только звезды не спят,
Знают все и молчат,
Продолжая бессменный дозор.

ЯЛТА – МАРГЕЙТ

Далеко-далеко, за морями, от родины нашей,
Как залетная птица, в чужие объятья попал.
И прошел по песку золотому пролива Ла-Манша,
Только след мой с рассветом внезапно куда-то пропал.

О тебе, Альбион, я судил по газетам и книгам,
По рассказам других образ твой я всегда представлял,
А бывало, туман, туман наводила чужая интрига.
Только этот туман не в тебе, а во мне оседал.

Породненный Маргейт стал намного мне ближе и нашим,
Только стоило тронуть больную струну про войну:
Одногодки отца вспоминали бои за Ла-Маншем,
Как пролив на своих и чужих гнал шальную волну.

Есть места на Земле экзотичней и ближе, и краше,
О которых, наверное, стоит мечтать и мечтать,
Но проливы-отливы седого пролива Ла-Манша
Сняли спазмы в груди — легче стало намного дышать.

ВСЕ ЖЕНЩИНЫ ПО-РАЗНОМУ...

Все женщины по-разному встречают дни рождения:
Кто с грустью, а кто с радостью восход очередной.
Капризные и в праздники испортят настроение
Не только окружению, но и себе самой.

Растерянные думают, что годы от рождения
Истертыми ступенями проходят чередой;
Затеяв восхождение к вершине покорения,
Никак не могут вырваться из тины бытовой.

Но! Есть такие женщины — с улыбкою весеннею
И взглядом, окрыляющим небесной чистотой,
Девчоночьей походкою без всякого стеснения
Идут, играя с осенью, с опавшею листвою.

Те на контрольное время всегда сдают экзамены,
Оценивая прошлое, все знают наперед.
Они снега вчерашние не обнимают пламенно
И не бегут за поездом на шпильках в гололед.

Ресниц движеньем томным способны двигать тоннами,
Держать в поклоне согбенном и слуг, и королей.
И быть при этом кроткими и преданными женами,
Воспитывая шепотом и внуков, и детей.

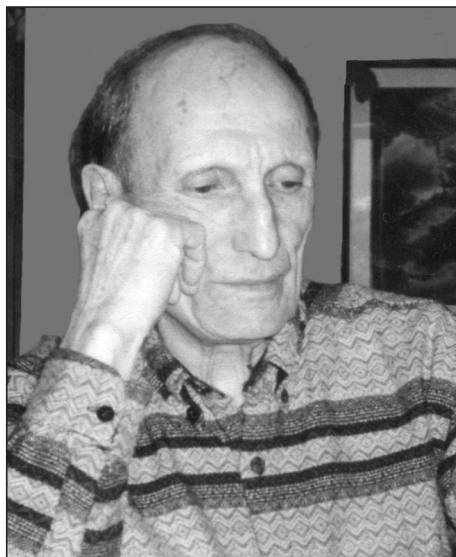
Все женщины по-разному встречают дни рождения:
Кто с думами про завтра, а кто и о былом...
Не растерять бы близким способность сохранения
Заботы благодарной, окутанной теплом.

САКСОФОН

При встрече с женщиной одной
Я скрыть волненье не могу —
Молчу, как будто бы немой,
Как в заколдованном кругу.
Есть у любви такой закон:
Дела решать все самому.
Но у меня есть саксофон,
Я доверяю лишь ему.
Ты помоги мне, саксофон,

О моих чувствах рассказать,
О том, как я в неё влюблен,
О чём не устаю мечтать.
Моя судьба – в твоих руках.
Я знаю: ты не подведешь.
С тобой полет, как в облаках,
С тобой тепло, как в летний дождь.
Ну что, дружок мой саксофон,
Достань до глубины души.
Её струны ответный звон
Ты поддержи, не заглуши.

МАРАТ ФАЙЗИ (САРКИСОВ)

Филолог и журналист Марат Хадыевич Файзи (Саркисов) родился в 1925 году в Симферополе. В 1937 году, после ареста отца – члена правительства Крыма, вынужден был сменить место жительства.

Участник Парада Победы на Красной площади в Москве в июне 1945 года. Награждён орденом «За заслуги» третьей степени.

В 1952 году М. Файзи окончил Латвийский государственный университет. В 1956 году, после реабилитации отца, вместе с матерью вернулся в родной Крым.

С 1960 года работал в системе управления культуры Крыма. Популяризируя национальную культуру народов Крыма, издал ряд методических и фольклорных сборников, среди них – книги «Легенды, предания и сказки Крыма», «Армяне в легендах Крыма» и «Женщины в легендах Крыма». С 1999 года Марат Файзи публикует крымские легенды и предания, в том числе и армянские в газете «Республика Крым» и журнале «Голубь Масиса».

Его произведения печатаются также в альманахе «Родина в сердце» Союза крымских армянских писателей, членом которого он является.

М. Файзи награжден высокой наградой Крымского армянского общества — памятной медалью им. И. К. Айвазовского.

СЕРЕБРИСТЫЙ ЛОХ

Когда-то берег Керченского пролива у эльтигенских скал был весь в зарослях серебристого лоха.

Рос этот выносливый кустарник на прибрежных откосах, где ветер и горькая соль не дают подняться более крепким с виду растениям. После войны здесь остался один куст. Как уцелел, выжил он на опалённой боями земле?

Огненной называли её местные жители, потому что берег, на котором высадился десант, полыхал огнём. Выстоят, удержатся ли черноморцы на этом клочке земли или станет он местом их последнего боя!

Дорого давался им каждый час жизни. Живыми оставались те, кто успевал зарыться в землю или укрылся за камнями, сброшенными, по преданию, защитниками древнего Нимфея.

Это был прекрасный город. Храмами и фонтанами украшали его люди. А когда приходил враг, Нимфей превращался в крепость на подступах к Пантикапею, вставал грозным воином в панцире высоких стен с зоркими глазницами бойниц.

Разрушенный временем город напомнил о себе потомкам. В узких разрезах траншей обнажились побуревшие, словно покрытые запёкшейся кровью наконечники стрел, чудом уцелевшая амфора. В ней черноморцы хранили самое дорогое – воду...

Сорок дней и сорок ночей держались у отрогов Эльтигена его защитники. Яростно выло фашистское чудовище, поливая огнём и металлом и без того израненную землю. Казалось, не оставалось на ней живого места... Но оно было! Полоску земли между окопами десанта и косогором, где рос серебристый куст, никто не трогал –мины затаил там коварный враг. И не могли они, не имели права погибнуть раньше, чем дойдут до врага...

Кончались боеприпасы, вода, силы... Как нужен был им этот последний бой. До боли в глазах вглядывались они в узкую полосу, которая кончалась за косогором, где засел враг.

А враг был спокоен. Кто посмеет пробраться к нему через смерть? Не под силу это человеку! Но вот на исходе сорокового дня раздался звонкий голос санитарки Петровой:

— За мной, ребята! Там мин нет!

Она разглядела спасительную тропу, и в час отлива, когда отступило море, она повела моряков по отмели на куст серебристого лоха. Лунным серебром отсвечивали листья его в ту ночь.

Молчало море, молчала земля, молчал враг.. Стучали только шаги. Каждый шаг — бой. Сделаешь его — выиграешь бой. Этого стоило ждать сорок дней и сорок ночей. Стоило мёрзнуть и голодать, чтобы увидеть перед собой этот живучий куст. Пройти к нему — значило победить.

Не думал враг, что пройдёт по минному полю русский десант. Но налетела на врага стая соколов с орлицей.

Заметалось вороньё, бросилось, ослепнув от страха на минное поле. И тогда воздала им сполна за свои раны древняя земля Нимфея.

Раскатистым эхом отдалось в прибрежных скалах победное «ура!!!» И вдруг оборвалось...

Почему-то стихло всё: ветер, волны, моряки, окружившие куст, — всё стихло, чтобы услышать, бьётся ли её сердце... А оно не билось...

Ветер гнал последнее облачко. Так светло стало вокруг.

Волны осторожно лизали берег, словно боялись причинить боль израненной земле. И согнули свои плечи, будто надломались, моряки. Так надеялись, что обойдёт смерть сестру, не раз спасавшую их от смерти... Не обошла. Попал осколок в сердце. Такое открытое и большое.

Не ставили тогда памятников. Живым памятником Герою Советского Союза Галине Петровой остался удивительный куст, сумевший боль и горечь превратить в красоту своих узких серебристых листьев...

ТАЙНА БЕЛОГО УТЁСА

Эта развернутая к солнцу благодатная земля нравилась Аполлону. На берегу моря недалеко от Белого утеса он с сестрой Артемидой выбрал место для её храма.

Здесь она впервые назвала его Фебом – самым чистым и проникательным из богов. Да, светоносный бог успел предупредить козни Посейдона, не соглашавшегося с намерениями Артемиды возвести храм на берегу.

Посейдон давно зарился на берег, который много лет назад был его владением. Узнав об этом, улыбчивый Феб смутился. Ему трудно было представить, чтобы эта цветистая и голосистая земля, так радостно тянувшаяся к солнцу, вдруг оказалась бы мрачным морским дном.

Уговоры не действовали на заносчивого Посейдона.

Когда он, пробивая бреши в прибрежных обрывах, совсем разбушевался, Феб решил, что не мешало бы его обуздать.

На единоборство боги шли неохотно, чаще заменяя себя смертными. Феб вспомнил одного длиннорукого Богатыря, который часто забавлялся тем, что забрасывал в море обломки скал.

Поймав на себе однажды весёлый взгляд светоносного бога, могучий Богатырь неожиданно спросил:

– Где найти тебя, Феб, если кому-нибудь из нас придется туго.

Фебу понравился простодушный смельчак, и он кивнул ему в сторону Белого утеса...

«Окажись теперь этот гигант здесь, досталось бы Посейдону!» – подумал Феб. Быстролётные лучи тут же передали его мысль Богатырю. И тот, чтивший Феба, поспешил к Белому утесу.

Однако в своём желании обуздать морского бога, Феб упустил из виду его злобных слуг. Коварные смерчи не раз отрывали Богатыря от земли, а яростный Ураган и вовсе свалил его на пути к морю.

Но Богатырь успел ухватиться за Белый утес, дотянуться рукой до моря и, сдерживая натиск волн, окаменел.

Уже тысячелетия хлещут волны богатырскую руку, пытаются сбить, размыть, проникнуть в тайну её несокрушимости.

Но хранит святую тайну Богатырь, доверивший свою жизнь Солнцу...

А время сморщило ладонь, искривило пальцы богатырской руки. Но так и не смогло разрушить. Они стали каменными грядками. Каждый палец – гряда. А между ними образовались бухты. Бухта между большим и указательным пальцами называется Северная, между указательным и средним – Корабельная, между средним и безымянным – Южная, между безымянным и мизинцем – Карантинная.

А сам окаменевший Богатырь стал Севастополем, то есть славным и священным городом, достойным поклонения.

УЩЕЛЬЕ ЧИГЕНИТРА

Под сводами чистилища горит огонь в честь Девы.

Отблеск пламени выхватывает из мрака её глиняную фигурку, стоящую в нише, и суровое лицо погружённого в раздумье жреца.

Предки тавров завещали беречь знамения и образ Девы, той, что хранила целостность их рода. Над её фигуркой в косых лучах заката мерцало изображение птицы, летящей к солнцу. Разве судьба их племени не напоминала полёт этой птицы, и тавры не поднялись к солнцу с равнины, чтобы свить свои безопасные гнёзда в горах?

Да, горные отроги и пропасти до сих пор берегли их от непрошенных гостей. Тавры легко взбирались на любой уступ и звоном меча могли отогнать злых духов...

Отчего же тогда над кровлями селения витает призрак непонятной беды? У входа в святилище послышался шорох. Жрец, вздрогнув, обернулся. Перед ним, как из-под земли, выросли две тени. Это был его сын с другом. Оба тяжело дышали. С рассечённых мечами панцирей свисали бронзовые нашивки.

– Что случилось, Томир?

– Мы возвращались с торга. Греческие стражники преградили нам путь. У входа в ущелье они ранили трёх тавров, защищавших Чигенитру. «Это их богиня!» – кричали они, пытаясь схватить девушку. Мы обнажили мечи, и ей удалось скрыться. Стражники

тут же разожгли костёр. Они вызвали подмогу. Дай нам воинов! Собери тавров, отец!

Доставая из костра дымящуюся ветвь, жрец разворошил угли, и огонь, как малый вулкан, извергнул из себя снопы взвившихся искр...

— Деве не угодны эти жертвы, — сказал жрец и протянул горящий факел сыну.

«Греки увидели в ней нашу богиню», — размышлял жрец, надевая медный панцирь. А кем для них самих стала эта ясноокая девушка в красной тунике и серебряном шлеме? Живым воплощением Девы? Или проворной девушкой, приносившей из леса старой матери мёд, а им удачу в охоте? Быстрая, как ветер, овеянная лесным духом, Чигенитра казалась его сыну птицей, слетевшей со скалы святилища.

— Кем бы ни являлась для нас Чигенитра, пусть поможет ей сейчас Дева, — проговорил жрец вслух, спускаясь с юношами в ущелье.

В небе над Белой скалой уже колыхался чёрный дым костра тревоги, и над землёй гремела набатная дробь барабана, собиравшая тавров. Но тавры опоздали. Закалённые в сражениях опытные гоплиты опередили их и, скользнув вереницей, вошли в горловину ущелья. Таврам пришлось теперь пробиваться по обрывистому склону, где между скал и кустов мелькала красная туника Чигенитры. Проворная девушка давно могла скрыться от преследователей в лесной чащобе. Но, заметив засаду, устроенную гоплитами, она продолжала метаться по крутому косогору, пытаясь предупредить своих. Она что-то кричала, размахивала руками. Но тавры в горячке боя думали, что девушка зовёт их на помощь, и бились отчаянно, попав в засаду.

Стараясь отвлечь гоплитов от Томира и его воинов, Чигенитра играла со смертью. Кольцо гонявшихся за ней солдат сжималось к уступу, за которым зияла пропасть.

Побросав свои тяжёлые щиты, гоплиты гоготали, предвкушая лёгкую добычу...

Девушка взбежала на последний уступ и замерла у края бездны. Остановились и преследователи. Вдруг по ущелью разнёсся крик:

– Чигенитра! Доченька!

Этот крик подстегнул преследователей. Они бросились к девушке.

– Мама!

Красная фигурка отделилась от утёса, яркой птицей прочертила небо, исчезнув за деревьями у подножия обрыва. А гулкое эхо донесло крик матери...

Томир услышал этот крик. К нему, оглушённому во время боя, вернулось сознание. Он подождал, пока преследователи Чигенитры спустились вниз, тяжело поднялся, несколько мгновений смотрел на них, пошатываясь, а потом молниеносно, чего никак нельзя было ожидать от раненого, нанёс ближайшему гоплиту удар остриём меча в горло. Смертельный и почти неотразимый без щита «таврский удар». Вскрикнул и тут же упал второй грек, зажимая распоротый бок.

– Держись, Томир! – крикнул жрец и ринулся к месту, где сражался раненый сын, но опоздал. Там уже не звенели мечи, стих шум неравной схватки, греки покидали ущелье и, целуя себе руки, благодарили за удачу своих богов.

Вокруг распростёртого на земле Томира лежали поверженные им гоплиты. Жрец опустился на колени у ног сына.

– Ты был героем, мой мальчик, – шептали его губы. – Тавры будут помнить тебя долго.

Выходили из леса разгорячённые боем воины. Вели раненых, несли убитых.

– Похороните Томира вместе с ними, – сказал жрец.

Он поднялся с колен тогда, когда пришли искавшие Чигенитру.

– Её нигде нет, – сказал один из тавров. – Вот всё, что осталось от неё. Он протянул жрецу серебрянный шлем...

– Если она богиня – она жива! – сказал жрец. – Она останется в горах.

Томира и других павших медленно понесли к некрополю. Живые и мёртвые возвращались домой.

Навстречу идущим бежал подросток. Он смешно размахивал руками и что-то невнятно кричал.

— Беда, — разобрал жрец, — там почернело море!

Жрец положил руку на плечо мальчика, и они, не оглядываясь, зашагали к обрывистому краю нагорья.

У горизонта, где морская синева сливалась с темнеющим небом, зловеще чернели силуэты военных кораблей.

«Вот он призрак непонятной беды!» — мелькнуло у жреца, и мир, ещё недавно казавшийся ему беспредельным, сужался... Потеряв сына, Чигенитру, лучших воинов, он теперь опасался за остальных. Как спасти племя? Этого мальчика... Что скажет Дева? — думал он, тяжело поднимаясь в святилище.

Люди с беспокойством ждали жреца. Он появился в чёрном плаще, чтобы исполнить последний обряд. Поклонился павшим за то, что были они на земле, и... взмахнул рукой. Зарокотали барабаны, заглушая плач женщин. Одна за другой прогремели плиты, которыми они закрывали каменные ящики с павшими.

— У наших берегов — корабли чужеземцев, — раздался голос жреца. — Сильный враг угрожает нам. Что делать, тавры?

Люди молчали...

— Боги тоже молчат, — угрюмо молвил жрец. — Значит, одним нам не устоять в горах...

В толпе зашевелились:

— Это последнее слово жреца? — спросил кто-то. — И все наши жертвы — зря?

— Нет! — жрец внезапно вскинул руку в сторону степи, где жили скифы. — Союз со скифами спасёт наше племя. Не спорьте из-за земли и запомните: эта земля всегда будет принадлежать только тем, кто погиб, сражаясь за неё!

... Давно погас огонь в заброшенном таврском святилище, которое зовётся теперь пещерой Шанкая. Там, где когда-то было селение, вырос вековой лес. К нему с Караби-яйлы через ущелье Чигенитра ползут седые туманы...

Исчезло селение, исчез народ, оставив о себе одни догадки.

Ущелье Чигенитра... Слово, скорее всего, индоиранского происхождения и такое давнее, что не верится, как, веками хра-

нимое, могло оно уцелеть в бурной смене разноязыких племён и народов.

Возможно, Чигенитра – это переименованное имя сестры иранского бога солнца – Митры, берегущей мир от раздоров и несчастий? По чьей-то злой воле ей не удавалось сблизиться с братом, и обернулась она птицей, летящей к солнцу.

Вероятно, таврам, дерзнувшим подняться в горы, к солнцу, была близка судьба гордой Чигенитры, и крылатое имя её, победившее время, с тех пор осталось в горах.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОЙ КОЛЫБЕЛИ

Столетиями стояла крепость на горе Мангуп. Вокруг не раз бушевал огонь, рушились под напором кочевников соседние крепости, а эта – держалась. Словно берегла её какая-то таинственная сила.

Разное говорили о горном княжестве и его предках – урумах. Будто когда-то отозвались они на зов этой земли, мучимой враждою племён.

Тогда всё, что хотело вырасти на ней, погибало.

Кони топтали людей и сами гибли под копытами. Проклятия рабов и вопли раненых в отзвуках скал и пещер слышала гора и окуталась черным дымом.

Увидели далёкий дым зоркоглазые урумы и поспешили к Мангупу, как спешили к попавшим в беду соплеменникам, когда те зажигали костёр тревоги.

Шли они долго к высокой горе, похожей на остров в лесном море Каралезской долины, но у самой горы их настигли быстрые, как смерч, степняки. Дымная мгла и ночь спасли урумов.

Теря последние силы, взобрались они на гору и стали подтаскивать камни к обрыву, чтобы утром отбиться от преследователей.

Однако камни не понадобились. На рассвете скопившихся внизу степняков ослепил яркий свет. Сверкнувшие доспехи урумов враги приняли за одежду небесных воинов, а лучи солнца – за огненные стрелы и ускакали прочь.

Спасенные обнаружили в расселине горы золотисто-желтый камень, похожий на золотую колыбель. Он на удивление сохранил тепло раннего солнца, и урумы решили, что здесь, в горах, мог родиться светоносный бог.

Так солнечный камень стал их святыней, а гору, спасшую их, они назвали Отчей.

Золотая колыбель помогла им отстоять себя. Горцы помогли другим племенам забыть горечь вражды и вместе вдохнули жар жизни в свою землю. Выходили её, засеяв зернами добра. А цитадель, которую они возвели над кручами Отчей горы, стала потом в центре столицы княжества. И ожила мангупская земля зеленью трав, чистотой родников, звонкими головами детей.

Такой радости не ведали гемуэзцы. Легко захватив поморье своими легионами, они рассчитывали быстро подчинить себе непокорных. Удобные гавани, крепости, рабы — всё уже было у них, но уверенности, что это надёжно и надолго, не было. А всё потому, что не хватало им золотой колыбели, — полагали они.

За ней и отправился гемуэзский посланник к мангупскому князю. Витиевато говорил о пользе мира и согласия. Князь согласился с тем, что мир — благо для всех и ничего дороже его быть не может.

— Отдайте нам в знак мира золотую колыбель, — неожиданно заявил посланник, — и мы убедимся в правоте ваших слов...

Гемуэзец требовал святыню предков, сокровище древнего бога, что сверкала росой на заре... Метнул свой взгляд князь на побледневших советников.

— Зачем вам чужая святыня, господин посланник? — подавив гнев, спросил он. Возьмите редких скакунов, сапфиры, что предсказывают судьбу и будут хранить вас от страха, возьмите, наконец, мой меч с золотой рукояткой...

Но посланник отрицательно качал головой. Ему нужна была не просто дорогая вещь, а то, благодаря чему, они, чужеземцы, обретут безбоязненную власть над другими.

Чем упорнее отказывался князь, тем настойчивее был лукавый посланник:

— Ради согласия мы готовы отдать вам тоже самое дорогое...

Советники князя переглянулись, посовещались, и князь предложил генузцам отдать бумагу, которая разрешала им владеть землёй в Таврике. Неожиданное предложение смутило надменного посланника:

— Нет, нет, что угодно, только не это!

— Но вы же осмелились требовать нашу святыню! Разве она не стоит клочка бумаги?

— Может быть, и стоит, — ухмыльнулся генузец, — но у вас всего лишь одна вещь женского рода, только красивое слово «колыбель»... Но мы сторгуемся!

— Да-да, одна вещь, одно слово, — как в бреду медленно повторял князь. — А ещё ведь есть родина, свобода, любовь, вера — тоже слова женского рода, а добавьте память, и выйдет то святое, что хранит сердце нашего народа. И знайте, пока цела наша святыня — народ живёт, хотя бы останется от него горстка людей. Прочь уходите, мы не торгуем верой предков!

— Что ж! Не хотите добром, заберём силой! — вспыхнул посланник.

И опять вспыхнула война на крымской земле. И снова крепости переходили из рук в руки, а легионеры не раз пытались прорваться вглубь горного Крыма. Но сокрушить мангупскую крепость и овладеть золотой колыбелью они так и не смогли. Гордый князь горцев понимал, что не успокоятся враги, и святыне в его замке будет постоянно грозить опасность.

И направился он к горе Басман, и доверил горным духам пещер то, чем не сумели овладеть враги ни силой, ни обманом.

Многие с тех пор искали в крымских пещерах сокровище этого края. Проникали в ущелья, в расселины скал, спускались в самые глубокие пещеры. Но тщетно...

Наверно, немало доброго надо сделать многострадальной и прекрасной земле Крыма, чтобы она открыла людям свою самую сокровенную тайну.

АЙЦЕМИК

На некоторых крымских хачкарах рядом со святым крестом высечена небольшая фигурка лани. Это изображение связано с легендой, сохранившейся в памяти переселенцев из Ани.

Неся смерть и разрушения, ворвались в Киликию враги и осадили столицу армянских Багратидов – Ани. День и ночь бросались отряды эмира Фадлуна на высокие крепостные стены, круто спускавшиеся к берегу реки Ахурян. Не терпелось эмиру увидеть перед собой покорённых, молящих о пощаде жителей города «тысячи одной церкви». Но защитники, зная о коварстве врага, не думали сдаваться. Пока одни отбивали атаки, другие в святой надежде спасти женщин, детей и немощных стариков расчищали подземный выход к отрогам гор.

Ценой огромных потерь врагам удалось прорваться к внутреннему обводу крепостной стены и пробить кладку надвратной башни. Но радостные крики захватчиков стихли, едва в проёме показалась могучая фигура спарапета Ваграма Пахлавуни. Засверкал его меч, поражая врагов.

Лучники эмира засыпали седого воина стрелами. Утыканный ими щит отяжелел и перестал служить защитой.

Раненый Ваграм вцепился в выступы проёма, телом своим закрывая проход врагам. Из последних сил поднял он свой меч, но упал сражённый стрелами.

Вот-вот наступит миг, когда враги ворвутся в город.

Не успеют тогда тысячи женщин с детьми скрыться в спасительном проходе. И, словно гордый дух непокорённого города, появилась на боевой стене девушка.

Сверкали лёгкие доспехи и шлем в лучах заходящего солнца.

– У нас есть ещё женщины, которые умеют стрелять!

Девушка вырвала попавшую в неё стрелу и, натянув тетиву лука, тут же сразила возникшего в проёме врага.

Затем, разбежавшись, птицей перелетела на другую сторону провала и столкнула вниз лестницу.

Воспользовавшись замешательством врага, женщины подбирали сброшенные девушкой охапки боевых стрел и становились у амбразур камней.

– Сбейте же её! – кричал эмир, разъярённый тем, что сотня лучников не может поразить цель.

А девушка, уводя врагов всё дальше от проёма, сеяла страх, выдергивала попавшие в неё стрелы и поражала ими врагов.

– Колдунья, – катился глухой ропот.

Эмир знал, что пока эта неуловимая на крепостной стене, его суеверные воины не решатся войти в город.

– Уходи, Айцемик! – крикнул вдруг кто-то с той стороны.

Эмир не разобрал слов, но, заметив там, где стояла девушка, кровь, мгновенно схватил лук и выстрелил.

Оттуда, где только что стояла «колдунья», прыгнула горная лань...

Затрубили трубы, ринулись враги через провал крепостной стены. И увидели одни развалины. Города не было. Люди, что ушли из него, унесли город «тысячи одной церкви» в своих сердцах.

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

Море и Солнце любили эту Землю, но каждому хотелось, чтобы она принадлежала только одному из них.

Море то бурно оповещало о своей всепоглощающей любви, то одну за другой накатывало на Землю угрюмые волны, надоедливо шепча:

– Ты наша, Земля, наша...

И поникла Земля, сползая в темную пучину Моря.

Жаркое дыхание Солнца подняло её к свету. Земля увидела, что среди тысяч мерцавших на небе холодных звезд только Солнце принесло ей тепло и свет. И потянулась она к свету голубыми вершинами гор, засверкала высокими травами...

Глухим ропотом откликнулось Море. Но Земля уже не слышала его и, оцепенев от зноя, высыхала и трескалась, постепенно превращаясь в бесплодную пыль.

Радость победы захлестнула Солнце:

– Только ты и я – одно яростное счастье! Остальное всё – пыль, гибель!

И тогда, звеня копыями высохших трав, поняла Земля, что не ярости Солнца, не вкрадчивого ропота Моря ждала она.

Каждой травинкой, всеми трещинами скал своих ждала она того, кто отдаст ей себя и воплотится в ней новой жизнью...

Нахмурилось Небо, видя, как страдает Земля.

Грозные тучи закрыли Солнце и пролились дождем.

Жадно, захлебываясь пила Земля сладкую воду Неба и не заметила, что на груди у нее, как радужное сердечко рассвета, появился цветок. Выпрямился цветок, посмотрел гордо на бурливое Море и зажмурился от слепящего света.

Это Солнце не могло наглядеться на сверкавшие от росы лепестки...

С тех пор, чтобы продолжалась жизнь, Небо всегда ткало узоры из Солнца и Дождя, из Огня и Воды.

Может быть, так и возник Крым? Из Огня и Воды?

Как цветок, похожий на сердце.

АЛЕКСАНДР СКЛЯРУК

Евпаторийский поэт, переводчик, педагог, журналист Александр Семёнович Склярук родился в 1952 году в Евпатории.

В 1971 году окончил Днепропетровский политехникум. Служил в рядах Советской армии, был корреспондентом газеты «Боевое задание».

В 1977 году окончил Ереванский государственный педагогический институт русского и иностранных языков им. В. Брюсова. Учёбу в институте совмещал с работой в Союзе писателей Армении в качестве переводчика и библиографа у известного поэта Геворга Эмина. Владея несколькими языками, принимал участие в подготовке к изданию книг поэтов-переводчиков.

С 1977 по 1978 год работал учителем в селе Дзорап Аштаракского района Армении.

С 1978 по 1985 год – методист и экскурсовод Евпаторийского бюро путешествий и экскурсий, педагог-воспитатель общежития и преподаватель ГПТУ – 19.

С 1985 по 1987 год – заведующий лабораторией кафедры иностранных языков в Харьковском автомобильно-дорожном

институте и преподаватель русского языка как иностранного, в том числе и в электротехническом техникуме, а с 1988 по 1990 год – заместитель директора по учебно-воспитательной работе Харьковской областной школы-интерната №4.

Принимал участие в ликвидации последствий землетрясения в Армении в 1988 году.

С 1990 года А. Склярчук работал учителем русского языка и литературы в детском санаторном комплексе «Прометей». В 1991 году стал основателем и директором воскресной армянской школы, где преподавал историю армян Крыма.

С 1993 года является заместителем председателя Евпаторийского городского отделения Крымского армянского общества (ныне – Местная армянская национально-культурная автономия городского округа Евпатория), принимает участие в осуществлении широкой программы развития общины в организации работы, обучения, культуры. Благодаря усилиям правления и лично А. Склярчука местной общине возвратили армянскую церковь Сурб Никогайос (Св. Николая) – памятник архитектуры XIX века. Он принимает активное участие в мероприятиях по реставрации этого храма, в создании историко-культурного центра, ведет исследования по этнографии крымских армян, является участником международных научно-практических конференций «Армяне Украины: вчера, сегодня, завтра».

С 1993 по 1997 год – член правления общества «Украина – Армения». Неоднократно выступал с докладами на республиканских семинарах, посвященных возрождению культур народов Крыма.

С 2008 года является председателем общественного совета при управлении межнациональных отношений Евпаторийского городского совета, в который входят представители 17 национально-культурных обществ и организаций. Благодаря его усилиям проводится большая работа по сохранению национальных культур и традиций разных народов: дни национальных культур, народные праздники, творческие встречи, литературные чтения, конференции, фестивали, выставки. Имеет много публикаций в различных газетах и журналах.

С 1994 года – корреспондент газеты «Голубь Масиса» Крымского армянского общества.

С 2002 года – член Ассоциации крымских армянских литераторов, которая в 2007 году преобразована в Союз крымских армянских писателей (СКАП).

С 2010 года – ответственный секретарь Союза крымских армянских писателей, редактор и член редакционного совета альманаха крымских армянских писателей «Родина в сердце», других изданий. Участник семи первых выпусков этого альманаха.

С 2013 года – член президиума КРО Национального союза писателей Украины.

Автор поэтических сборников «Лирика», «Сокровенное», «Мелодия ветра», «Я встретил осенью весну», книги «Из путевого блокнота».

Член литературного объединения им. Ильи Сельвинского (г. Евпатория).

Александр Складрук – лауреат Всекрымского фестиваля поэзии «Альгамбра – 2003», международного фестиваля поэзии «Чеховская осень – 2009» (г. Ялта), музыкального конкурса «Песня о Евпатории», крымского поэтического конкурса «На Евпаторийской осенней волне» (2010 г.). Он является членом оргкомитета и участником Международного фестиваля «Трамвайчик №...» (Поэтический маршрут) в Евпатории.

Отмечен почетным знаком «За активную работу» Правления Всесоюзного общества «Знание» (1989 г.), благодарностью Министерства культуры, по вопросам молодежи и спорта Армении (1995 г.), благодарностью Правления Союза писателей Армении (1995 г.).

Награжден Почетными грамотами Президиума Верховной Рады Автономной Республики Крым (2002 г.), Крымского армянского общества (2005 г.), а также дипломом культурно-просветительного центра «Дружба» Министерства культуры и искусств Украины.

В 2003 году награжден юбилейной медалью «2500 лет Евпатории», Почетной грамотой городского головы (2002 г.), неоднократно награждался грамотами исполнительного комитета городского совета и благодарностями городского головы.

В 2006 году награжден памятной медалью им. И.К. Айвазовского, а также занесен на городскую Доску почета, отмечен дипломом участника 7-го Международного фестиваля «Гезлев – Къапусы – 2010».

В 2007 году награжден Грамотой оценки заслуг и благословения Главы Украинской епархии Армянской Апостольской церкви, архиепископа Григориса Буниатяна.

В 2008 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры Автономной Республики Крым».

В 2010 году награжден Грамотой Республиканского комитета АР Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан.

Александр Склярук – лауреат конкурса «Общественное признание» (2012 г.).

Награжден Грамотой Патриаршего благословения и признания заслуг Католикоса всех армян Гарегина II и высшим почетным орденом Армянской Апостольской церкви «Сурб Саак – Сурб Месроп» (2012 г.). В этом же году ему была вручена высшая награда Крымского армянского общества – Золотой знак.

В 2013 году А. Склярук награжден Почетной грамотой Кабинета министров Украины и медалью.

Увижу пред собою лик,
Что знает боль мою...
Святой здесь Сурб Никогайос,
Взывая к небесам,
Опять прощение принес
Всем многогрешным — нам!

* * *

Сегодня был в Бахчисарае
И долго думал, и мечтал...
Как будто оказался в рае,
Где царство добрых всех начал...
И у Фонтана слез надежда
Вдруг промелькнула осторожно...
Цветы лежали, как и прежде,
А, значит, счастье так возможно...

ВСТРЕЧА

Эта встреча с вами — просто сказка,
Это явь, в которой все живем,
Солнце творчества сияет, не угасло...
Славу мы тебе поем!
Это встреча светлых, ярких светлых судеб...
Впечатления, счастливые дела...
Пусть горенье вдохновенье будит
Сколько жизнь вам подарила и дала!
Языки народов всех нам близки:
Русских, украинцев и армян,
Караимов и татар не только крымских,
Крымчаков, евреев, молдаван,
Греков и болгар мы понимаем,
С немцами так дружно вместе здесь
И встречаемся, и заседаем.
Главное — у всех желанье есть...

* * *

Плыла луна по небосклону,
Благословляя новый день,
И тихо целовало море
Счастливый берег перемен.

И утро нежно рассветало
В прохладной свежести весны,
А нам той ночи было мало,
Той первой ночи новизны...

* * *

Приятно снова
целоваться с осенью,
Когда деревья
с солнечною проседью,
Когда волнуют сердце
шаловливо
Твои глаза
С прищуринкой игривой...
Когда спелеют губы
вдруг мгновенно,
И жар в груди
беснуется нетленно...
Когда твои черты
небрежно-милы,
И не сдержат уже
чудесной силы...

* * *

А. С. Пушкину

Ты исчезнуть хотел
От завистливых глаз,
От надменных людей
И пороков дремучих...

И служил правоте
Ты всю жизнь, и не раз
Доверялся беде,
Несторонний попутчик...
Ты ушёл, не простившись,
В холодный февраль...
Но для нас ты остался
Любимым поэтом...
Несмотря ни на что,
Ты в величье восстал
И остался навеки.
Спасибо за это!

* * *

Скажу тебе «прости», скажу «прощай»...
Последний раз пусть предпоследним станет,
А ожиданье снова не обманет:
Судьба играет с жизнью невзначай,
И нежные картинки проплывают...
Без слов мы понимаем все с тобой.
О, как чудесен вечер под луной! —
Мечты и обещанья навевают...
И даже если рядом нет плеча,
Ласкает мысль и волшебством сияет,
А ветер снова песню напевает:
Я жду тебя, скучаю я без чар!
Ты рядом будь и чаще навещай...
Однажды счастье снова улыбнется,
Надежда в сердце верном остается...
Единственная, только обещай...
Чудесно в нашем мире. Замечай,
Когда тревожным будет ожиданье...
А я спешу к тебе с одним признаньем...
Я жду вновь приглашения на чай...
Скажу тебе «прости», скажу «прощай»...

ГОРОД ТАЙНЫ

Я вновь вернулся в город тайны,
Он с детства мне знаком и мил...
И навестил здесь не случайно
Одну из тысячи могил...

Я торопился издалека,
Чтоб здесь в молчанье постоять,
Пусть время было к нам жестоко,
Сегодня вместе мы опять...

Все быстротечно в этом мире,
Прошедшего не воротить...
Прости, что я твою могилу
Сумел лишь нынче посетить...

Я вспоминаю наши встречи,
Твою улыбку и глаза...
Родимый звук гортанной речи
И все, что ты хотел сказать...

Невольно набегают слезы,
Не в силах с ними совладать...
Сюда вернулся слишком поздно,
И мне себя не оправдать...

А ты мне словно в душу смотришь...
А ты не хочешь оставлять,
Как будто тихо произносишь:
— Я так стремлюсь тебя понять!

Нет в жизни, в смерти силы этой,
Пока живу тобой, дышу...
Остались лишь одни ответы...
Горит огонь, и я пишу...

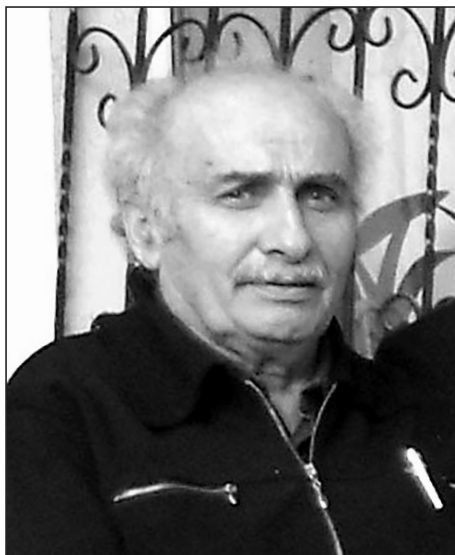
Осенний свет... В душе тревога,
Становится коротким день...
Мне без тебя так одиноко,
И бьется в окна чья-то тень...

* * *

Я жду тебя часы, минуты...
Секунды стали вечностью моей.
Комочек сердца, как листок согнутый,
Так хочет распрямиться... Ты согрей!..

Я жду тебя, как солнце, мою радость...
Тайнственные звуки волшебства...
Желанье ожиданьем показалось...
А за окном шумит осенняя листва...

МИХАИЛ ПЕТРОСЯН

Михаил Арамович Петросян родился в 1942 году в селе Мохратах Мардакертского района Нагорного Карабаха.

Закончив среднюю школу, он в 1964 году поступил в Ереванский электромеханический техникум, после окончания которого с 1967 года работал на Степанакертском «Каршёлккомбинате» начальником цеха. Заочно окончил Минский институт лёгкой промышленности.

Михаил Петросян начал писать стихи в четырнадцать лет. Публиковался в газетах «Советакан Карабах», «Коммунист», «Авангард», «Метаксагорц».

С 1992 года живет в Симферополе и активно участвует в культурной жизни крымских армян. Изданы сборники стихов Михаила Петросяна «Зов Арцаха», «Легенда о любви», «Тоска рождается в дали» и рассказов «Родники рождаются в горах». Он является участником семи выпусков альманаха «Родина в сердце».

Михаил Петросян – член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины, награждён памятной медалью им. И. К. Айвазовского.

ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

ԾԵՐՈՒԹՅՈՒՆ

Ա՛խ, ծերության մեջ էլ լավ բան չկա,
Միրուց անհանգիստ մերժման ցավ չկա,
Մարդուն մաղթում ենք անհոգ ծերություն,
Բայց իրականում այն բնավ չկա:

Հուշերն են միայն մեկ-մեկ շող տալիս,
Եղած ցավերից մի պահ խույս տալիս,
Թե որ ընտանիք ունես արժանի,
Քո սերունդների լավն է հույս տալիս:

Թե հետք ես թողել քո հայրենիքում,
Իզուր չես ապրել դու այդ սուրբ հողում,
Հողը հարազատ, սիրասուն մայր է,
Իր որդիներին նա չի մոռանում:

ՉԱՐՆ ՈՒ ԲԱՐԻՆ

Չարը ծնվել է բարու հետ մեկտեղ,
Որտեղ բարին է, չարն էլ է այնտեղ,
Հենց որ բարին է սայթաքում հանկարծ,
Չարը իր գործն է կատարում անշեղ:

Բայց պատահում է՝ չարն է սայթաքում,
Այնժամ բարին է շուտ ոտքի կանգնում,
Այդպես մեկմեկու հրում են հավերժ,
Բայց միշտ անբաժան ընկեր են մնում:

Քեզ համար կյանքում միշտ բարին ընտրիր,
Չարը միշտ էլ կա, նրան մի փնտրիր,
Բարի լինելով՝ չարին կհաղթես,
Նրա գրավիչ տեսքով մի տարվիր:

ՀԱՆՑԱԳՈՐԾԸ

Պարապությունից դարձա ոճրագործ՝
Ինքս խեղդում եմ անմեղ օրերս,
Հետո դառնում եմ անխիղճ մսագործ,
Մաս-մաս եմ անում անմիտ ժամերս:

Հետո փորձում եմ դառնալ խոհարար.
Այդ կտորներից հուշեր եմ եփում,
Հետո արածից գոհ ու բավարար
Մոռացած տարիք՝ նորից եմ ապրում:

Պարապությունից դաժան բան չկա,
Երբ չկա մի գործ, որ օրդ ծախսես,
Գող կամ հարբեցող գենիդ մեջ չկա,
Ստիպված պետք է երգեր հորինես:

Եվ այսպես, նորից դարձա հանցագործ,
Որ ծերությունս սպանեմ իմ մեջ,
Հին երազներից մի գլուխգործոց,
Նորից զգում եմ ջահելների մեջ:

ԱՐԻ՛, ԱՐԻ՛ ...

Արի՛, արի՛, շո՛ւտ արի,
Իմ հույսերը մի՛ մարիր,
Անձրև լինի, թե արև,
Միրող սիրտը կսպասի:

Արի՛, ինչպես գարնան ցող,
Քո կարոտից շուրթս չոր,
Թող մազերիդ ես դիպչեմ
Քնքուշ-քնքուշ, ինչպես հով:

Թեկուզ մի քիչ խռով-մռով,
Ինձ մոտ արի լոկ սիրով,
Տե՛ս չուշանաս, սիրելի՛ս,
Ինձ չթողնես կարոտով:

ՔԱՌՅԱԿՆԵՐ

* * *

Մի թափեք աղբը բակում, փողոցում՝
Ոչ ձեր կերածը, ոչ չկերածը,
Որ հետո չապրենք մենք աղբանոցում
Ու նորից ուտենք մեր իսկ նետածը:

* * *

Այդ ե՞րբ եկավ, ե՞րբ անցավ
Կյանքս ինչպես մի երագ,
Անցավ հազար ցավ ու դավ,
Մնաց քաղցր մի մուրագ:

* * *

Ես էլ կանցնեմ շատերի պես՝
Աննկատ ու առանց դավ,
Բայց մտքերս, արի ու տես,
Գրքերիս մեջ տեղ գտան:

* * *

Ո՛չ ծնվելն է քո կամքով,
Ոչ գնալն այս աշխարհից,
Հարուստ լինես, թե աղքատ՝
Մարդ ապրելն է քո կամքից:

* * *

Վաղուց է արդեն դադարել տեղալ
Գարնան անձրևը կյանքիս լեռներում,
Իսկ ես չեմ ուզում դադարել հուսալ,
Ձնհալի հույսով այգի եմ տնկում:

* * *

Հովը փչեց վերի թաղից,
Միրտս հանկարծ թռավ տեղից,
Ա իս, երևի իմ սիրածը
Արթնացել է քնած տեղից:

* * *

Գարուն եկավ մեր սարերում՝
Աղջիկները կարճ են հագնում,
Խենթանում են տղաները
Աղջիկներին դա չի հուզում:

* * *

Մի հայրենիք կա հեռվում,
Որից կարոտս է եռում,
Երազներում՝ ես այնտեղ
Անցած օրերս եմ փնտրում:

* * *

Տարիներս հավքի պես
Տարան ջահել օրերս,
Լավն ու վատը թներին՝
Տարան տվին ամպերին:

* * *

Ես՝ ծեր կաղնի անտառում,
Փչակիս մեջ մեղվաբույն,
Մեղրից ես հյութ եմ քաշում,
Բայց կացնով են ինձ փնտրում:

* * *

Մարի Բարձունքից հպարտ գոռացի.
– Ես հա յ եմ, հա յ եմ...
Բարձր սարերը արձագանքեցին.
– Հա յ, հա յ եմ, հա յ եմ...

* * *

Ծովը ծարավ է քաղցր ջրերի,
Խենթ սիրահարը՝ քաղցր համբույրի,
Միրուց մերժվածը՝ հոգում դառնություն,
Միշտ սպասում է խոսքեր զոջումի:

* * *

Փող է հարկավոր՝ գլխարկ գնելու,
Որը պատիվ է մարդուն բերելու,
Գլխարկը միշտ էլ բարձր է գլխից,
Թեև գլուխն է փող աշխատելու:

* * *

Վատ երագ է տեսել մուկը՝
Ջուր է լցվում իր ծակ բույնը,
Իսկ դռանը՝ թարսի նման,
Չորացել է կատվի բուկը:

* * *

Տանձր ուզեց անկախ լինել՝
Ընկավ ծառից,
Վերցնող չեղավ՝
Սառավ ցրտից:

* * *

Պատոված շորով ջահել տղային
Միշտ ծաղրում էին՝ աղքատ կոչելով,
Հիմա չես ջուրի հագուստի տեսքից
Տղա է, թե՛ կին՝ ճղված շավարով:

* * *

Հարուստը միշտ էլ ձիով է շրջել,
Աղքատը՝ ոտքով կոշիկներ մաշել,
Ինչպես էլ շրջեն աղքատ ու հարուստ՝
Վերջում ձեռքով են բոլորին տարել:

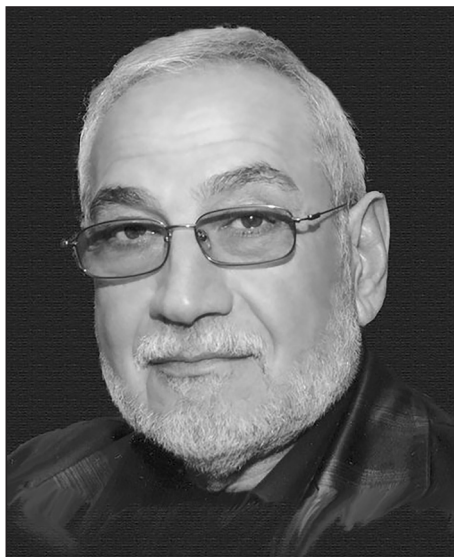
* * *

Երբ դու քայլում ես կոկիկ ասֆալտով
Կամ էլ գյուղական ցեխոտ ճամփեքով,
Ոտքիդ տակ նայիր՝ չհայտնվես փոսում,
Քանզի ոչ միշտ են փոսերը փակում:

* * *

Գյուղը դատարկվեց, քաղաքը լցվեց,
Քաղաքում տաքուկ ջերմոց կառուցվեց,
Բայց բերքի համը կորավ ու գնաց,
Երբ որ գյուղացին այնտեղ գրանցվեց:

СТАНИСЛАВ ЯН

Станислав Захарович Ян родился в 1944 году в городе Арташат (Армения). В 1971 году окончил Ереванский государственный университет, факультет филологии. С 1973 года проживает в Крыму.

Станислав Ян стоял у истоков образования КАО (Крымское армянское общество), является членом национального совета КАО, Союза этнических журналистов Крыма.

С 1996 по 2003 год был соучредителем газеты «Республика Крым». Постоянно публиковался в крымской прессе, в том числе в журнале «Голубь Масиса», ежегодном альманахе «Родина в сердце». Он является автором телепроекта «Молодые художники Крыма», получил авторское право на телепроект «Взятка». Станислав Ян – также автор и меценат проекта выставки «Художники Крыма» в 1993 году с участием самых известных художников. Постоянно курирует телепрограмму «Барев».

Член международного благотворительного клуба «Ротари».

В 1990 году возглавил первую армянскую воскресную школу и преподавал в ней.

С. Ян награжден Почетной грамотой Союза армян Украины, Золотым знаком, памятной медалью им. И. К. Айвазовского КАО, памятной медалью «650 лет Сурб Хачу», орденами Архангела Михаила V, IV, III, I степеней от Украинского патриархата за вклад в экономику и поддержку патриотизма и христианской веры в Украине, Почетной грамотой Главы Украинской епархии Армянской Апостольской церкви.

С. Ян – заслуженный журналист АРК, член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины.

С. Ян пишет афоризмы, юмористические миниатюры.

ЮМОР

Восток — дело тонкое. Восток — дело сладкое.

* * *

Они нам — колорадского жука, а мы им — сибирскую язву.
Съели?

* * *

Прошу меня зачислить в группу каскадеров для участия в постельных сценах.

* * *

Американцы, руководствуясь гуманными побуждениями, предложили электрический стул заменить электрической кроватью, чтобы смерть наступала во сне. Но поступило ещё гуманнее предложение — заменить электрической массажной кроватью, чтобы последний раз насладиться жизнью.

* * *

— Не зря говорят: пирог падает лицом вниз. На день рождения жены купил торт, а он как шмякнется кремом вниз. Прикинь?

— Да, брат, это точно.

— Тоже торт упал?

— Почти! Ехал, давеча, а на дороге классная девка голосует.

— Ну и причем тут торт?

— Торт не причем, жена рядом сидела. Прикинь?

* * *

Дорогу осилит идущий, бутылку — пьющий.

* * *

Как оставаться джентльменом, не пропуская даму вперед.
А вдруг впереди опасность?

ОДЕССКИЙ ЮМОР

* * *

— Мадам, не делайте мне так смешно, а то я заплачу.

* * *

— Да не делайте такое грустное лицо, как будто в завещании тёщи нет вашей фамилии.

* * *

— Мужчина, у вас такое весёлое настроение, как будто вы только что тещу похоронили.

* * *

— Сема, с тебя магарыч.

— Я не поверю, неужели тёща?

— Да, Сема, тёща. Она привела мужика в дом. Теперь у вас два примака в доме.

АФОРИЗМЫ

Единственное положительное, что было в нём, и чем он гордился, это была группа крови.

* * *

Не национальность украшает человека, а человек нацию.

* * *

Не очень расстраивайтесь, если вас развели. Значит, вы хороши для клонирования.

* * *

В детстве родители не научили делиться. А когда он вырос, все поделили, что оставили родители. Но без него.

* * *

Верность мужчины в его надёжности. Надёжность женщины — в её верности.

* * *

Делая ценные подарки не очень близким людям, мы оцениваем собственное достоинство, а не одарённого.

* * *

Бог за шесть дней сотворил мир, а на седьмой день от нечего делать сотворил человека. А человек сотворил Бога, чтобы на седьмой день недели от нечего делать сходить в церковь и помолиться за него.

* * *

У спины две конечности. Одна, чтобы подумать, как удобно устроится другой конечности. И не дай Бог не тем концом подумать — на голове сидеть очень неудобно.

* * *

Он всю жизнь мечтал об идеальной женщине в поисках в самих женщинах. В каждой он находил немного сходства со своим идеалом. Поэтому всю жизнь их собирал по крупицам. Но картину так и не смог собрать — пазлов не хватило.

* * *

Если решили купить женщину, то не забывайте, что кто-то её может перекупить у вас. Может даже за меньшую цену.

* * *

Мужчины и женщины вкладывают совершенно разный смысл, когда друг другу говорят: «Ты не можешь дать мне то, что мне нужно».

* * *

Женщина может быть трамплином для мужчины, а мужчина для женщины — только очередной ступенькой.

* * *

Женщина с изюминкой — это как булка с интригующим аппетитным изюмом на поверхности. Увы, приходится съесть всю булку в надежде найти ещё изюм. Иногда он оказывается единственным, заманивающим на поверхности булочки.

* * *

В юности женщина — белый лист. Если даже не наносить несколько ярких линий — она привлекательна.

В молодости этот лист нужно окрасить акварелью в нежных тонах.

В зрелом возрасте только живописью можно передать всю прелесть бывалой и настоящей красоты.

А в старости её нужно описать в готическом стиле с обязательной отделкой венецианской штукатуркой.

ВАРТАН ГРИГОРЯН

Вартан Валериевич Григорян родился 7 июня 1970 года в пгт Гадрут Нагорно-Карабахской автономной области в семье служащих. В 1987 году окончил СШ № 3 им. А. Грибоедова в г. Степанакерте. В 1988 году был призван на службу в Советскую армию, служил в г. Мурманске. Как отличник боевой и политической подготовки, политотделом КСФ в 1989 году был направлен на учебу в Симферопольское высшее военно-политическое строительное училище. Окончив его в 1993 году, он по собственному желанию увольняется из армии в звании лейтенанта запаса ВС и поступает на службу в органы МВД. С 2006 года – пенсионер МВД, майора запаса. За время службы награждался нагрудными знаками «За отличие в службе» I и II степени, «За безупречную службу» II и III степени, а также грамотами Центрального районного и Симферопольского городского советов.

С 1990 года активно участвует в культурной и общественной жизни Крымского армянского общества (КАО), являлся членом национального совета и исполкома КАО. Вартан Григорян – ав-

тор многих статей, периодически печатается в СМИ, в том числе в журнале «Голубь Масиса». В 2009 году вышла его книга «Великая Отечественная война. Армяне в боях за Крым». За активное участие в культурной и общественной жизни армянской общины награжден грамотами и памятной медалью им. И. К. Айвазовского.

В настоящее время входит в правление общины – председатель комиссии по военно-патриотическому воспитанию. Занимается поисковой работой, воскрешает из небытия имена соотечественников, которые в годы Великой Отечественной войны сражались и погибли в боях за Крым. За успехи в поисковом деле в 2015 и 2016 годах награжден благодарностями Совета министров и Государственного Совета Республики Крым.

Член Союза крымских армянских писателей.

Жизненное кредо: сохранение армянских традиций и культуры, их популяризация, военно-патриотическое воспитание молодёжи.

Хобби: история, краеведение.

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ КРЫМА

Пока не похоронен последний солдат, война продолжается...

«Победа в мае 45-го — это набат, утверждающий жизнь без войны, это святой символ верности Родине, которая живёт в каждом из нас, символ единства многонационального народа России, его безграничной преданности своим корням и своей истории».

Президент РФ В. В. Путин

«Победное завершение Великой Отечественной войны было исключительным событием также в жизни нашего народа. Все армянство сыграло значительную роль в деле достижения этой победы — в армиях соратников, движениях сопротивления и особенно в рядах Советской армии».

Президент РА С. А. Саркисян

Кто и откуда призывались они — бойцы и командиры многонациональной Красной армии, которые более 70 лет назад освобождали наш Крымский полуостров от фашистов и их приспешников? Можно ли сейчас воскресить имена и подвиги, а также найти места захоронений тех, кто не дожил до светлого Дня Победы, оставшись навечно лежать в том числе и в крымской земле? Можно ли восстановить имена бойцов, которые не только родными, но и военным ведомством долгие десятилетия считались без вести пропавшими? Можно ли найти потомков тех, чьи имена удастся воскресить?

Достаточно часто меня спрашивают: для чего все это нужно, есть ли в этом необходимость? Да, есть. Это нужно прежде всего нам, живым. Возвращая из небытия имена погибших солдат, мы восстанавливаем справедливость. Каждый из них заслуживает быть поименно названным, ведь никто из этих молодых ребят даже представить себе не мог, что вот так просто исчезнет из жизни родных и близких. Отдавая последние почести конкретным героям тех сражений, мы выполняем свой долг перед ними. Воз-

можно, их души наконец-то обретут покой. Спустя десятилетия, документы той поры рассказывают, как, не щадя своей жизни, воевали против фашистов чьи-то родные. Пусть и с опозданием, но крымчане могут выразить свою благодарность потомкам погибших... Разве это не ценно?

В кровопролитных боях за Крым с 1941 по 1944 год погибли, пропали без вести около миллиона солдат и командиров многонациональной КА. Большинство из них были воины славянской национальности. Среди погибших за Крымский полуостров – более 50 тысяч воинов-армян, из них около 20 тысяч призывались военкоматами Армении. Большинство из них погибло в 1941, 1942 и 1943 гг. в боях за города Керчь и Севастополь, а также в двух десантных операциях – Керченско-Феодосийской и Керченско-Эльтигенской.

Актуален ли поиск без вести пропавших и прославленных бойцов КА, которые в грозные 1941–1945 гг. встали на защиту своей Родины? Для России и Армении – несомненно. Защита родной земли – священный долг каждого гражданина. Отдельно стоят вопросы, связанные с глумлением над памятью погибших бойцов многонациональной КА на территории Прибалтики, Грузии, Польши и Украины. В этих странах переиначивается история последнего столетия, сносятся памятники и могилы солдат Великой Отечественной войны. Не мудрено, что у них поднял голову ярый национализм, точнее – фашизм. Перед судом истории рано или поздно ответят все. Не только государство должно заниматься патриотическим воспитанием своих граждан, об этом должны беспокоиться семья, школа, общество.

В век высоких технологий незаслуженно забытые имена героев-освободителей Крыма нам помогает воскресить общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и ОБД «Мемориал», где оцифрованы и выложены миллионы архивных документов из ЦАМО РФ и других источников. Один из этих электронных ресурсов, помимо самих приказов о награждениях, воскрешает подвиги конкретных бойцов и командиров, дает сведения об их воинских званиях и должностях, сообщает об их местах призы-

ва, полученных на тот период ранениях и наградах. Во втором источнике выложены документы, где можно найти сведения о погибших (включая места их захоронений), попавших в плен или пропавших без вести бойцов и командиров Красной армии. В документах также сообщаются места их рождения и призыва, звания и должности, сведения о некоторых ближайших их родственниках (кому они писали письма).

Крымская армянская община с 1990 года периодически занимается увековечением памяти погибших в боях за Крым соотечественников. Помимо посещения с молодежью мест боев, чествования самих ветеранов, были установлены памятники на Керченском полуострове: в городе-герое Керчи (89 Таманской стрелковой дивизии) и в селе Глазовка, где покоятся более 1,5 тысячи армян), а также в селах Софиевка и Маленькое Симферопольского района, которые до войны были армянонаселенными. Помимо этого, открыто ряд мемориальных досок, в частности, Герою Советского Союза генерал-майору Андранику Казаряну в Симферополе.

За последние 10–15 лет мной из небытия удалось воскресить имена нескольких тысяч человек, которые сражались в Крыму в годы военных лихолетий. В преддверии 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, благодаря помощи севастопольской общественной организации «Победа», мне удалось воскресить имена более 400 погибших в боях за освобождение Крыма (в основном за Севастополь) бойцов легендарной 89-й Таманской стрелковой дивизии. А при финансовой поддержке мецената из Москвы Игоря Батищева более 70 человек, являющихся потомками погибших за Севастополь бойцов этой армянской дивизии, впервые приехали из Армении в город-герой Севастополь. Они посетили могилы своих родных, многие из которых числились без вести пропавшими. Приехавшие привезли из Армении горсть родной земли, которую положили к памятнику бойцам прославленной дивизии. Памятник, к слову, был сооружен еще в 1961 году на средства Армянской ССР. Родственники погибших бойцов также взяли с собою домой горсть севастопольской земли...

Связь с родными по подготовленным и восстановленным мною именам погибшихосуществила своей кропотливой работой через социальные сети в Интернете, волонтер общественной организации «Победа» из Симферополя Зоя Чернышева.

Предстоит задача восстановить имена более 500-700 бойцов 89-й Таманской стрелковой дивизии, погибших в боях на Керченском полуострове с ноября 1943-го по апрель 1944 года.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА СЕВАСТОПОЛЬ!

«Увековечение памяти и подвигов, героизма, самоотверженности участников Великой Отечественной войны имеет большое значение в деле военно-патриотического воспитания молодого поколения...».
Экс-министр обороны Армении Сейран Оганян

Один из приказов по войскам Отдельной Приморской армии № 0474\н от 2 июля 1944 года, изданный в ходе освобождения Крыма, воскрешает имена всего трёх человек, которые были награждены орденами Красного Знамени. Документ заинтересовал тем, что воскрешаются в ней имена представленных к самым высшим наградам СССР воинов-армян из знаменитой 89-й Таманской стрелковой дивизии, которые отличились в боях за освобождение города-героя Севастополя.

В частности, орденом Красного Знамени награжден представленный к званию Героя Советского Союзакомандир 2-й стрелковой роты 400-го стрелкового полка, **капитан Амбарцум Аноян**. Были представлены к ордену Ленина помощник командира стрелкового взвода 5-й стрелковой роты 526-го стрелкового полка, **старшина Саргис Варданян** и командир пулеметного расчета 3-й пулеметной роты 526-го стрелкового полка, старший сержант **Мифон Чакирян**.

Причина, по которой они не получили своих высоких наград, банальна: вслед за крымскими татарами в конце июня 1944 года прошла безосновательная депортация ряда малых народов из

Крыма, в том числе армян. Это не единственный случай. Дальнейшие пояснения излишни...

Казалось бы, собрать максимально доступными средствами информацию на вышеуказанных троих награжденных бойцов не столь трудно. На деле же столкнулся с информацией на более чем сотню бойцов Таманской дивизии. И все же, изучив десятки документов, перебрав сотни листов, удалось воскресить их боевой путь и собрать новые сведения про них и других бойцов.

ПРЕДСТАВЛЕН К ОРДЕНУ ЛЕНИНА: СТАРШИНА САРКИС ВАРТАНЯН

Саркис Мелитосович Вартамян призван в 1941 году, старшина 5-й стрелковой роты 526-го стрелкового полка. Погиб 3 марта 1945 года. Похоронен: Германия, Бранденбург, м. Пульверкруг. Он последовательно получил четыре боевые награды: медаль «За отвагу», ордена Отечественной войны II степени, Красного Знамени (представлялся к ордену Ленина) и посмертно — Отечественной войны I степени.

Свою первую боевую награду красноармеец Саркис Вартамян получил в боях за освобождение Таманского полуострова, где на участке Верхне-Баканская уничтожил дзот противника. А вторую и третью боевые награды С. Вартамян получил в боях за освобождение крымских городов Керчь и Севастополь.

Так, в ходе уличных боев за г. Керчь в январе-феврале 1944 года, будучи уже помощником командира взвода 5-й стрелковой роты 526-го СП, старшина С. Вартамян первым штурмовал боевые порядки противника и, ворвавшись в траншеи немцев, создав среди них панику, лично уничтожил 12 солдат и офицеров. Вместе со штурмовыми группами он наносил большой урон противнику, занимая дома один за другим. Одним из первых под огнем противника форсировал реку Катерлез. За эти подвиги командование наградило его орденом Отечественной войны II степени (ОПА, № 0213\н от 24 марта 1944 года). Этим приказом награждены 14 бойцов 89-й СД, 13 из которых — армяне. К сожа-

лению, некоторые из них награждены посмертно: **Абел Григорян, Ованес Галустян, Маркар Хачатрян, Аванес Эдигаров.**

В боях за Севастополь старшина С.М. Вартанян представлял к ордену Ленина (награжден орденом Красного Знамени).

Выписка из наградного листа:

«В наступательных боях за г. Севастополь в районе горы Горная со своим взводом отбил контратаку превосходящих сил противника. В районе совхоза № 10 сам лично уничтожил 13 немецких солдат и офицеров. При выходе из строя командира взвода, а потом командира роты по ранению, тов. Варданян взял на себя руководство ротой, повел подразделения на новые подвиги. В районе совхоза № 10 первым со своим подразделением поднялся в атаку, блокировал два дома, забросав гарнизон гранатами, захватил две противотанковые пушки противника. Преследуя отступающего противника в районе бухты Казачья, сам лично истребил семь немецких солдат.

Достоин представления к правительственной награде — ордену Ленина.

Командир 526-го стрелкового полка, майор Вахрамеев.

2 июня 1944 года.

Достоин правительственной награды ордена Ленина

Командир 89-й стрелковой Таманской ордена Красной Звезды дивизии, генерал-майор Н. Сафарян.

4 июня 1944 года».

Приказом по Отдельной Приморской армии № 0774\н от 2 июля 1944 года старшина С. Вартанян награжден орденом Красного Знамени.

Последняя его награда — орден Отечественной войны I степени, получил он его посмертно. 21 января 1945 года им было уничтожено 6 фашистов и взято в плен два офицера. В ходе последующих сражений он пал смертью храбрых, уничтожив в последнем бою две пулеметные точки противника и двух фашистов. Вместе с ним награждены более 120 бойцов 89-й СД, которые до этого храбро сражались в боях за Крым. Среди них есть награжденные посмертно, это: **Жорж Акопян, Майор Амбарцумян, Сурен Асатурян, Анушаван Багдасарян, Агаш Степанян, Сарибек Хача-**

трян, Христафор Айрапетов, Рубен Акопян, Оганес Искандарян, Иван Казаров, Мхитар Костанян, Аркадий Михаельянци, Григорий Оганов, Тигран Петросян, Николай Согомонян, Рубен Степанян, Александр Сукиасов, Серап Цатурян...

Таков боевой путь одного из храбрых бойцов 89-й Таманской стрелковой дивизии, который отдал свою жизнь в борьбе с фашизмом. Работая над сбором информации по одному человеку, как видим, появилась необходимость собрать информацию на десятки других бойцов, которые отдали свою жизнь в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Севастопольская общественная организация «Победа» вот уже три года прилагает усилия по установлению и увековечению имен погибших в боях за Севастополь бойцов 89-й СД. Третий год при финансовой поддержке мецената из Москвы Игоря Батищева из Армении в Севастополь приезжают ветераны 89-й СД, а также потомки погибших. Поисковую работу для общественной организации ведет автор этого материала.

Автор от имени Региональной армянской национально-культурной автономии РК выражает свою признательность всем, кто помогает восстановить и сохранить имена погибших за Севастополь соотечественников. Если кто-то владеет сведениями, материалами и хотел бы поделиться с автором статьи, присылайте их на электронный адрес: vartangrig-1970@mail.ru

70 ЛЕТ ЗАБВЕНИЯ: ВОСКРЕСШИЕ ИМЕНА АЙГАШЕНЦЕВ

14 мая 2016 года представительная делегация Региональной армянской национально-культурной автономии Республики Крым приняла участие в открытии памятника погибшим в годы Великой Отечественной войне воинам-армянам в селе Абрикосово Первомайского района (бывшее армянское село Айгашен Лариндорфского района Крымской АССР). На двух мраморных плитах, установленных на постаменте в виде открытой книги,

высечены имена 70-и человек, в основном воинов-армян, призванных из этого села, которые сложили свои головы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на разных фронтах.

Восстановление имён воинов-армян с. Айгашен – заслуга Арсена Кеосяна и его супруги Ирины Розановой (Кеосян). С этой замечательной семейной парой познакомился весной 2015 года на мероприятиях общины. Ирина рассказала, что её супруг родом из крымского села Айгашен, а узнав, что занимаюсь сбором сведений о крымских армянах, которые сражались с фашистами, рассказала про айгашенцев. В частности, они с супругом выяснили, что считавшийся без вести пропавшим 18-летний дядя Арсена – Егише Кеосян, погиб в августе 1944 года в Литве (посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени). С этого имени и начались долгие поисковые работы по установлению имен погибших сельчан.

Айгашенцы – это выходцы в основном из Западной Армении (Байбурта, Трапезунда, Эрзрума), которые чудом уцелели во время геноцида армян, учиненного турецкими властями в 1894–1896, 1909, 1915–1923 годах. История села насчитывает около ста лет.

В конце сентября 1941 года немцы ворвались в Крым. Во время оккупации в Айгашене успешно работала комсомольская подпольная организация. Вот имена некоторых подпольщиков: Нанес Экциян, Евкине Экциян, Асмик Экциян, Овсеп Овсепян, Манушак Закарьян и другие.

С первых дней войны более сотни айгашенцев сражались на различных фронтах, многие из них погибли. Вот имена некоторых: А. Каракашьян (1910–1941), К. Каракашьян (1925–1944), С. Каракашьян (1921–1942), Р. Казаренко (1909–1944), Е. Казаренко (1911–1944), Е. Кеосян (1926–1944), К. Лусикьян (1925–1944), С. Минасьян (1925–1944), Л. Мазлумян (1923–1941), Г. Мазлумян (1919–1941), А. Овсепян (1917–1941), А. Овсепян (1909–1941), В. Овсепян (1922–1941), М. Овсепян (1900–1944), И. Овсепян (1924–1944), А. Овагимян (1921–1943), В. Овагимян (1926–1945), Р. Оксузян (1920–1945), А. Огонян (1906–1944), С. Паладян (1890–1941), А. Пилосян (1918–1941), А. Паладян

(1926–1944), С. Саркисян (1924–1943), А. Стамбулян (1926–1944), С. Стамбулян (1914–1941), С. Челакаян (1918–1941), С. Экциян (1920–1941), В. Овагимян (1922–1942), А. Экциян (1926–1945), С. Экциян (1916–1942).

К середине апреля 1944 года Айгашен, как и весь Крым, за исключением Севастополя, был освобожден от фашистов. Тысячи крымчан, в том числе партизан и подпольщиков, влились в состав различных подразделений Красной армии и продолжили борьбу с врагом.

В конце июня 1944 года вслед за крымскими татарами, болгарскими и греками из полуострова были высланы все крымские армяне. Жители села Айгашен, в том числе десятки партизан и подпольщиков, были поселены в основном в г. Сухой Лог Свердловской области. В документах многих спецпереселенцев указывалась приписка в адресе – Бумажная фабрика, где они проживали в бараках. После войны село Айгашен переименовали в Абрикосово. Это название сохранилось до настоящего времени.

В материалах бывшего школьного музея есть записи с фамилиями погибших фронтовиков-армян, сделанные в 1975 году. Ученики узнали о погибших от их родственников, которые приезжали на открытие в селе монумента в честь 30-летия Победы. На этом монументе никогда не было имен фронтовиков. И вот теперь, благодаря Арсену и Ирине Кеосян, они восстановлены. Известно, что перед войной в Айкашене проживало 80 армянских семей общей численностью шестсот человек. Проживали представители и других национальностей, в том числе одна татарская семья.

Семьи айгашенцев были многочисленны. Большинство сельчан – участников войны награждено боевыми наградами. В том числе – Гурген Экциян, удостоенный орденов Славы III степени, Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

Крымскими военкоматами были призваны более десяти его однофамильцев, возможно – родственников. Награждены: сержант Алексей Экциян – орденом Красной Звезды, лейтенант Павел Экциян – орденом Красной Звезды, рядовой Манук Экциян – орденом Отечественной войны II степени и медалью «За

отвагу», Магардын Экциян –орденом Отечественной войны I степени, Христофор Экциян –орденом Отечественной войны I степени, старший сержант Христофор Экциян –медалью «За боевые заслуги», гвардии капитан Карапет Делибалтаян –орденами Александра Невского и Красной Звезды, капитан Артем Джесмеджиян – орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, Левон Поладян –двумя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу», Гурген Экциян –орденами Красной Звезды и орденом Славы III степени, Вагаршак Кеосян, участник обороны Севастополя, получивший ожоги при штурме Сапун-горы– двумя медалями «За отвагу» и многие другие.

РУШАН ПИЛОСЯН

Рушан Койрунович Пилосян родился в 1953 году в Эчмиадзине (Армения).

В 1976 году окончил филологический факультет Ереванского государственного университета.

В 1976–1979 годах работал учителем армянского языка и литературы в селе Личк Мартуниского района Армении, а 1979–1981 годах – методистом и экскурсоводом Джермукского бюро путешествий и экскурсий.

В 1986–1991 годах работал преподавателем факультета интенсивных методов обучения языкам Ереванского государственного педагогического института им. Хачатура Абовяна, соавтор интенсивного курса армянского языка.

В 1994 году был приглашён Крымским армянским обществом (КАО) на полуостров для работы по программе возвращения и обустройства депортированных граждан Республиканского комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан АРК.

С 1994 года по сей день – ответственный секретарь газеты (ныне – журнала) Региональной армянской национально-культурной автономии Республики Крым (РАНКАРК) «Голубь Масиса», а с 2016 года – ответственный секретарь нового всекрымского журнала «Наш Крым».

В 1994–2014 годах работал редактором в редакции национальных программ ТО «Радио «Крым» Гостелерадиокомпании «Крым». Является одним из основателей, автором и ведущим двуязычных историко-культурологических («Аракял луйси»), музыкально-литературных («Сердце моё в горах») и музыкальных («Гандзер») программ. Особенно популярны были музыкально-литературные передачи «Сердце моё в горах», две из которых – «Дудук» и «Скрипач Карапет Айрапетян» отмечены премиями и дипломами.

В 1996 – 2001 годах работал актёром в Симферопольском театре-студии «На Москольце».

Рушан Пилосян является автором, соавтором, редактором и переводчиком многих изданий, среди которых: «Программа по армянскому языку 1–4 классы», «Крым. Армяне. Десять веков созидания», «Народы и времена. Армяне», «В крымском доме. Армяне», сборники стихов крымских армянских поэтов, детские книги «Крымская колыбель», «Сказочное эхо» и песенник «Зангак». Он также редактор и составитель альманаха Союза крымских армянских писателей «Родина в сердце».

Преподаватель и методист Нетрадиционной армянской школы имени Габриела Айвазовского.

Председатель Союза крымских армянских писателей с 2010 года.

Пишет стихи и рассказы на армянском языке, которые были опубликованы в газете «Голубь Масиса», альманахе «Родина в сердце», занимается переводами на армянский язык стихов русских поэтов.

В 2010 году вышла в свет первая книга Р. Пилосяна «И моё сердце в горах». Это сборник его стихов и переводы стихов русских поэтов. В 2014 году Р. Пилосян выпустил первую книгу анекдотов «Мой совет, или 100+1 анекдот армянского радио с

хвостом», а в 2016 году – «Мой совет, или 300+3 анекдота армянского радио с хвостом». Годом раньше в США увидела свет первая часть сборника рассказов «Клочки памяти».

Рушан Пилюсян – заслуженный журналист РК, член Союза журналистов России и Украины, награждён грамотой КАО, памятной медалью им. И. К. Айвазовского КАО, высшей наградой КАО – «Золотой знак», памятной медалью «Сурб Хач-650», почётными грамотами Гостелерадиокомпания «Крым», благодарностями Министерства образования и науки АРК, грамотами Министерства диаспоры Республики Армения.

ՏՄԻՒՄ

* * *

Կարոտը չունի ո՛չ համ, ո՛չ էլ հոտ,
Բայց նրա համը շատ եմ զգացել,
Ավելի լավ է ապրել առանց օդ,
Քան կարճ ժամանակ մեկին կարոտել:

Կարոտը չունի ուրիշ անվանում,
Կարոտից միշտ էլ տխուր է սիրտը,
Դեղահաբերը, ավա դ, չեն օգնում,
Կարոտահամ է միշտ լինում երգը:

* * *

Այս բաժանո՛ւմը...
Միգուցե՝ հավե՛ր թժ...
Այս հանդիպո՞ւմը...
Երազա՞նք անշե՛ջ:
Այս սպասո՞ւմը
Հուսահատ քայլեր,
Իսկ վարագույրը
Չի բացվում դարեր:
Օրն է դար թվում,
Ժամը՝ տարիներ,
Այսպես է ձգվում
Իմ կյանքը ավեր...
Իմ կյանքը դավեր
Վաղուց է տեսել,
Բայց չի ընկճվել,
Իմ կյանքը ցավը
Շատ է սղոցել,
Մակայն ցավն անգամ
Լոկ ցավ է եղել՝
Անցե՛լ, մոռացվե՛լ...
Իսկ այս բաժանման
Ցավը ուրիշ է,

Այլ է հանդիպման
Երջանկությունը...
Այս սպաստ ւմը
Հուսահատ քայլեր,
Իսկ վարագույրը
Չի բացվում դարեր...

ՄԱՐԴ ԷԼ ԿԱ...

Մարդ կա՝ ջաղացն է կորցրել վաղուց,
Բայց տես՝ չախչախն է մինչ այսօր փնտրում:
Մարդ կա՝ գերանն իր աչքի չի տեսնում,
Բայց տես՝ ուրիշի շյուղն է փնտվում:
Մարդ կա՝ իր հոգին՝ աղի ու լեղի,
Մեղրաջրով է քաղցրացնել փորձում:
Մարդ կա՝ կեղծիքի նժույգը հեծած,
Ճշմարտություն է Աստծուց պահանջում:
Մարդ կա՝ տգեղ է, սակայն հայելուն
Վատաբանում է. «Մեղավոր ես դո՛ւ»:

* * *

Ցավո՛ք, հաճախ է այսպես պատահում.
Կենդանի մարդուն չենք գնահատում,
Հետո՝ մահացա՞ր, դե՞ արի սիրեմ,
Առանց քեզ ինչպե՞ս, ես ինչպե՞ս ապրեմ...

Առաջինը՝ ինձ նկատի ունեմ,
Չնայած, նման շա՛տ մարդկանց գիտեմ,
Սակայն ուրիշին ես չեմ փնտվում,
Յուրաքանչյուրին իր խիղճն է դատում:

Այսպես ստացվեց երկու քառատող,
Երբորդն էլ, ահա, կծնվի շուտով,
Թե ասածներս թոյն են անսքող,
Փորձեք ձեզ դատել՝ ձեր «մաքուր» խղճով:

ԱՇՆԱՆԱՅԻՆ ԵՐԳ

Դու հեռացար՝
Ես մնացի որք ու անտեր...
Ինձ մոռացար
Ես սգացի օր ու գիշեր
Բաժանումը քո անտարբեր...
Ինձ հետադարձ հասցե նույնիսկ
Չթողեցիր...
Մեկ տող անգամ
Չգրեցիր,
Թե դու ինչու ինձ լքեցիր,
Ինձ լքեցի ր...
Նույնիսկ ինքդ, հավանաբար,
Չունես ստույգ մի պատասխան:
Ես չգիտեմ՝ ում հավատամ.
Աստծո՞ւն, որ ինձ նույնպես լքեց,
Քե՞զ, որ հազար երդում տվեց,
Թե՛ «Տեղ ունես դու իմ սրտում,
Դու սրբերի շարքն ես դասվում,
Սուրբը ի նչ է
Դու Աստծուն ես հավասարվում»...
Մեղա՛ Աստված...
Այս բառերը՝ չունեմ կասկած,
Պատահաբար են ինձ ասված...
Մոռանո՞ւմ են, սակայն, սրբին,
Էլ չեմ ասում՝ մեր Արարչին:

ԷՔՍՊՐՈՍՏ

*Տաթևիկ Սարգսյանի
ծննդյան օրվա առթիվ*

Այնքան շատ են ցանկություններն իմ սրտի՝
Քեզ գովերգել, ասել բառեր ջերմագին.
Թող ծննդյան օրդ բարի միշտ լինի,
Իմ բարեկա՛մ, հայրենակի ց սիրելի:

Այն, ինչ ունես՝ բարի հոգի մարդկային,
Սեր, քնքշություն, ազատ կամք ու միտք պայծառ,
Թող լինեն քո երջանկության բանային,
Ապրիր երկար, միշտ հաջողակ ու արդար:

Թե կանձրևի դրսում ամպը դառնացած,
Թող քո հոգում հար շողաշողա արևը,
Թե կսուլեն ցուրտ քամիներ սանձարձակ,
Քո հայացքում թող չմարեն հույսերը:

Թե կարոտը կծվարի քո սրտում,
Վանիք նրան, հետո ժպտա բոլորին,
Որ գարուններ միշտ շատ լինեն քո կյանքում,
Իսկ ձմեռը՝ ժամանակին այցելի:

* * *

Բոլորից լքված, բոլորից հեռու՝
Ես ծվարել մի խուլ անկյունում:
Այստեղ լույս չկա՝ խավարն է ոռնում,
Եվ ստվերներն են անխոս թափառում:

Տխուր է այստեղ խավարը նույնիսկ.
Արև է փնտրում ինձ հետ միասին:
Օրը քայլում է՝ ոտքերը բոբիկ,
Բախվում անընդմեջ լուռ ստվերներին:

Ինչ-որ տեղ՝ հեռվում, լույսն է քրքջում.
Արձագանքում են ստվերներն ուրախ:
Ես ծվարել եմ մի խուլ անկյունում,
Եվ ինձ շոյում է մի մութ ու լուռ վախ:

ՉՈՆ ԿԱՄ ՈՒՇԱՑԱԾ ԵՐԳ

Վանյան Կարինեին

Քո ծննդյան օրվա առթիվ
Ես ոչ մի տող դեռ չեմ գրել,
Սակայն ունեմ մտքեր անթիվ՝
Ինչ բառերով քեզ գովերգել:
Իսկ որպեսզի մեղքս քավեմ
Ու քեզ հաճույք պատճառեմ քիչ,
Ես դեռ երկար պետք է տքնեմ,
Որպեսզի ինձ ներես փոքր-ինչ:
Դե, սկսեմ. քեզ նման կին,
Միրասուն մայր, քնքուշ տատիկ,
Հայրենասեր, բարի հոգի
Աշխարհում չեն լինում անթիվ:
Քո մեծ սրտով՝ Աստված քեզ տա.
Օջախդ՝ շեն, ծիծաղով լի,
Միրտդ ուրախ, միտքդ պայծառ,
Երջանկություն քեզ կանացի:
Թող շատ լինեն սեր ու հարգանք
Եվ քեզ բարին կամեցողներ,
Կյանքում եղիր միշտ հաջողակ,
Վիշտ ու թախիծ թող շրջանցեն:
Ցանկանամ քեզ լավն ամենից.
Ապրիր երկար ու գոհ կյանքից,
Ջերմ ողջույններ «վա յ» պոետից,
Որ «ձոն» գրեց՝ բխած սրտից:

* * *

Ողջո՛ւյն, քեզ այսօր վերջապես գտա.
Դեռ երեկ անհայտ կորած էիր դու,
Եվ, ինչ խոսք, անչափ ես ուրախացա,
Որ դեռ ապրում ես՝ գրում ֆեյսբուքում:

Այսօր գտնում եմ, վաղը՝ կորցնում,
Հուսամ՝ այս անգամ գտա վերջնական,
Ջերմ մաղթանքներս ես քեզ եմ հղում,
Դեռ կգրուցենք մենք բազում անգամ:

Հիանալի է, որ տաղ ես գրում,
(Եթե, իհարկե, չես «թխել» մեկից),
Ուղղակի եղիր կողքիս՝ ֆեյսբուքում՝
Անկախ տարածքից ու ժամանակից:

* * *

Շտապի՛ր հոգյակ, եկ ինձ մոտ այսօ՛ր,
Իմ հիվանդ հոգին քե՛զ է երագում,
Վաղն ուշ կլինի... Գործերդ՝ հետո,
Այսօրվա այցդ վաղվան չի սպասում:

* * *

Խենթացնում է ինձ քո սերը,
Պարզևում է երջանկություն,
Հավաքում եմ այդ պահերը
Եվ մեկ առ մեկ պահում թաքուն,
Եթե հանկարծ մշուշ դառնա,
Անհետ կորչի սերդ հրաշք՝
Պահ տվածից կօգտվեմ այնժամ՝
Դա կլինի ինձ սփռփանք:

* * *

Այստեղ եմ, այնտեղ եմ՝ ամեն տեղ,
Սակայն միշտ կողքիդ եմ՝ չե՞ս տեսնում,
Քեզ մոտ եմ ես ընդմիշտ ծվարել,
Դու գուր ես ինձ փնտրում ամենուր:

Ականջս միշտ կարոտ քո ձայնին՝
Խոսում եմ ես քեզ հետ անդադրում,
Իմ ձայնը հասնում է ամենքին,
Միայն դու աղոթքս չես լսում:

Երգերս գրում եմ քեզ համար,
Բայց, ավա դ, լսում է ուրիշը,
Երգերս կանթեղների անհամար,
Լույսով են ողողել երկինքը:

Սյստեղ եմ, այնտեղ եմ՝ ամեն տեղ,
Բայց հավերժ քեզանից անբաժան,
Քեզ երբեք, քեզ երբեք չեմ լքել,
Սակայն միշտ ապրել եմ միայնակ:

* * *

Դու հեռացար և այրեցիր մեր կամուրջը կանգուն,
Կարծում էիր, թե դա միակ ճիշտ լուծումն է հարցի:
Եվ անկամուրջ գետի ափին՝ ես այս, դու այն կողմում,
Ծվարեցինք՝ երազելով նոր կամրջի մասին:

ПРОЗА

И ВЕСНОЙ СНЕГ ИДЁТ...

И весной снег идёт, когда бьют в набат церковные колокола...

И весной снег идёт, когда прощаются после встречи здесь,
в этой жизни...

И весной снег идёт, когда прощаются перед встречей там,
в той жизни...

И весной снег идёт... потом приходит зима...

И весной снег идёт... потом всё превращается в болото...

И весной снег идёт, когда ставят точку после недосказанного
слова...

И весной снег идёт, когда осиротеешь...

И весной снег идёт, когда тебя оставляют в одиночестве...

Весной всегда снег идёт, когда умирает любовь...

ДВЕ СВЕЧИ

В церкви рядом горят две свечи. Одна из них — моя свеча, другая — твоя.

Я не слышу, о чём они шепчутся. А, может быть, они и вовсе молчат. Просто, время от времени, они приближают друг друга свои пылающие головки, как будто хотят какой-то секрет на ушко сказать. Потом отводят пылающие головки, успокаиваются и слушают церковную тишину...

В церкви рядом горят две свечи. Одна из них — моя свеча, другая — твоя.

Я, не моргая, смотрю на них... И в какой-то момент мне кажется, что они двигаются, как будто хотят приблизиться друг к другу, слиться друг с другом, стать одной свечой, чтобы ещё чуточку рассеять полумрак церкви. Нет, это иллюзия! Они не могут двигаться, не могут приближаться, тем более — слиться друг с другом, потому что их ножки крепко прикованы к земле...

В церкви рядом горят две свечи. Одна из них — моя свеча, другая — твоя.

Они так близко стоят, что если протянут руки, могут обнять друг друга.

Меня всё время преследует мысль, что ещё один миг, и они бросятся в объятия друг другу, потому что так велико давно мучающее их желание. Бросились бы давно, если бы у них были... руки...

В церкви рядом горят две свечи. Одна из них — моя свеча, другая — твоя.

Они не знают, сколько им ещё гореть. Я тоже не знаю, поэтому выхожу из церкви, оставляя их наедине. Я не хочу видеть их огарки. А с другой стороны — интересно, чем завершится их безмолвный диалог и завершится ли?

Я И ТЫ

Я выполнил твоё желание — больше не пишу любовные письма. Успокоилась ли твоя совесть? Теперь ты не чувствуешь себя виновной? Счастлива ты теперь?

Ты говоришь: «Гора с плеч упала...». Ты хоть знаешь, где оказалась эта гора? Нет, она не осталась в моём сердце, а, как бумеранг, вернулась к тебе, в твоё сердце. Сейчас эта гора вдвойне тяжелее, потому что к твоей боли прибавилась и моя боль...

То же самое случилось со мной: моя боль вдвойне потяжелела, потому что мы оба занимаемся самообманом.

«Ни с тобой, ни без тебя», — говоришь ты. Вот наше единственное печальное достижение, если не считать головных болей и бессонных ночей, слёз рыдающей любви, боль разлуки, боль утраты...

Наша четвёртая свеча — свеча надежды давно погасла, а мы ещё продолжаем мечтать о первых трёх — о свечах спокойствия, веры и любви. И чем больше мы мечтаем о них, тем больше удаляемся друг от друга и одновременно ещё больше приближаемся друг к другу.

Нас разделяют горы и моря, но нас соединяет любовь.

Нас разделяют наши близкие, но нас соединяет любовь.

Нас разделяют писанные и неписанные моральные законы, но нас трижды соединяет любовь.

Мы созданы друг для друга, но обязаны жить далеко и раздельно друг от друга — без четвёртой свечи...

ВРЕМЯ И МЫ

Время проходит мимо, не замечая нас. Время никогда не останавливается, никогда не возвращается...

Мы проходим мимо любви, но не чувствуем, не осознаём, что это и была настоящая и единственная любовь. А когда наконец понимаем, бывает поздно, потому что мы не заметили её, когда она была рядом. А время, как известно, никогда не останавливается и никогда не возвращается. Мы — тоже... Наша единственная и неповторимая любовь остается где-то в прошлом, а мы, как и время, уходим в неизвестность...

Если бы возможно было хоть на миг остановить время и вернуть его назад, если бы можно было ещё раз пройти мимо незамеченной любви, то в мире не было бы несчастной любви...

Время проходит мимо, не замечая нас. Время никогда не заметит нас. Это мы должны подмечать время и всё делать вовремя...

ЗВЕЗДОПАД

Перед рассветом звёзды прощаются друг с другом: они нежно мерцают своими лучами-крыльями и гаснут от первых лучей солнца, условившись встретиться в следующий вечер. Они не могут не встретиться, потому что не могут жить друг без друга. А до этого всю ночь они беседуют, беседуют...

Те дневные часы, которые разделяют звезды, им кажутся вечностью. А когда солнце собирает свои лучи и сладко засыпает в объятиях своей матери, на тёмном небе снова появляются лампы, и возобновляется звёздная беседа. Это даже не беседа, это космическая мелодия, звёздная симфония — яркая и чистая, как детская улыбка, как непорочная природа, как вечная любовь...

Каждая звезда имеет своего друга, то верное существо, без которого невозможна жизнь во Вселенной...

Но, увы, звёзды тоже не вечны... И случается так, что какая-нибудь из звезд, ярко сверкнув на небосклоне, падает вниз... Гаснет одна лампада, уход которой кажется незаметным среди миллиардов звёзд. Но в этих миллиардах есть одна звезда, для которой смерть друга равна собственной смерти, потому что та уже погасшая звезда —единственная, неповторимая и незаменимая. Вот почему когда какая-то звезда, сверкнув в последний раз, падает вниз, за ней сразу следует другая звезда, та единственная, которая заметила смерть друга и для которой жизнь во Вселенной тоже закончилась... И начинается звездопад...

А для других звёзд жизнь продолжается, продолжается звёздная симфония — яркая и чистая, как детская улыбка, как непорочная природа, как вечная любовь...

ՓԵՐԵՎՈԴՆԵՐ ԸՍՏԻՊՈՎ ԿԱՏՈՒՆԵՐԻՆ ԵՍ ԿԳԵՐԱԳԱՆԳԵՄ

* * *

Պատրաստ եմ քեզ հետ հազար կյանք ապրել
Եվ չմտածել յուրաքանչյուրո՞ւմ կարող եմ մեռնել:
Իսկ եթե գոհվեմ՝ կվերածնվեմ –
Աշխարհի բոլոր կատուներին ես կգերազանցեմ.
Ինչպես հայտնի է, նրանք ինը կյանք ընդամենն ունեն:
Պատրաստ եմ ես բյուր ծովերում խեղդվել,
Պատրաստ եմ դարձյալ միլիոն բոցերում ես վերածնվել,
Միայն իմանամ, որ քո փրկարար
Ձեռքերին հպվել կարող եմ քնքուշ և առանց դադար:
Մեկ ակնթարթում կարող եմ ներել
Իմ բոլոր, բոլոր թշնամիներին,
Եթե քեզ իրոք դա անհրաժեշտ է:
Հանկարծ կարող եմ հին ընկերներին
Ասել. «Դե՛, բարո՞ւ վ՛ մնացե՞ք դուք էլ»...
Եվ չզգալ խղճի թույնը դառնահամ:
Նույնիսկ կարող եմ մեզի ժամանակ
Քո հետևից գալ ճանապարհներով, անծայր դաշտերով,
Իսկ դու համոզիր ինձ, որ գուր չէ դա,
Որ ճանապարհին ես չեմ հանդիպի չար խաբեության:
Մեր միջև բազում գետաբաժաններ կարող են լինել,
Ճակատագրերը մեր, գուցե, տարբեր ճամփերով գնան,
Սակայն հավաստի գիտեմ ես մի բան.
Դու հենց այն մարդն ես,
Ում աստվածներն են ինձ մոտ ուղարկել:

* * *

Չես գտնի, ավա՛ դ, կորցրած ամեն ինչ,
Չես հիշի բոլոր բառերը չասված:
Ժամանակը հետ երբեք չես բերի,
Չես կանգնեցնի այն, չես հասնի նրան:
Չես հաշվի՝ որքան արցունք ես թափել,
Եվ չես հավաքի մտքերը ցրված:
Բայց փոխարենը՝ այստեղ եմ, ես կամ.
Ուշ չէ ամեն ինչ նորից սկսել:

* * *

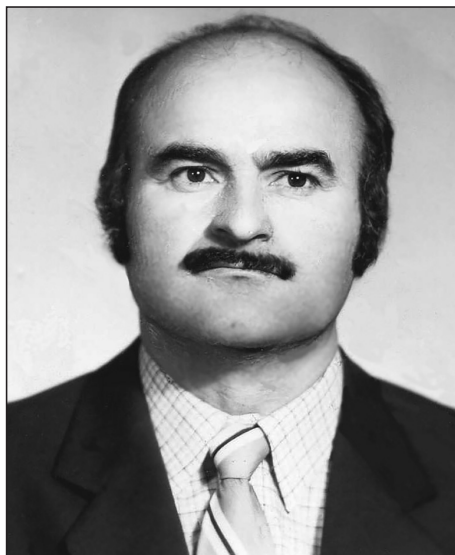
Դուք խոսում էիք աչքերիս մասին,
Իմ անունն էիք կրկնում մեղմաձայն,
Ձեր հառաչանքը, սակայն, պետք չէր ինձ,
Ձեր կործանումը ես դարձա այնժամ:
Հմայվում էիք իմ կիսադեմով,
Երազում էիք մազերս շոյել
Եվ ուզում էիք ամեն առավոտ
Իմ ձայնը լսել... Ձեզ չեմ հասկացել...
Ընդմիջտ կմնամ ձեզ համար գաղտնիք,
Կմնամ անհայտ, հեռու մոլորակ,
Իսկ դուք մոռացեք պատճառած վիշտն իմ.
Դուք իմ գաղտնիքը հավերժ կմնաք:

* * *

Լսի՛ր, լսի՛ր ինձ...
Լսո՛ւմ ես դու ինձ:
Տե՛ս ինձ երազում:
Գիտեմ՝ երազներ
Երբեք չես տեսնում,
Մակայն կայցելեմ
Ես քեզ երազո՛ւմ:
Եվ կխոնարհվեմ
Քո վրա անձայն...
Որ շունչդ զգամ...
Ես այն կբռնեմ
Զգույժ ձեռքերով,
Քեզ կպարզեմ
Ես համբույր սիրո:
Կնստեմ կողքիդ,
Դեմքիդ կնայեմ,
Եվ մեր նոր օրվա
Արևածագը
Կդիմավորեմ:
Եվ լուռ կսպասեմ –
Երբ դու արթնանաս

Լուսաբացի հետ՝
Ես զգուշորեն
Ոտքի կկանգնեմ,
Որ հանկարծ, իմ սեր,
Քեզ չվախեցնեմ...
Իսկ երեկոյան
Դու ինձ կպատմես,
Որ հրաշալի
Երազ ես տեսել.
Թե ինչպես էի
Ես կողքիդ նստած
Եվ հետո ինչպես
Քեզնից հեռացա...

ВАГАРШАК МАЗЛУМЯН

Вагаршак Седракович Мазлумян родился 21 ноября 1937 года в деревне Шейх-Мамай Старо-крымского района, Крым. С 1941 по 1944 год находился в оккупации. В 1944 году вместе с семьёй был выслан на Урал. Там окончил 10 классов.

С 1957 по 1960 год служил в Советской армии.

В 1963 году окончил мотоциклетный техникум в г. Ирбите Свердловской области.

С 1963 по 1970 год работал инженером-технологом на вагоностроительном заводе в Днепродзержинске.

В 1970 году окончил Днепропетровский инженерно-строительный институт.

С 1970 по 1977 год работал на стройках Днепропетровской области, где прошёл путь от мастера до главного инженера строительного управления.

С 1977 по 1993 год работал на стройках Армении на руководящих должностях. Строил 16-й квартал в Ереване.

С 1993 года по настоящее время живёт в Крыму, посёлке Ай-каван. Участвовал в его строительстве с 1993 по 1999 год. С 1999 по 2004 год работал заместителем директора по финансово-экономической деятельности Симферопольского ремонтно-механического завода.

С 2006 по 2010 год избирался депутатом местного совета.

Вагаршак Мазлумян – член Союза крымских армянских писателей – коллективного члена Национального союза писателей Украины.

ЦАРЬ ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

Продолжение. Начало в №№ 5, 6, 7 альманаха «Родина в сердце».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АМАСИЯ

Для ведения широкомасштабных войн Тиграну нужен был верный и сильный союзник, а таким мог стать Митридат VI — царь сильного Понтийского царства эллинистического мира. Для налаживания дружеских связей с Понтийским царством ранним летним утром в Амасию выехал армянский царь, которого сопровождала большая свита под охраной трёх тысяч всадников. Для обслуживания свит, воинов и животных на многочисленных конях, мулах, ослах и верблюдах везли припасы, еду, палатки. Среди этих грузов были драгоценные дары для царя Митридата Евпатора и его семьи: позолоченный меч с инкрустированной драгоценными камнями рукояткой царю, золотое ожерелье, украшенное жемчугами, царице и особый подарок — золотой пояс с вкраплениями алмазами — дочери Клеопатре, о красоте которой шли легенды. Помимо этого, в подарок царю Понта вели вороных и белых армянских коней, в глазах которых сверкали звёзды, а из-под копыт высекались искры. Самым дорогим подарком был конь в яблоках, покрытый, словно вуалью, изящно вышитой золотыми нитями попоной — для будущей невесты — Клеопатры. В дар ещё везли знаменитые армянские ковры и вино. Сопровождали царя повара, многочисленные слуги и телохранители. Большую часть пути Тиграна несли рабы в расшитом золотом паланкине, лишь при подходе к Амасии царь пересел на седло своего излюбленного черногривого коня. Царь с накинутой на плечи голубой мантией находился в центре свит.

Тигран ежедневно, по многу часов, любил беседовать со своим спарпетом, но в тоже время с интересом рассматривал местность, а также не упускал из вида далеко на горизонте еле замет-

ный город, куда они ехали. О чём бы не говорил царь со своими спутниками, он всё время думал, как его примет Митридат.

О Митридате ещё при жизни слагали легенды. Из достоверных источников Тиграну было известно, что царь Великого Понта в совершенстве владеет двадцатью двумя языками и свободно на них изъясняется. При официальных и неофициальных встречах он обходился без переводчиков. Митридат больше всего боялся быть отравленным своими недругами. И чтобы обезопасить себя от яда, он собственноручно готовил снадобья против яда из смесей шестидесяти различных трав и пил этот отвар на протяжении всей своей жизни...

Далеко позади осталась Армения, и они уже несколько дней двигались в глубь Понтийского царства. Чем ближе приближались к столице, тем больше виднелись ухоженные поля и фруктовые сады, на которых трудились люди, обличем и внешностью отличавшиеся от армян. Армянская делегация приближалась к городу, и всё отчётливее виднелись его стены и очертания дворцов. Свита спешно стала приводить себя в порядок: конники подтянулись, держа дистанцию, знатные вельможи расправили свои роскошные одеяния, градоначальник Мушег расчесал свою поседевшую бороду гребешком и, поравнявшись с царским паланкином, спросил у племянника:

— Царь с царицей будут встречать? Или это не принято?

— По закону гостеприимства должен нас встречать царь, — успокоил дядю племянник.

Спарапет, как распорядитель царской свиты, дал команду конникам торжественно держать шаг, браво выглядеть при вступлении в город. Градоначальник был беспокойным человеком, донимая царя, на правах дяди, своими расспросами:

— Как думаешь, государь, нам всем вместе отведут помещения или порознь?

— Почему тебя, дядя, это так сильно интересует? — вопросом на вопрос ответил Тигран.

— Чтобы не было подвоха, лучше всем быть вместе, — не унимался Мушег.

— Не волнуйся, дядя, — сказал царь, оглянувшись на скакавшего рядом спарапета Варужана. — В целях безопасности я ежедневно отправляю в Арташат сообщения о проделанном пути. Нам нечего бояться, Митридат сам очень ждёт союза с нами. Без нас их Рим сожрёт.

Амасия уже несколько дней готовилась к встрече армянского царя, загодя наведя порядок в городе: обновили и покрасили центральные ворота, отремонтировали кое-где отвалившиеся крепостные стены, убрали с улиц калек и попрошаек. Для высокого гостя Армении Великой специально был выделен самый лучший, отделанный белым мрамором царский дворец с бассейнами, фонтанами. Все помещения дворца застелили коврами, была выставлена дорогая мебель из пород редких деревьев, всюду виден блеск и роскошь.

В дворцовом саду разбили причудливой формы клумбы с экзотическими растениями, росли деревья разных пород. По саду разгуливали фазаны, демонстрируя своё яркое оперение.

В день приезда высоких гостей дорога от ворот города до дворца была застлана ковровой дорожкой ярко-красного цвета. Вдоль дороги, с двух сторон, в полном боевом снаряжении с пиками в руках выстроились линейные караулы. Толпы народа с утра заняли места от ворот до дворца приёмов, чтобы поглазеть на армянского царя, который менее чем за год объединил армянские земли в единое целое и с которым их царь собирается заключить союз.

Под россыпь барабанной дроби распахнулись крепостные ворота столицы Понта, ударили в литавры, зазвучали трубы музыкантов.

Сам Митридат выехал из ворот города встречать высоких гостей на своём белом аргамеке с группой всадников из личной гвардии, царица в горделивой позе восседала на шёлковых подушках роскошного открытого паланкина, сопровождаемая своей дамской свитой. Паланкин несли четверо дюжих, оголённых до пояса чернокожих рабов.

Царские кортежи, не доходя и не доезжая локтей двадцать друг до друга, остановились, словно вкопанные. Конники, со-

провождаящие своих царей, дабы не осрамить повелителей, гордо приосанились, застыв неподвижно, как изваяния. Цари спешили, бросив поводья в руки слуг, направляясь навстречу друг другу.

Они были заочно знакомы около года при помощи обмена послами и имели полную информацию обо всём, что творится в их государствах. И вот их первая очная встреча, которую каждый ждал с нетерпением, волнением и надеждой, как невеста первой брачной ночи. Каждая из сторон, сопровождавшая царей, ревниво отметила достоинство другой. Высокий, стройный, с непокрытой головой и с развевающимся за спиной пурпурным малиновым плащом армянский царь, добродушно улыбаясь подошёл к Митридату. Тигран был лет на десять старше Митридата, но эта разница не очень бросалась в глаза, разве только чуть посеребрённые, словно инеем, волосы висков выдавали эту небольшую в годах разницу. Со стороны можно было подумать, что после долгой разлуки встретились старший брат с младшим: оба стройные, голубоглазые, высокого роста и чем-то похожие друг на друга, отличаясь лишь тем, что Митридат носил короткую бороду, дабы скрыть след прокола чуть ниже правого уголка рта, который нанёс ему мечом перед смертью поверженный им Перисад — царь Боспорского государства. За эти короткие метры пути, что их приближали, каждый из царей с калейдоскопической быстротой прокручивал в уме пункты союзного договора, который им предстояло обсудить и принять во время встречи. По всему было видно, что цари понравились друг другу: об этом говорили их сияющие лица. Митридат про себя подумал, что неплохо было бы занять такого зятя, а вслух сказал:

— Приветствую тебя, царь Армении Великой! Приветствую тебя, царь Софены! Добро пожаловать в нашу гостеприимную столицу Амасию! А также приветствую всех твоих спутников! Чувствуйте себя, как дома!

— Я рад приветствовать тебя, царь Великого Понтоса! — с пафосом начал Тигран, зная о тщеславии Митридата, и продолжил: — Царь, который подчинил все города эллинов Понта

Эвксинского! Царь, с которым дружат фракийские и припонтийские племена!

После взаимных приветствий цари под одобрительный гул народа, обнялись и троекратно поцеловались, облобызав друг друга в знак любви и уважения. И в это время свиты обоих царей одновременно грянули.

— Слава нашим доблестным царям!.. Слава Митридату Великому! — кричали армяне.

— Слава Тиграну! — в свою очередь орали эллины.

Под оглушительные приветствия Митридат обнял за плечи Тиграна и подвёл его к своей супруге, которая была в лёгкой, как утренний туман, розовой тунике. С лучезарной улыбкой царица протянула Тиграну свою нежную ручку для поцелуя, как того требовал этикет. Армянский царь низко поклонился царице Великого Понта и обветренными шершавыми губами приложился к нежной коже её руки, пахнувшей запахом утренней фиалки. Затем цари поочередно представили своих вельмож и военачальников для знакомства друг другу. Всё это происходило недалеко от городских ворот при стечении огромного количества горожан, которые томились от ожидания начала шествия гостей в город. После завершения всех процедур оба царя вскочили на седла и рядышком, бок о бок, двинулись в город, осыпаемые цветами гостеприимными и радужными горожанами. Всё это сопровождалось музыкой и возгласами приветствий. Барабанщики неистово колотили в барабаны, оглушительно звенели литавры, горнили трубачи... На главной площади столицы цари спешили, по ковровой дорожке прошли сквозь строй почётного караула и остановились для принятия рапорта. Начальник караула, знатный воин, отсалютовал мечом Тиграну и отдал рапорт:

— Великий государь земли армян! Почётный караул в честь твоего приезда в город Амасию построен!

Приняв рапорт, Тигран с Митридатом обошли строй почётного караула и стояли рядом. Первыми двинулись всадники с пиками в руках, вслед за ними пошли копыеносцы, словно впаянные воедино, печатая шаг в такт барабанной дроби. Затем прошли лучники...

Во время прохождения почётного караула в честь высокого армянского гостя Митридат мельком, как бы ненароком, бросал косые взгляды в сторону Тиграна, пытаясь понять, какое впечатление производит на него его армия. От цепкого взгляда Тиграна не ускользнула слаженность действий почётного караула, по которому можно судить об армии в целом, но ни один мускул не дрогнул на лице гостя, которого так хотел увидеть Митридат. Расставаясь на время с Тиграном, Митридат сказал:

— Государь, я тебя покидаю ненадолго. Мой доверенный сопровождает вас в отведённый вам дворец, где с дороги отдохните, смойте дорожную пыль.

Армянская делегация в сопровождении доверенного Митридата направилась в гостевой дворец, эскортируемая многочисленной пёстрой толпой горожан, которая, обгоняя и толкая в спины друг друга, старалась не отстать от свиты. Знатные армянские вельможи хорошо знали язык эллинов и слышали, как доносилось то слева, то справа:

— Это царь арменов или посольство Кападокии?

— Вроде царь селевкидов, а не арменов.

— Нет, это царь арменов! Могу поспорить! Я видел, как его встречали.

— Царь арменов уже в годах, но красив! — восхищались другие.

— Может, жениться приехал? Вон какие обозы везёт с подарками! Наверно, для невесты...

— Если жених не понравится нашему царю, никакие подарки не помогут, — доказывал один горожанин другому.

— Смотрите, верблюды! — закричали несколько человек, и вся толпа хлынула к хвосту колонны, где обвешанные сундуками, лениво шествовали верблюды, не обращая внимание на толпу и прохожих. Несколько нищих в лохмотьях с отталкивающим внешним видом пробрались вперёд в надежде выпросить милостыню у армянского царя. Один эллин из провожатых дворецкого так стеганул их хлыстом, что отбил охоту другим. Видя большое количество всадников, браво восседавших на конях с длинными копьями в руках, любопытные расспрашивали друг друга:

— Для чего столько войска? Тоже в гости, а может, воевать?..

– Нет, не воевать, а чтобы все видели, какая знатная особа к нам приехала...

– Может, страху на нас нагнать, чтобы податливее были на переговорах?!

Сопровождаемая толпой свита армянского царя наконец приблизилась ко дворцу, и в это время к Тиграну прискакал спарапет со своими телохранителями и, наклоняясь к нему, сообщил:

– Государь, я с войском отправляюсь в казармы, выделенные комендантом в северной части города. Коней, которых мы пригнали Митридату, я приказал отвести в царские конюшни. Провиант и запасы повезли с собой в казармы.

– Предупреди всех командиров, чтобы воины соблюдали дисциплину, вели себя достойно, не позоря звание армянского воина, – приказал Тигран и чуть тише добавил:

– Гляди в оба глаза!..

– Всё будет исполнено, государь! Я лично всё проконтролирую, – ответил спарапет.

По совету дворецкого Тигран поселился на втором этаже дворца, уставленного роскошными диванами, светильниками и лампадами, подвешенными к потолку цепями. Все залы были увешаны занавесами, тканями и коврами. По мягким коврам приятно ходить, не слыша собственных шагов. На нижнем этаже правого крыла разместились телохранители царя, слуги, повар...

В левом крыле расположились знатные вельможи, сопровождающие царя. Размещением своей свиты царь остался доволен.

Весь остаток вечера спарапет провёл в хлопотах по размещению войска в казармах, которые оказались большими и просторными. Здесь были удобные комнаты для воинов, помимо этого, имелись просторные конюшни, бани и большая площадка со спортивными снарядами: перекладины, лестницы, врытые одним концом в землю, отдельно стояли мишени для упражнения в стрельбе из лука и метания копий и дротиков...

Гости из Армении отдохнули с дороги, привели себя в порядок, вымылись в банях с парилками, бассейнами и массажистами. На другой день рано утром Тигран собрал всех своих совет-

ников, сопровождавших его в поездке, на совет, чтобы ещё раз обсудить в своём кругу вопросы союзнического договора с Великим Понтом. Совет вёл сам царь, восседавший в расшитом золотом кресле в торце длинного полированного стола, с накинутым на плечи лиловым плащом. Прежде, чем начать совещание, Тигран ещё раз осмотрел всех присутствующих и, обращаясь к своему секретарю Араму, спросил:

— Все в сборе?

— Да, государь, — ответил секретарь, раскладывая на столе свои письменные принадлежности для записи итогов совещания.

— Начинай, спарапет Варужан, — приказал царь, усаживаясь поудобнее в кресло.

— Государь, — начал спарапет, — мы — люди военные, и нас интересует военная сторона договора. При заключении договора нам необходимо учесть сферы влияния обоих государств в своих регионах. В договоре надо особо подчеркнуть, что в случае нападения противника на одну из договаривающихся сторон другая сторона оказывает военную и материальную помощь своему союзнику. Я думаю, государь, надо поставить в известность нашего будущего союзника о наших планах в отношении наших соседей, — при этом спарапет посмотрел на царя.

— Не стоит нам раскрывать свои планы даже перед союзниками, — сказал царь. — Это дело наше внутреннее. А что касается договора, то он должен быть долгосрочным и стратегическим. Этот стратегический союз даст возможность Понту обезопасить свой тыл, начать готовиться к расширению своих владений в Малой Азии и стать преградой на пути римской экспансии на Востоке. Мы в свою очередь этим союзом обеспечиваем безопасность своего тыла с севера и северо-запада, получаем возможность возвращения потерянных территорий. Чтобы мне крепко держать нашего будущего союзника в своих руках, я предложу Митридату Евпатору Армению Малую.

Видя недоумение на вытянувшихся лицах присутствующих, Тигран решил их успокоить:

— Эта небольшая потеря с лихвой окупится. Я вам твёрдо обещаю. Заключив такой союз с Понтосом, мы присоединим к Армении обширные территории, а затем схлестнёмся с нашим основным соперником — Парфией!..

С замечаниями и дополнениями проект договора на совете был принят, и теперь оставалось ждать ответного хода Митридата...

День приёма ожидался со дня на день, Тигран знал, что Митридат заинтересован в скором начале переговоров, и поэтому утром после совещания он сам оделся в пышные одежды. Следуя его примеру, оделись приближённые. Верный своей привычке — быть всегда опрятным и праздничным, спарапет Варужан оделся в боевые доспехи, до зеркального блеска тщательно начищенные денщиком, от которых отражались «солнечные зайчики».

Особое внимание уделил своей внешности градоначальник Арташата и родной дядя царя Мушег. С помощью слуг он облачился в шёлковые одежды, до седьмого пота заставлял их пригладить на себя все складки, оправить подол, подкатить рукава. Мушег подолгу расчёсывал костным гребешком свою серебристо-белую роскошную бороду, вглядываясь в серебряное зеркало. С большим усердием раскладывал волосы на голове, стараясь закрыть небольшую плешь, которая его сильно огорчала. Слуги терпеливо исполняли все причуды старика, дабы неосторожным словом или действием не обидеть.

Не отставал от градоначальника и его давний друг Овсеп, начальник стражи Арташата. Но что он ни делал, внешность не впечатляла, мешала тучность. Особенно его огорчала лысая голова, которая вдобавок ко всему сидела щеками на плечах и без шеи, а что касается бороды, то она у него была куцей и редкой. Тут он поневоле позавидовал Мушегу, который и шею имел, притом длинную, а про представительную бороду и говорить нечего... Остальные тоже привели себя в порядок — всем хотелось хорошо выглядеть в глазах Понтийского царя и его окружения, оставив о себе приятное впечатление.

Царского секретаря Арама интересовала церемония приёма, которую он ожидал с волнением, как невеста брачную ночь. Хо-

телось ещё раз увидеть Митридата с его придворными и всё это описать на память потомкам. Одно его заботило — неловко брать во дворец навощённую дощечку для записи, а так хотелось все разговоры запечатлеть.

— Государь, а подарки сразу повезём на приём или при всех вручать неудобно?

— Подарки Митридату будем вручать в его семейном кругу, — осматривая ещё раз себя в зеркало, ответил Тигран. — Верблюдов и коней привяжем во дворе и во время перерыва и прогулки подарим их Митридату.

Развеселяясь царь добавил:

— Эх, жаль, пару слонов не прихватили!..

— Государь, может прогуляемся по городу? — предложил Мусег.

Он при людях всегда называл Тиграна государем, придерживаясь субординации, анаедине называл племянником, иногда — сыном...

— Отлучаться нельзя, в любой момент могут пригласить на приём, — ответил Тигран и, немного подумав, добавил: — Да при этом без провожатых Митридата неудобно, лучше подождём.

Чтобы убить время, спарапет вышел посмотреть, как расположен дворец. Сначала он остановился на площадке широкой лестницы с мраморными балясинами, выточенными искусными мастерами каменных дел. По обе стороны стояли два каменных льва, караулившие главный вход. Осмотрел двор, любовался фазанами, которые важно и горделиво прогуливались среди деревьев. Уже собирался вновь войти во дворец, как услышал за спиной незнакомый голос:

— Господин хороший, кто у вас распорядитель при вашем царе? — отдав честь, спросил военный высокого роста со смуглым лицом — один из свиты Митридата.

— Я! — сказал Варужан и с интересом глянул в неподвижные глаза этого крепкого, молодого человека. — Что вам угодно, господин?

Получив утвердительный ответ, незнакомец расплылся в улыбке и сказал:

— Так я сразу догадался! Значит, вы распорядитель при вашем царе, как и я при нашем. Будем знакомы и надеюсь на дружбу, — и крепко пожал протянутую руку спарапета. — Зовут меня Василесом. Я прибыл, чтобы сопровождать вашего царя со свитой во дворец царя Митридата. У ворот стоит личный полк охраны для сопровождения. Наш государь прислал свой личный паланкин для вашего царя. Сколько вам нужно времени для сбора?

— В принципе мы уже готовы, чтобы следовать во дворец, — ответил спарапет, довольный в скорой встрече царей для заключения союзного договора. — Подождите полчаса у ворот, я доложу своему государю о приглашении.

Распорядители разошлись и на прощание раскланялись друг перед другом, щёлкнув каблуками со шпорами и лёгким кивком головой.

— Государь! — с сияющим лицом и радостной вестью воскликнул Варужан, входя в царские покои. — Великий царь Понтийского государства Митридат приглашает тебя со свитой к себе во дворец. Для сопровождения армянской делегации прибыл личный распорядитель с полком охраны и паланкином.

Услышав эту новость, свита Тиграна с радостью засуетилась, собираясь на приём. Кругом слышался добродушный смех одобрений армянскими шутками и прибаутками. Перед выходом на улицу каждый ещё раз взглянул на себя в зеркало, одёргивая парадную одежду и поправляя бороду и волосы на голове.

Из гостевого дворца первым вышел царь, за ним потянулась свита. Замыкали шествие верблюды, гружённые подарками, и чистокровные армянские кони, предназначенные Митридату. Возле ворот собралась большая толпа местных зевак, чтобы ещё раз лицезреть царя арменов. Задние попирали передних, чтобы протиснуться вперёд. Охрана оттесняла их конями, освобождая дорогу Тиграну и его свите. Толпа с нетерпением ждала появление Тиграна: волновалась, бурлила, словно горная речушка, ударявшая своими волнами о прибрежные камни. Скандалили люди меж собой, нищие и калеки прокладывали себе дорогу палками и своим отталкивающим видом нахально двигались вперёд,

в надежде выклянчить милостыню у царя и его свиты. Едва показался Тигран, толпа, что было мочи, загорланила:

— Да здравствует царь армян!

Носильщики, дюжие молодые негры, мигом поставили паланкин к ногам армянского царя. Прежде чем сесть в роскошный, сияющей позолотой паланкин, царь обратил свой взор к солнцу, которое уже начало припекать, к голубому безоблачному небу, про себя прося у них поддержку на предстоящих переговорах. Затем он достал из кармана горсть золотых монет и швырнул их в толпу, уселся на мягкую подушку. Кортёж тронулся. Толпа, давя друг друга, кинулась собирать монеты, кругом слышались душераздирающие крики, вопли, стоны. Стоял невообразимый галдёж, вырывая из рук друг у друга монеты. Толпа на некоторое время оставила кортеж в покое, но, собрав монеты, вновь кинулась вдогонку в надежде ещё раз поживиться халявой, но отгесняя охраной стала вести себя несколько сдержаннее, пристально следя за щедрой рукой Тиграна. По мере продвижения по улицам города, Тигран продолжал удивляться пестротой толпы: сирийские и еврейские длиннополые одежды до пят смешивались с короткими белыми и лазурными накидками эллинов, расшитых богатыми узорами из золотистых нитей. За сирийскими и еврейскими торговцами следовали темнокожие рабы; полунагие с высоко торчашими в разные стороны жёсткими волосами. Они тащили за хозяевами товары. При виде армянского царя все остановились, заражаясь всеобщим интересом, присоединяясь к движущейся толпе, которая, обрастая, словно комом, неотступно шумом и гамом сопровождала кортеж с трёх сторон, попирая сзади. Вливаясь в толпу, каждый новый зевака запыхавшимся голосом спрашивал рядом стоящего соседа:

— Кто такие?.. Куда направляются?..

— Я уже устал всем рассказывать, — с раздражением отвечал сосед. — Это царь армян, приехал в гости к нашему царю...

— А зачем приехал? — не унимался любопытный зевака.

— Значит, надо, раз приехал. Вот ты в гости ходишь к своему другу?

— Хожу. Ну и что?

— Вот он тоже приехал к нашему царю в гости, — сказав эти слова, сосед исчез в толпе, чтобы отвязаться от назойливого попутчика, который своими распросами изрядно тому надоел...

Вечером, накануне встречи, завершив важные государственные дела, намеченные на день, Митридат уединился с царицей в своём излюбленном розовом зале дворца, радующем глаз изобилием дорогой мебели, ковров, светильников на золотых подставках. Семейная чета сидела в мягких креслах в лёгких одеждах: царь по-домашнему был в белом хитоне, а царица — в мягкой розовой тунике.

— Дорогая, какое впечатление произвёл на тебя царь армян? — спросил муж у жены, разливая вино в бокалы.

— Можно ответить одним словом — красавец! — с восхищением воскликнула царица.

— Да. Ничего против не скажешь, — согласился Митридат и продолжил: — Зрелый мужчина! Силён! Амбициозен! Победным маршем войдёт к берегам Гирканского и Внутреннего морей!

— Для нашей Клео он прекрасная пара! — вновь с восхищением молвила царица, всё ещё находясь под впечатлением от первой встречи с Тиграном. — Правда, уже немолодой, но очень красивый и богатый, да и страна у него больше нашей. Породнимся с Тиграном, обретём сильного и верного союзника!

— Дорогая, я во всём с тобой согласен. Армянский царь приехал не только заключить союз с нами, он приехал ещё за нашей дочкой, о красоте которой давно наслышан. И приехал не с пустыми руками, — сияя от радости, колокольчиком изливался Митридат, с нетерпением ожидая новой встречи с Тиграном, чтобы взглянуть на подарки.

— Главное — не подарки, а в союзе с армянами собьём спесь с этих чванливых и самонадеянных римлян, которые рвутся в наши владения. На завтра я наметил встречу в тронном зале. Нам надо быть во всём блеске, чтобы Тигран видел нашу силу и богатство, что мы — не нищие и не попрошайки на задворках мира! Заключим союзный договор и всё это скрепим браком нашей принцессы с армянским царём.

Потом Митридат поинтересовался у царицы:

— Милая, а ты подготовила нашу дочь к встрече с будущим женихом?

— Я с Клеопатрой на эту тему говорила месяц назад. Она очень рада стать царицей страны армян. Её желание усилилась, когда она воочию увидела Тиграна, находясь на верхней площадке дворца, когда он со свитой проезжал мимо...

Перед дворцом Митридата армянская делегация остановилась. По широкой мраморной лестнице, устланной яркой ковровой дорожкой, стал неторопливо спускаться к гостям царь Понтийского государства Митридат, сопровождаемый справа царицей Илоной и слева — шестнадцатилетней дочерью Клеопатрой. Одежда на царской семье сверкала позолотой, многочисленные золотые браслеты на руках отражались солнечными лучами, слепя окружающих, на грациозных лебединых шеях женщин сверкали с разноцветным переливом ожерелья из золота и драгоценных камней, с нежных мочек ушек до самых хрупких плеч раскачивались в такт движения изумрудные серьги в золотых оправках. Одеты женщины были в лёгкие воздушные одеяния, которые под летним тёплым ветром поднимались в высь, как бы желая оторвать эти нежные существа от парадной лестницы и унести в небо, к самому солнцу. С лёгкой дрожью в ногах широко открытыми голубыми глазами Тигран завороженно смотрел на прекрасное юное лицо принцессы, которую, очевидно, волшебная фея в день рождения поцеловала в темечко.

Цари приближались, идя навстречу друг другу по ковровой дорожке, с обеих сторон которой, на расстоянии трёх локтей, держа копьё в правой руке, щит — в левой, по стойке смирно стояли рослые воины почётного караула из личной гвардии Митридата. Тигран шёл в своей пышной одежде, над которой потрудились дюжина портных и немало лакеев при одевании и разглаживании. Шёл он с высоко поднятой открытой головой, которую украшали роскошные, густые, чёрные кудри, касаясь плеч. Мужественный вид лицу придавал чуть большей с горбинкой нос, а небольшой рот, окаймлённый тонкими губами, подчёркивал волевой характер. Из небольшого треугольного разреза на груди одежды проглядывала чёрная кудрявая растительность, в дебрях

которой утопал семейный золотой талисман, висевший на толстой золотой цепочке хозяина. Не доходя до Тиграна, на расстоянии до десяти локтей, царица с царевной остановились, пропуская вперёд Митридата. Народ за воротами дворца и площади притих, затаив дыхание: замолкли разговоры, хождения с места на место, взоры всех были прикованы к последним шагам царей, замолкла музыка, лишь тишину торжества нарушало беспечное пение птиц в саду в этот прекрасный солнечный день. Наконец цари остановились для взаимного приветствия. Первым начал, как гость, Тигран на эллинском языке:

— Приветствую тебя, великий государь Великого Понта, от имени всего армянского народа и от себя лично! Дружественный народ армянский желает тебе и твоему народу благополучие и процветание на долгие годы!

Словно из жерла вулкана, многотысячная толпа разом взорвалась:

— Слава великому Митридату!.. Да здравствует многие лета наш царь!..

Переждав довольно бурные и продолжительные приветствия в свой адрес, Митридат с сияющей улыбкой сказал:

— Приветствую тебя, великий царь армян! Приветствую твою свиту и весь народ страны Армения!..

Под продолжительные приветствия народа цари обнялись, словно братья после долгой разлуки. Звуки музыки и барабанных ударов потонули в рёве восторга, издаваемого с обеих сторон, перепуганные птицы улетели прочь, на время покинув свои гнёзда.

Цари в обнимку подошли к царице и царевне. С сияющей белозубой улыбкой царица протянула гостю руку для поцелуя и про этом молвила:

— Добро пожаловать в наш дворец, великий государь!

А далее, представляя свою дочь Тиграну, тихо добавила:

— А это наша Клеопатра... Она так ждала эту встречу..

От последних слов матери дочь вся зарделась, лицо стало пунцовым, словно объятое пламенем. Тигран влюблёнными глазами ласкал это юное создание, про себя думая: «Какой нежный, чуть

распустившийся розовый бутон, а сахарные алые губки так и созданы для поцелуев!» А вслух произнёс, целуя её нежную, чуть вздрагивающую руку:

– Здравствуй, прекрасная принцесса! – Ты своей красотой затмила солнце!

Действительно, солнце в этот миг скрылось за небольшим облачком, как бы подтверждая слова Тиграна. Довольные и счастливые родители мило улыбались паре, видя, какое огромное впечатление произвела их дочь на армянского царя, на лице которого было написано, что он в восторге от Клеопатры...

Царская семья вместе с армянским царём под несмолкаемые здравицы направилась во дворец. Вслед за царями направилась свита Тиграна.

В последний момент Тигран распорядился преподнести подарок Митридату и его семье перед началом переговоров, чтобы задобрить царя Понта и сделать его более покладистыми уступчивым, да при том армянскому царю самому не терпелось вручить свой подарок Клеопатре...

До начала переговоров оставалось два часа, и Митридат решил удивить осмотром белокаменного дворца, которым он очень гордился и всегда показывал знатым гостям. Дворец, действительно, был изумительным по красоте: десятки мраморных колон с каменными виноградными гроздьями, красовавшимися на капителях, выстроились в ряд по всему периметру прямоугольного здания, неся на своих плечах нагрузку стен вышестоящих этажей. К главному фасаду здания примыкала большая квадратная площадь, выложенная каменной брусчаткой – место проведения торжественных мероприятий столицы. За дворцом был разбит большой сад, через который протекал широкий ручей с искусственными водопадами, радуя глаз своими красотами и журчанием. По саду важно разгуливали фазаны и павлины.

За садом располагались многочисленные служебные помещения, которые обслуживали царский дворец. Завершив осмотр дворца, цари расположились в розовом зале, чтобы освежиться прохладительными напитками перед предстоящим совещанием. Цари сидели рядышком, слева и справа от них сидело семейство

Митридата. Чтобы успеть раздать подарки до начала совещания, Тигран подал условный знак своей свите. Тотчас слуги внесли в зал подарки. Тигран встал, и один из слуг вынул из позолоченного сундука золотой меч и подал ему в руки.

— Великий государь! — начал свою речь армянский царь, держа в руках великолепный золотой меч. — Прими от меня подарок на память о нашей встрече!

Пока Тигран произносил речь, Митридат с восхищением глядел на золотой меч, не в силах скрыть свою радость. Он, как полководец, любил оружие, но то, что ему сейчас преподнесли, было выше всех подарков, которые когда-либо кто-то ему дарил. Радость распирала грудь Митридата — он радовался, как мальчишка. Царь Понта поцеловал меч и долго им любовался, затем передал слуге.

— Армянский народ прислал тебе чистокровных белых и вороных коней, — продолжил Тигран, показывая рукой в двор, где к коновязи были привязаны десятки коней. — А также пять белых верблюдов, гружённых великолепными коврами, вышитыми золотыми нитями нашими мастерицами. Золотые кубки и светильники, шелка и парча.

Улыбка не сходила с лица понтийского царя, слыша про дорогие подарки из уст армянского царя.

— Подарок твоей супруге Илоне, — огласил Тигран, глянув на царицу Понта.

Та улыбнулась милой улыбкой и встала. Слуга достал из сундука массивную деревянную шкатулку и протянул Тиграну. Царь открыл шкатулку, вынул золотое ожерелье с драгоценными камнями и вручил царице. Та, сияющая и счастливая, стояла рядом с Митридатом, перебирая нежными пальцами камни на ожерелье...

— Специальный подарок от меня лично прекрасной царевне Клеопатре! — сказал взволнованным голосом Тигран, беря из рук слуги золотой пояс с вкрапленными жемчужными горошинами.

При вручении подарка взгляды армянского царя и понтийской царевны встретились. Принцесса вновь вспыхнула огнём, а царь слегка смутился. Потом, оправляясь от волнения, добавил:

— Ещё дарю прекрасной принцессе белого коня в яблоках...

Переговоры начались в зале заседаний в намеченное время. Обе стороны сели за стол: с одной стороны — армянская делегация во главе с царем Тиграном, с другой — представители Понтийского

государства во главе с царём Митридатом. Переговоры велись на румейском языке без переводчиков – армянские вельможи прекрасно владели этим языком. Открыл заседание царь Митридат, облачённый в прекрасные одежды с царскими регалиями.

– Великий царь Армении Великой! Царь Софены! Уважаемые мужи земли армянской! Я рад вас приветствовать за нашим столом переговоров. Мы все здесь сегодня собрались, чтобы обсудить союзный договор, который, как воздух, необходим нашим странам в целях защиты от надвигающейся угрозы со стороны могущественного Рима, стоящего на пороге наших границ. Прежде, чем заключить союз, каждая из договаривающихся сторон должна знать всё про друг друга. Поэтому я обрисую состояние дел в своём государстве. Положение у нас деловое, спокойное и стабильное. Нет у нас угроз ни с юга, ни с востока, ни с севера. Правда, недавно нашему союзнику Херсонесу угрожали скифы во главе с царём Палаком. Я послал помощь Херсонесу на кораблях – войско во главе с нашим прославленным полководцем Диофантом, – при этих словах Митридат с любовью глянул на рядом с ним сидевшего седоволосого воина. – Он в короткие сроки при десятикратном меньшинстве разгромил орды скифов под стенами Херсонеса, а остальных рассеял в степях Тавриды. В случае войны мы в состоянии выставить сотни тысяч воинов! При том отборных, закалённых в боях! Почти половина из них – всадники, закованные в железо и латы! Заключив союз с нами, вы обретёте себе сильного, надёжного и верного союзника! Помимо сухопутной армии, у нас есть сильный морской флот, способный перебрасывать большие десанты через моря в любые точки мира!..

Митридат, улыбаясь, через стол глянул в глаза Тиграна:

– Помимо военного союза, мы заключаем брачный союз! Царь армян Тигран попросил руки нашей принцессы Клеопатры!

Зал это известие встретил стоя с восторгом...

Поблагодарив царя Великого Понта за радушный приём, Тигран изложил свою точку зрения по всем пунктам союзного договора, и он был успешно подписан.

Обе стороны начали подготовку к большой войне: одни – с Римом, другие – с Парфией...

Продолжение следует.

ВАГАН ВЕРМИШЯН

Ваган Вазгенович Вермишян родился 22 сентября 1954 г. в посёлке Шаумян Грузии. С 1959 г. проживал в Ереване, с 1993 г. живёт в Крыму.

Окончил с отличием факультет армянской филологии Ереванского государственного университета.

Начал трудовую деятельность в 1976 г. в качестве внештатного корреспондента Государственного радио Армении и журнала «Советакан граканутюн» («Советская литература»).

С 1977 по 1989 г. – методист, старший методист Научно-методического кабинета Министерства высшего и среднего специального образования Армении, преподаватель курсов повышения квалификации преподавателей вузов и техникумов, учёный секретарь Межвузовского совета по учебному кино.

С 1985 по 1990 г. – старший преподаватель, заведующий отделом интенсивного преподавания армянского языка на факультете интенсивных методов обучения языкам Ереванско-

го государственного педагогического института им. Хачатура Абовяна.

1988–1992 гг. – выездной преподаватель и руководитель курсов армянского языка в Лазаревском институте (посольство Республики Армения в РФ, г. Москва).

1990–1993 гг. – преподаватель и заместитель заведующего кафедрой армянского языка и литературы Ереванского государственного медицинского института.

В 1993 г. приглашён в АРК для работы по программе возвращения депортированных граждан.

В 1993–2000 и 2003–2004 гг. работал в Гостелерадиокомпании «Крым» редактором, ответственным редактором, главным редактором Объединенной студии вещания на армянском языке, заместителя главного редактора Главной редакции национальных программ. Один из основателей и ведущих телепередач «Барев» и «Крымский диалог» («Крымская радуга»), радиопередач «Сердце моё в горах» и «Аракял луйси».

С 1998 по 2000 г. – преподаватель армянского языка, литературы и методики преподавания Симферопольского педагогического колледжа.

В 2000–2003 гг. жил в Одессе, был заместителем председателя Одесского общества армянской культуры, проректором Международной академической школы актёрского мастерства и режиссуры.

2005–2007 гг. – исполнительный директор Народного фонда развития и поддержки науки, культуры и спорта «Созвездие» (г. Москва), директор-издатель журнала СНГ «Созвездие. Наука, культура, спорт».

В 1994–2000, 2003–2004 гг. и с 2007 г. по настоящее время – главный редактор журнала (газеты) «Голубь Масиса» Крымского армянского общества, заместитель председателя Региональной армянской национально-культурной автономии РК (Крымское армянское общество), депутат Национального совета четырёх созывов.

Член Национального союза журналистов России, Союза журналистов этнических СМИ РК, Союза крымских армян-

ских писателей, обладатель двух журналистских премий: «Мій рідний край» (Ужгород, 1999 г.) и «Алустон» (Алушта, 2004 г.), имеет опубликованные научные статьи, тезисы докладов и брошюры в области филологии и методики преподавания. Является автором, соавтором и редактором учебников, учебных пособий и программ, свыше пятисот радио- и телевизионных передач, сюжетов и документальных видеофильмов об армянах и других народах Крыма, множества статей.

В. Вермишян – редактор и член редакционного совета альманаха крымских армянских писателей «Родина в сердце», журнала Союза армян Украины «Армянский вестник», книг «Армянские поэты Крыма», «Украина. Крым. Армяне» и многих других изданий.

Награждён многими ведомственными грамотами и благодарностями, Грамотой похвалы и благословения Католикоса всех армян, Памятными медалями им. И. К. Айвазовского и «Сурб Хач – 650 лет», Золотым знаком Крымского армянского общества, Почётными грамотами Министерства диаспоры Республики Армения, а также первой премией Всемирного армянского конгресса и Министерства диаспоры РА в номинации «Защитник родного языка».

В 2008 г. В. Вермишян удостоен звания «Заслуженный журналист АР Крым».

В 2016 г. назначен главным редактором журнала «Наш Крым».

В. Вермишян женат, имеет трое детей, внука и внучку.

Пишет стихи на армянском языке, является автором нескольких песен, а также одного из текстов, представленных на конкурс вариантов гимна Республики Армения.

ԷՔՄՊՐՈՍՏ

Գարնանային քո կարոտից
Ծովեց աշունն իմ հույզերի,
Հետո ձմեռ եկավ սառած
Ու վերջ դրեց իմ հույսերին:

Ամառ չեկավ պտղավորված,
Միրուս ծաղիկն էլ չծաղկեց.
Գուցե մի նոր եղանակ էլ
Քո կարոտից ես հորինեմ...

* * *

Ծիրանենու ծեր ճյուղերից
Խեժն է ծորում ու կարծրանում.
Վստահելով հիշողության իմ հույսերին՝
Պոկում եմ ու համտես անում:

Չէ՞ որ պտուղը այս ծառի
Այնքան քաղցր է և օգտակար.
Դե, ուրեմն, խեժն այս ճյուղի
Նույնքան համեղ պիտի լինի:

Բայց, այս ի՞նչ է՝ դառն է, տտիպ,
Ու քաղցրության նշույլ չկա,
Պարզվում է, որ ծառի վերքից
Դուրս հորդողը վիշտն է նրա:

Նույնն էլ մարդն է՝ այս աշխարհում
Քաղցր պտուղ տալու համար
Իր վերքերն է նա շատացնում,
Որոնք միշտ էլ դառն են անչափ:

ԶԳՈ՛ՒՅՇ ԵՂԻՐ

Կուգես բաժակիդ գնգոցը լսել՝
Ու խփում ես դու ուրիշ բաժակի.
Այնքա՛ն հաճելի մի ձայն է հնչել,
Որ մոռացել ես գինը քո թասի:

Բյուրեղից է այն՝ մաքուր ու վճիտ,
Իր մեջ է պահում միշտ թախիժ ու վիշտ,
Քեզ է հասցնում լոկ բերկրանք ու խինդ,
Որ զվարթ լինի խոսքը կենացիդ:

Բայց գինովցած ես երբ լինում հանկարծ,
Այնպես ես զարկում բաժակ բաժակի,
Որ փշրվում է քեզ խինդ պարզևած,
Այնքան դիմացած բյուրեղապակին...

Այդպես են նաև սեր, երջանկություն.
Ուզում ես լսել զնգոցը նրանց
Ու միշտ վայելել ձայնը քաղցրահունչ՝
Կարծում ես դու, թե հավերժ են նրանք...

Երկա՞ր կտևի սերը երկնային,
Թե՞ կփշրվի կոպիտ քո վարքից՝
Քեզնի՞ց է կախված, եղիր շատ զգո՛ւյշ,
Որքան էլ զնգուն՝ նուրբ է ապակուց...

ԻՄ ՊԱՏԱՆԵԿՈՒԹՅԱՆ ԵՐԳԸ

Վարդի թերթերը ջրի մեջ ընկան՝
Կարմրեց ջուրը թերթերից վարդի,
Սիրո թերթերը սրտիս մեջ ընկան՝
Կծկվեց սիրտս սիրո տանջանքից:

Սիրտս կծկվեց, սերը պինդ պահեց,
Որ բաց չթողնի նրան իր միջից,
Ցավը սուր դարձավ՝ սիրտս խոցոտեց,
Դարձրեց նրան փախչող ամենքից:

Փախավ բոլորից սիրտս ինքնամփոփ,
Թափառեց երկար ինքն իր ցավի հետ,
Ուզեց դուրս վանել ցավը իր տանջող,
Բայց նորից հոգնած վերադարձավ ետ:

Հիմա էլ սերը չուզեց դուրս ելնել
Իմ սրտից հոգնած, սառած, ինքնամփոփ,
Մնաց նրա մեջ, անդադար այրեց
Լցնելով սիրտս սիրո տանջանքով...

ՀԱՅՈՑ ԱՇԽԱՐՀ

*Երաժշտություն՝ Աշոտ Արիյանի
Խոսք՝ Վահան Վերմիշյանի*

1

Հայոց մեր աշխարհ, երկիր՝ ր հայրենի,
Հայկյան լեռներիդ վեհությամբ,
Սլացքով մտքիդ, երթով անվարան
Քայլի ր դեպի ապագան:

Կրկներգ՝

Ի՛մ հայրենիք,
Հոգուդ լույսով նոր կյանք կերտի՛ր,
Անմար արևիդ շողերի ներքո
Հավերժ ապրի ր, Հայաստան:

2

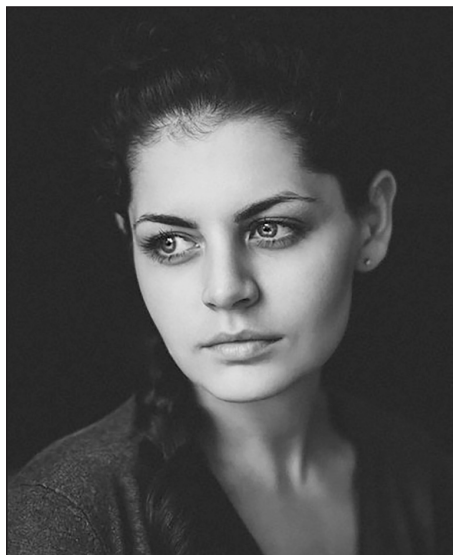
Ամբողջ աշխարհով ցրված հայության
Փարոս ու հավատ դու միակ,
Զանգիդ հնչեղ լեզվով դյութական
Կանչի ր Երկիր Նաիրյան:

Կրկներգ՝ ...

3

Հերոս զինվորիդ արյամբ սրբացած
Հողիդ ու քարիդ ենք ձուլված,
Դառնանք հավերժ քեզ ուժ ու վահան,
Աստված է մեզ պահապան:

Կրկներգ՝ ...

ТАТЕВИК АЗАРЯН

Татевик Азарян родилась в городе Душанбе в 1987 году.

В 1991 году в связи с военными событиями в Республике Таджикистан переехала с семьёй в Крым, в Симферополь.

В 2005 году окончила среднюю школу и была зачислена на Крымский факультет Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого. В 2009 году получила диплом об окончании высшего учебного заведения.

Замужем, воспитывает двух сыновей. Ведёт активную творческую, социально-общественную и благотворительную деятельность. Куратор творческого и образовательного направления в НКО «Добро Мира. Волонтеры Крыма», основатель Союза творческих армян Крыма «Цирани Кориз».

КРЫМСКОМУ СНЕГУ

Я жду тебя, зима.
Я жду твой белый снег.
Накроешь им дома,
И счастлив человек.
Всего то нужно — снег.
И нет уж серых крыш,
И прочь ушла тоска.
Тревоги уж не слышно,
Так радостно глазам,
Так радостно душе.
И в солнце снег блестит,
И счастлив человек.
Снег, удали печаль,
Что осень навивала,
Ведь я прошу немного —
Я целый год скучала.
Пусть век твой и недолог,
Растаешь без следа.
Верни, пусть ненадолго,
Ту беззаботную меня.
Я помню, как хрустишь ты
Под детским сапогом,
Ложишься еле слышно
Спасительным ковром.
Зима, иди скорей
И будь здесь настоящей,
Накрой собой дома
Уныло так стоящие.

ФИЛОСОФСКИЕ ЭТЮДЫ

Тебя согреют слова,
Ты брось их как камень в воду.
Они вернуться в ненастную непогоду,
Ветром ворвутся в окно открытое,

Теплым, радостным дождем прольются.
И станет так хорошо,
Так радостно.
И станет легко и просто.
Ты просто брось их в воду,
А дальше дело — круговоротом.

* * *

Спали в костре, что так мешало, было неудобно.
Спали... Оставь ты это все огню.
Как на углях томится жара сила неумно,
Так дай гореть ты своему костру.
Пусть будет и непросто отказать
От столь привычного и то, что дорого тебе.
Но где гарантия? Что, если с этим всем не распрощаться,
Найдется место новому, что может быть полезнее вдвойне.

ДЕТИ

В детских лицах так много радости,
Нежной сладости,
Вкусной румяности.
В детских лицах мы видим себя порой...
Тех беспомощных,
Маленьких,
Шалостных.
В детских лицах так много искреннего —
Того, что многими нами утеряно.
И так хочется возвратиться вдруг
На минутку, когда мы — дети.
Научиться опять так чувствовать.
Напитаться той непосредственностью.
В детских лицах так много верности
Той, в которую хочется верить.

ОБЛАКА

— Мама, можно скушать облака?
Милые. Наивные вопросы.
Ты побудь ещё таким пока
Нежным,
Добрым
И не очень взрослым.
— Мама, сколько было древних пирамид?
Тех, которые стоят в Египте?
— Сколько было, столько и стоит
Во главе с могучим Сфинксом.
— Мама, что такое «что»?
Это вот спросил сейчас буквально.
— Мама, сколько в килограмме полкило?
И такое выдает повальню.
— Мама, это что и почему?..
Мама. Мама. Мама. Мама!..
Я уже и не пойму,
Что на что и как я отвечала.
Сто вопросов.
Детские глаза смотрят.
Ждут и ищут от меня ответов.
Ты побудь таким ещё пока,
Передай из детства нам приветы.

* * *

И не хочу уж больше разговоров,
Мне хочется с тобой молчать,
Молчать о том, как пахнет море,
О том, как радуга рождается
После прохладного дождя.

Молчать о том, как сложно сосчитать все звезды.
И как недолог миг у мотылька.
Молчать о том, что в жизни мы — лишь гости,
Снующие во днях туда-сюда.

Мне хочется молчать о главном и не очень,
Молчать о сложном, но и простом.
Молчать, чтобы внутри — до дрожи,
А вот снаружи, чтобы кожа — аж гуськом.

Так упоительны такие разговоры.
И вроде рот замкнут,
А мысленно мы говорим.
На самом деле эти диалоги
Рождают истину и простоту души.

В молчании понять все фразы —
Вот высшее искусство и любовь.
Кто не умеет молча ведать тихие рассказы,
Тот не познает силы слов...

ՆՈՐ ՉԱՅՆԵՐ
НОВЫЕ ГОЛОСА

АЛИНА СТЕПАНЯН

Алина Степанян родилась в 1997 году в Самарканде, Узбекистан.

В 2004 году переехала в Симферополь, училась в МБОУ «Открытый космический лицей».

Начала писать стихи в двенадцать лет, участвуя в различных городских и региональных конкурсах.

Ныне – студентка юридического факультета КФУ им. В. Вернадского.

* * *

Покажите мне тех, кто не ошибался.
Кто в жизни падений не знал?
Кто не знает, как подниматься, когда в твоей жизни провал?
Покажите мне тех, кто не знает боль обиды или стыда?
Кто по свету гордо шагая, заявляет: «Моя совесть чиста»?
Все мы люди, все склонны к ошибкам.
Раз за разом, опять и опять, наступая на старые грабли,
Все мы учимся здесь выживать.
Не даны инструкции людям. Здесь каждый выбирает свой курс.
Но идёт он как малый ребёнок, боясь не туда шагнуть.
Все когда-то на пути спотыкаясь, корили знакомых, родных.
Но идя, ворча и хромая, не знали, что это вина их самих.
Все мы кем-то обмануты и преданы.
Все швыряли мы злой бумеранг.
Все мы ложью с ног до головы облеплены.
Все мы совершали обман.
В мире нет людей без изъянов.
Все мы грешники и даже глупцы,
Но глуп тот, кто, гордо упрямясь, не признал своей он вины.
Если ошибившись однажды, извлёк из ошибки урок,
То твой путь становится глаже, стать мудрее себе ты помог.
Не бойтесь приносить извинения.
И научитесь их принимать.
Ведь вы, совершая падение, рискуете бумеранг злой поймать.

* * *

Прошлое лечится. Рано ли, поздно ли?
Длительным временем, на новых местах.
Память замечется, потом успокоится,
Придёт время – свыкнется, осядет в стихах.

Дни плёночной лентой промчатся со скоростью,
На старых фото себя не найдёшь.
Лишь мелодия сердца забытой повести
Зазвучит в душе, когда и не ждёшь.

Прошлое лечится ночами бессонными,
Новыми мыслями, что бьют невпопад.
Дорогой к морю и шумом прибоя,
Разговорами долгими по пятому кругу подряд.

Все в жизни проходит, да не все забывается,
Даже не знаешь, когда вновь всплывет.
И вроде забудется, и вроде как свыкнется,
Но эхом внутри все равно отдаёт.

* * *

Есть много прекраснейших мест на планете,
Что блещут своей неземной красотой.
О них расскажу по большому секрету,
Напополам разделив их с тобой.

Море делю на неравные доли:
Себе заберу его меньшую часть.
Тебе оставляю звезду на восходе,
Чтоб каждый свой день ты с неё мог начать.

Ещё отдаю я луну и все звёзды,
Чтоб в покрове ночи было легче мечтать.
Но обещай, что отдашь мне все слёзы
И все, что в тебе пробуждает печаль.

Есть то, что делю с тобой вместе на равных,
А что-то отдаю большинство тебе.
Но все, что способно сделать несчастным,
Полностью я оставляю себе.

ПИСЬМО МАТЕРИ ОТ СОЛДАТА

Мама, пожалуйста, прости
За то, что не сдержал я обещанье.
К моей могиле возложи цветы,
Судьбой суждено нам расставанье.

Я гордо шёл с тревогой на войну,
От материнских рук с каждым шагом отдаляясь,
Забыв про боль, я шел в ту пустоту,
Вере и надежде преклоняясь.
Ты знаешь, мам, как больно мне
Смотреть на тех, кто духом тихо падал.
На тех, кого мы отдали земле,
А многие остались в снегопадах.
Я так мечтал вернуться в те края,
В то время, где я ещё ребенок,
Туда, где озарят твои глаза,
До боли мне любимые с пеленок.
И в громовые ночи напролет,
Когда надежда словно уголь тлеет,
Напомнит о тебе мне небосвод,
На сердце будто сразу потеплеет.
Я так отчаянно бежал судьбе в упор,
Я видел много крови и смерти близких,
Идя своим слезам наперекор,
Я получил прямо в сердце выстрел.
Надо мной гранитовые плиты...
Я так хотел бороться до конца.
Мой дом — безымянная могила,
Я погребен с начала января.
Увы, но не сдержал я клятвы,
Что матери давал я уходя.
Убит...И больше я не встану,
Вернуться, видно, было не судьба...

СОЛДАТУ

Солдат, спасибо за отвагу,
Ты отстоял до самого конца.
Спасибо, что через боль и всё ненастье
Донес награду до победного венца.
Спасибо, что сражался за свободу

Через невезенье и боль кровавых ран,
За то, что после роковых падений
Ты духом собирался и вставал.
Спасибо, что рискнул ты самым ценным,
Тем, что Бог дает всем нам лишь раз,
Вся боль и ужас тех мгновений
Навечно стали отраженьем твоих глаз.
Ты всё прошел, ты смог с колен подняться,
Забуть про боль и научиться жить,
Смотря вперед, сквозь слезы улыбаться
И каждое мгновение начать ценить.
Сколько горя пережило сердце,
Сколько слез пролили глаза.
И сколько б не сменилось поколений,
Подвиг ваш живет в наших сердцах.

* * *

Жизнь учит обороняться,
Держать удар, смотря врагам в лицо.
Терпеть, но только не сдаваться,
Сражаться всей душою за свое.

Жизнь учит словам людей не верить,
Поступки их все скажут за себя.
И быть терпимей к тем, кто не умеет
В ответе быть за все его слова.

Жизнь учит никому не мстить,
В отместку не желая зла,
Ведь каждому придёт время платить
Перед Всевышним за все его дела.

Жизнь учит меньше доверять,
Держать язык среди зубов,
Ведь очень трудно нынче распознать
Под маскою друзей врагов.

Жизнь учит добиваться своего,
Оберегать все то, что строишь ты.
И твёрдо знать только одно,
Что лишь от нас зависят все мечты.

Жизнь учит, доказывает и твердит,
И испытания все посылают небеса,
Но сердце все равно мне говорит:
«Не переставай верить в чудеса».

ТИМУР ЯН

Тимур Ян родился в 1979 году в Симферополе. В 2002 году окончил Национальную юридическую академию Украины им. Ярослава Мудрого. Занимается предпринимательской деятельностью.

Стихи пишет о том, во что верит. Большую часть времени проживает в Крыму, зимой переезжает в Индию. Не любит зиму, холод и равнодушие.

Считает, что жизнь человека без чувств подобна еде без вкуса. Верит в карму и считает себя гражданином планеты Земля. Уверен, что в конце все обязательно будет хорошо, а если нет, то это не конец.

БОЛЬНО

Больно, от того, что вольно...
Вольно — несмотря на чувства,
Чувства... а на сердце грустно,
Грустно, потому что пусто...

СЧАСТЬЕ

Счастье — быть с любимой страстным,
Счастье — стать невзгодам неподвластным,
Счастье — наблюдать, как шар заходит красный,
Счастье, когда жил ты ненапрасно.

ОСЕНЬ

Разбросала листья золотая осень,
Каплями янтарными разошлась дождем,
Улетают птицы на побывку в гости,
До весны оставив свой родимый дом.
Облака могучие облачились тучами,
Ветром принесенные, осенью пахучие,
Солнышко лучистое, с рыжими волосами,
Радует закатами золотистой осени...

ЛЮБОВНАЯ ПОЭЗИЯ

Словами, словно кистью, нежно глажу,
Ласкаю рифмами медовый нежный шёлк,
Тону в глазах и в клетке каждой таю,
Губами прикасаясь между строк.

ГИБКИМ БЫТЬ?

Гибким быть и гибким жить,
Может, сразу жидким плыть?
По течению реки
Вдоль косматых берегов.
Жидкие писать стихи,
Позабыв величие слов?
Гнуться — только, если выпрямляясь,
Ибо я рожден стальным прутом.
Чаще чем сгибать — ломаюсь,
Превращусь в металлолом.

МОЯ

Ты уже давным-давно моя,
Пленена без личного согласия,
Путешествуешь в моих стихах,
Строками извилистыми странствуя.
По ковру из разноцветья трав,
Нитью сотканным из шелковистых слов,
С желтой листвою прежних глав
Вдоль периметра моих волшебных снов.

ЕЙ

Стихи? Посвящаю любимой,
Чей образ в моей голове,
Сравнить его можно с прекрасной вершиной,
С которой я падал во сне.
Прошу вас, не надо лезть в душу,
Там очень мудреный пароль,
Не суйте отмычки — вам это не нужно,
За радостью может быть боль.
Пусть каждый считает, как хочет,
Границ у фантазии нет.

Я рад, что нашли вы себя между строчек
В том мире, что создал поэт...

ЛУЧИСТЫЕ ГЛАЗА

Доброе утро, ласковый друг,
Мой маленький хозяин дома,
Зовешь меня игриво к мисочке из хрома,
Очерчивая мельком круг.
Уже не помню –
Жил как без тебя,
Без славных встреч,
Что утро нам готовит,
Без верности, что сердце моё ловит,
Глядя в твои лучистые глаза.

О ВЛАСТИ

Я власть любую презираю,
Когда она воспета на крови,
Когда при ней невинные страдают,
И за бортом остались старики.
И мне неважно, сколько будет партий,
Когда они прикормлены в верхах,
Когда они не знают слово «хватит»
И перед Богом потеряли страх.

О СЕБЕ

Я говорю в душе, радеющей стихами,
Как сладким ароматом опьяненный,
А если едким дымом, словно сапогами,
Словами бьет мой разум раскаленный.
Не терпит он цинизма и притворства,
Не делит ложь на горечь и на мед,
Он верит каждой клеткой в благородство,

Надеясь, что и в нем оно живет.
Представить не могу, как можно жить
С чернеющей, невытою душою
И что потом такое нужно говорить,
Чтоб оправдаться пред собою.

ОТКУДА Я БЕРУ СТИХИ?

Откуда я беру свои стихи?
Оттуда же, откуда новый день приходит,
Где волей звезд рождаются мечты,
Что утром ранним жизнь во мне заводят.
Из теплоты сердец, что душу нежно греют,
Порой из холода, отчаяния и нестерпимой боли,
Из пений птиц,
Когда колосья златом зреют,
Или когда я не согласен с чьей-то безрассудной волей,
Когда на небе облака картины белым пишут,
Уходит в море солнце, краски расплескав,
Когда стучит четкой дождь по скользким крышам
Или пьянит в горах от разноцветья трав.
Откуда я беру свои стихи?
Оттуда же, где повстречал тебя —
На островах волнительной любви
Рождается поэзия моя.

РОДИТЕЛЯМ

Я знаю, что меня всегда простите вы,
Любимые мои родители,
Я почитаю вас и уважаю,
Пред вами голову свою склоняю.
Здоровья вам от всей души желаю
И не в словах, а в мыслях воспеваю,
Не знаю, как отобразить все эти чувства,
И от того сейчас мне грустно.

И то, что в пылком настроении своем
Могу ошпарить вас нечаянно огнем,
За резкость в голосе, за долгое молчание,
За чрезмерное отчаяние
И за мальчишечье упрямство
Прошу опять меня простить.
Спасибо вам за все, мои родные,
За то, что так охотно с вами жить.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МАМА...

*Посвящается самому преданному
и верному человеку в моей жизни — моей маме*

Я люблю тебя, мама,
Нет, люблю — это мало,
Я тебя обожаю, я тобою так горд,
От ненастий с рождения меня охраняла.
Твои нежные руки — словно каменный форт,
Добротой бесконечной меня одарила
И теплом окружила, теряя свое,
Ты меня день за днем словно гнездышко вила,
Все давала и лишь по-людски жить просила,
Ты со мною во всем и всегда заодно.
Жаль, что я так и не прочёл его тебе,
хотя написал очень давно. Посчитал недостойным.

РОДНАЯ...

Родная моя,
Я мечтаю о том,
Что снова увижу, как ходишь по дому
В халате махровом любимом своем,
Услышу, как варишь свой утренний кофе,
Как скажешь с порога: «С добрым утром, сыночек!»
И вкусным печеньем своим угостишь.

Тепла и любви неиссякаемый лучик
В сердечке, как прежде, ты верно хранишь.
Ты – мой добрый друг, нет на свете вернее,
Ты солнце мое, ярче я не встречал,
С тобой небо в тучах намного светлее,
«Отчизна моя», как когда-то сказал.
Я верю, что мрачные тучи над нами
Рассеются временем и мольбами,
Ты станешь сильнее, и наступит тот день,
Как мы по знакомой Межгорской тропе
С тобой пошагаем под песни лесного оркестра.
А вечером дома из домашнего теста
Ты испечешь нам вкуснейший пирог,
И я, преступив чуть домашний порог,
Услышу знакомый его аромат.
Не знаю, чему бы на свете такому
Я мог бы быть так неистово рад.

ПРИХОДИ КО МНЕ ВО СНЕ

Приходи ко мне во сне,
Я всегда тебя там жду, в своих объятиях,
Сон – второй мой дом,
В нем птицы по весне
Вместо гнезд вьют кружевные платья.
Если дуют там ветра, то только освежая
Или теплым воздухом пронзая невесомые одежды.
В тот момент, когда пред солнцем руки расправляешь,
И оно по-матерински с головы до ног лучами нежит,
Там бескрайние просторы нам одним подвластны,
Замирают при желании дожди – одним шелчком.
Хмурим брови – тучи,
Выпрямляем – ясно,
Слышим поля шелест каждым колоском.
Приходи ко мне во сне,
Жду тебя я там, на склоне у реки,
Будем за руки держаться и смотреть,

Как забрасывают невод рыбаки,
Как на небе облака рисуют снегом
Разные фигуры, что понять лишь нам.
Приходи в мой сон горячим летом,
Я тебя свожу на океан,
Где укурю теплым пледом,
И мы с чашкой кофе солнце проведем за горизонт,
Озаряя небо красным светом,
Опускаясь в воду, словно алый зонт.
Приходи в мой сон,
Мы нарисуем вместе осень,
Под ногами листьями шурша,
В ветви золотые краски у деревьев бросим
И ладонями размажем, чуть дыша.
Приходи, я буду ждать тебя на радужном мосту.
Каждый сон — как каждый день
Из вариаций дивных красок,
Знай, что я тебя всегда теперь там жду —
В мире грез волшебных наших сказок.

СТАНЦИЯ «БЕСКОНЕЧНАЯ»

Ехал человек дорогой долгой, длинною,
Прорезая кроны фонарей,
Полные глаза его уныния
Отражали блеск ночных огней.
Больше в них иного блеска не было,
Не глаза то были, а стекло,
Он не походил на бедного,
Вопреки унынию его.
Перекресток, торможение, переходы пешеходные,
Мальчик маленький стоит в дождевике,
У него на вид глаза холодные,
И одет он как-то налегке.
Не успел додумать...
Мальчик скрылся в темноте,
Человек поехал дальше,

Удивляясь мыслям в голове,
Словно это было уже раньше...
За судьбу он сам с собою сетовал,
Почему, мол, так и, главное — за что?..
Праздную судьбу он унаследовал,
А ведь жизнь могла быть, как в кино...
Почему она такая праздная,
Вялая, размеренная жизнь?
И судьба такая несуразная,
Где он винтик, а не механизм.
Почему заботами банальными
Переполнен каждый божий день?
Кто-то занят важными вопросами глобальными,
В то же время он живет в их мире, словно тень.
Почему ему так сложно с близкими?
С постоянными у них проблемами,
Разными сюрпризами, капризами,
Как в болоте вязнет с их дилеммами
Дети, женщина, родители, друзья.
Кто поймет его большую душу?
Неужели будет так всегда?
Почему его не слышат?
Где-то счастье, о котором люди говорят?
Где оно и почему его минует?
В чём он так пред Богом виноват?
Что он жизнь грызет, а не смакует.
«Надоело! — крикнул, —
Больше так нельзя!
Надо жить, как хочется и никого слушать,
Сколько лет осталось — проживу их для себя.
А то, что не день, так вечно от меня кому-то что-то нужно...»
Зазвонил у человека телефон:
«Слушаю», — он нервно произнес.
Голос в трубке по-родному был знаком,
С этим голосом родился он и рос.
Что-то было на другом конце не так,
Человек вдавил педаль до пола.
«Только бы успеть, ну как же так? —

Волновался он о голосе знакомом. —
Боже, мне не надо как в кино...
Умоляю, пусть все будет так, как есть,
Заблудился в грешном разуме своем,
Но я понял, Боже, счастье — здесь...».
Ехал человек дорогой долгой, длинною,
Прорезая кроны фонарей,
Полные глаза его уныния
Отражали блеск ночных огней.
Перекресток, торможение, переходы пешеходные,
Мальчик маленький стоит в дождевике,
У него глаза холодные,
И одет он налегке...
Не успел додумать...
Мальчик скрылся в темноте.
Человек поехал дальше,
Удивляясь мыслям в голове,
Словно это было уже раньше...

БЕЗ ТЕБЯ

Первый год мы без тебя встречаем.
Ну как встречаем?..
Старый по-предательски уходит сам,
Хоть в глубине души его мы отпускаем.
Прощаться с ним не передать, как больно нам,
Как будто можно рано лечь в постель,
Уснуть к полуночи, остановивши время.
А если повезет во сне к тебе прильнуть
И снять на время тягостное бремя,
Как будто год с тобой от нас уходит,
Не оставляя шансов никаких.
И кто-то заново часы заводит,
Забыв, как ты умела скрасить их,
Я принимаю разумом порядок,
Что время развернуть никак нельзя,
Как понимаю то, как каждый день был сладок,
Когда с тобою рядом смог быть я...

СОЛНЫШКО МОЁ

Солнышко мое любимое,
Ласковая, нежная, родная,
Никогда никем не заменимая,
Мамочка моя святая.
Я стараюсь думать о другом,
День прожить до ночи я пытаюсь,
Заглушить в сознании своем,
Что с тобой опять не повстречаюсь,
Потому что стоит мне представить,
Что ушла от нас ты навсегда,
Что не в силах это мне исправить,
По щеке струёй бежит слеза.
И не знаю жить как, мама, дальше,
Ты ушла, забрав с собой меня,
Как же, мама, счастлив был я раньше,
Преданная, верная моя.
Я пытаюсь думать о другом,
Строю стены жалких декораций
В разуме тоскующем своем,
В фарсе том боясь себе признаться.

РОДНАЯ МОЯ...

Мамочка моя родная,
Как же я хочу тебя обнять,
Поделиться новостями
И о личном рассказать.
Кто же мне теперь согреет душу
Взглядом ласковым одним?
С кем, когда никто не видит,
Быть по-детски озорным?
Мамочка моя родная,
Как же пусто без тебя!

Словно красота земная
Прочь исчезла навсегда.
Смотришь ласково теперь ты свыше,
Нежным взглядом свет даря,
Как же мне тебя услышать,
Мама, мамочка моя?
Ты прости меня, родная,
Что грущу день от дня,
Словно темнота ночная
Окружила, извела.
Верю, мама, что ты слышишь,
Как с тобою говорю
И ладонью потираю
Фотографию твою.
Вспоминаю наши встречи
И во сне, и наяву,
За покой твой на коленях
Я у Господа прошу.
Чтобы ангелы из рая
На руках тебя внесли
В край, где, горечи не зная,
Стать смогла счастливой ты.
Мамочка моя родная,
Ты всегда со мной в душе,
Только вот обнять не в силах
И согреть меня уже.
Пролетят года, как ветер,
Вот и мой наступит срок,
И тогда меня ты встретишь,
Скажешь: «Здравствуй, мой сынок!»

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК ХОРОШИЙ

Как-то жил один человек,
На меня с вами схожий,
Он натерпелся разных бед,
А был человек хороший.
С ранних и до последних лет
Был человек хороший,
Как не гремел осенний гром
И не пугал прохожих.
С вечной улыбкой под зонтом
Шёл человек хороший,
Сияя радушием и теплом
От головы до ножек.
В снежную бурю и метель
В дом мы входили с дрожью,
А на пороге нас встречал
Наш человек хороший.
И прям с порога взглядом грел
Нас человек хороший,
Если возникнет вдруг беда,
Сердце вдруг заporошит,
Добрый советом он всегда
Как верный друг поможет.
В сердце отступят холода
И больше не встревожат,
А, если надо постоять
За тех, кто всех дороже,
Он первым выходил на бой,
Маленький и хороший,
И вел всех отважно за собой,
Покрывшись стальной кожей.
Как ни строга была судьба,
Волею свыше сброшена,
Сердце его желало нам

Только всего хорошего.
Как-то под утро он ушел
В вечное Царство Божие
И наконец покой обрел
За все дела хорошие.
И пожелал оттуда нам
Только всего хорошего...

ИЗАБЕЛЛА КАРАКУЛЯН

Изабелла Владимировна Каракулян родилась в Тбилиси в 1956 году. Окончила в 1978 году физический факультет Тбилисского государственного университета по специальности «Физика полупроводников и диэлектриков». Работала учителем физики в Ереванской средней школе №132.

С 1996 года живёт с семьёй в Бахчисарае.

Вот что И. Каракулян пишет о себе и своём творчестве: «По образованию физик и по сути, наверно, тоже... Никогда не помышляла о том, что когда-то стану писать стихи, а начала в 2001 году случайно, после знакомства с известной в Крыму поэтессой Натальей Наумовой.

Поэт-любитель... Пишу, когда плохо, пишу, когда душа переполнена от восторга, пишу, когда хочется писать. Летом пишу про лето, осенью – про осень...

Возможно, посетивший мою страничку на Стихи.ру найдёт для себя то, что созвучно его настроению, чувствам и мыслям».

СЫР – НА ХЛЕБ...

Заходи, дорогой, посидим за столом.
Не богатый я, но и не бедный:
Есть и хлеб, есть и соль, и кувшин мой с вином...
И кусок этот, верь – не последний.

Я живу по законам нетронутых рек,
Что в горах получили начало.
Правда, нынче умерен годами мой бег,
Повидал в этой жизни немало.

Вынес всё на своих непокорных плечах,
Не жалею... Прекрасные дети
Подарили давно мне прекрасных внучат,
Сыр – на хлеб, не стесняйся да ешь ты.

И седины мои не помеха сейчас
Пить на равных с тобой, наливай-ка...
Мир превыше всего – это дедов наказ,
Жизнь и сахар, и горькая байка...

Честь достойна всего, дорогой, мой очаг
Не потерпит бесчестного гостя.
Пусть им будет уж лучше достойный и враг...
Да ты ешь. Что с тобой? Ты не бойся.

Я людей вижу сразу глазами насквозь,
Жизнь по полочкам всё разложила.
Что я всё о себе... Ты откуда, мой гость?
Речь моя тебя, вижу, смутила...

ИЗ КАМНЯ ВОЗРОЖДАЯ ЖИЗНЬ

*Армяне — это тот народ, чьи матери во времена геноцида
1915 года, с детьми на руках, обречённая на жажду
и голодную смерть под палёным солнцем в пустыне Тер-Зор,
вылив последние капли воды на палящий песок пустыни,
обучали своих детей армянскому алфавиту.*
Лоуренс Аравийский

Из камня возрождая жизнь,
Воздав в молитве Арарату,
Могилам предков, отчим стенам,
Он дал рождение винограду.

Его уделом стали камни,
Крутые склоны и стремнины,
И только сильное упорство
Дало плоды на этой ниве.

Лишь горсть земли с родного дома
И страстное желанье жить,
Чтоб возродить цветенье рода,
Дало возможность победить.

Растёт на склонах виноград,
Стоят сады в цветенье белом.
И гордо смотрит Арарат
На свой народ, не ставший пеплом.

ПОМНИ! ПОМНИ! И ПОМНИ!

*К 100-летию трагических событий,
геноцида армянского народа.*

Больно слышать и слушать,
Про недавно, давно...
Боль не может не мучать.
А сотрётся ль клеймо
На убийцах народа,
Не жалевших детей?
Чтобы не было рода...
Горы, горы – костей.

Море слёз, реки крови,
Ужас смерти в глазах.
Бог молчал, наш... ад волен
Был вершить этот страх,
С молчаливой поддержки
Мир молчал, как и Бог..
Кто-то теплил надежды,
Что не может быть рок
Так жесток к нашей ВЕРЕ,
К нашим детям! Земля,
Как не ты в полной мере
Боль до дна испила.

Память в каждом потомке
Восстаёт с молоком...
Звон безудержный, громкий
Оглушает, как гром:
– Помни! Помни! И помни,
Чья вершила рука!
Возрождённые корни
Кровью поит река.

РОДИНА 2

Без слёз не думаю о склонах,
Долинах рек и горной пыли,
В которую величье скал
Старанья лет переродили.

Земля холодных родников,
Уснувших гор, стремнин, камней,
В тебе достоинство отцов,
Во мне твой дух и пыл свечей,
Которые зажглись в тот миг,
Когда, смятением объята,
Ступала я в твой светлый мир,
Как Ной на землю Арарата.

Им Айастан, им Айреник*...
Строка длиною в бесконечность,
Ты для меня – особый стих,
Корнями уходящий в вечность!

* Моя Армения, моя Отчизна.

ՄԵՐ ՀՅՈՒՂԵՐԸ
НАШИ ГОСТИ

ШОХАКАТ (ШОХЕР) АХВЕРДЯН

Шохакат (Шохер) Ахвердян родилась в Ереване (Армения). Окончила филологический факультет Ереванского государственного университета, позже – Пятигорский государственный лингвистический университет.

Работала учительницей в школах Армении.

Вначале 90-ых с семьёй эмигрировала в Данию, в настоящее время живёт в городе Оденсе.

Пишет стихи и рассказы.

* * *

Կանչում ես, կանչում քո լուռ հայացքով,
Աչքերով տխուր խոսում ես ինձ հետ,
Ու երբ փորձում եմ ժպտալ մեղավոր,
Ներման կամուրջն ես դարձնում արահետ:

Ինչո՞ւ եմ այսպես կարոտում ես քեզ,
Ինչո՞ւ եմ փորձում հուշերում անկեզ
Գտնել հեռավոր սիրո փշուրներ,
Որ երբեք առաջ սիրտս չեն այրել:

Բացում եմ կրկին նկարդ փոքրիկ,
Առանց թարթելու փորձում եմ նայել,
Ինչո՞ւ եմ այսպես շիկնում քեզանից
Եվ շփոթվում եմ աղջնակի պես:

Ուզում եմ պահել նկարդ հեռու,
Բայց մի ժամ չանցած՝ ձեռքս եմ առնում,
Մի թե սա է, որ կոչում են մարդիկ
Առաջին մեծ սեր, որ կուտ է գնում:

* * *

Դոյակում, քո սիրուն դոյակում
Իմ ստվերը նորից հյուր կգա,
Կփարվի, կտանջի, կկանչի,
Երբ բռնես, քամու հետ դուրս կգա,
Դոյակում, քո սիրուն դոյակում
Կարապի իմ երգին տեղ չկա,
Ինչքան էլ քո սերը թեժանա,
Հնոցում վառելու փայտ չկա:

ԱՌԱՆՑ ՔԵԶ

Գիշերը իջնում է խաղաղ,
Սև թավշով ծածկում բուրբին,
Լռում են թռչուն ու քաղաք,
Աստղերն են ժպտում վերևից:

Բոլորը տուն են շտապում,
Բոլորին սպասում է մեծ սեր,
Ես տխուր՝ աշնան փողոցում
Մոլորված գրում եմ երգեր:

Գիշերը իջել է խաղաղ,
Սև թավշով ծածկել բոլորին.
Երգերս՝ այնպես միապաղաղ,
Երգերս՝ այնպես տխրագին:

Մենակ եմ, տխուր եմ հիմա,
Առանց քեզ ոչ մի երգ չի գրվում,
Քո անվան վանկերն են միայն
Իմ գլխում, բերանում, սրտում:

Գիշերը իջել է խաղաղ,
Սև թավշով ծածկել բոլորին,
Ես գնամ վրանը իմ պաղ
Եվ ընպեմ տխրության գինին...

ՈՉՆՉԻ ՀԱՄԱՐ ՉԵՄ ԱՓՍՈՍՈՒՄ

Խելառ եմ, իենթ եմ, ես գարնան գետ եմ,
Կամուրջներս քանդած մի շարեք,
Ո՛չ ձմռան ցրտին, ո՛չ ամռան տապին
Մի ասեք ափսոս է, մի՛ ցավեք:

Ծիրանի ծանրությամբ կոտրված ճյուղ եմ,
Ո՛չ մի փայտ, ո՛չ մի ձեռք չի փրկի,
Թո՛ղ կքվեմ, թո՛ղ ճկվեմ իմ անուշ ծանրությամբ,
Որ ամեն ձեռք հասնի ու պոկի:

Աղբյուրի կարկաչուն, կարոտած ջուր եմ
Անցորդի ծարավ շուրթերում,

Թող խմի, հագենա ու շունչը կտրի,
Ի՛նչ հոգս, թե հետո չի օրհնում:

Ես այն եմ, ինչ որ կամ, իսելառ եմ ու խենթ,
Ուրիշ եմ, նման չեմ բոլորին,
Թո՛ղ սիրեն, թո՛ղ ատեն, խռովե՛ն, նախատե՛ն,
Ես կի՛ն եմ, ես մայր եմ, ես մարդ եմ
Ու չեմ ավստում ես ոչինչ...

* * *

Անտարբեր՝ տխուր իմ հառաչանքին
Քայլում ես հպարտ, կարծես չեմ եղել,
Իսկ ես խոնարհված՝ այնպես եմ սատել,
Որ էլ ուժ չունեմ ժպտալու կարգին:

Փառահեղ, կարծես աշխարհն ես տիրել,
Կայծեր ես թափում աչքերիցդ վառ,
Իսկ ես՝ խեղճացած, իսկ ես՝ մոլորված,
Քայլերդ եմ համրում աչքերով խոնարհ:

Այդ ի՞նչ պատահեց, ինչո՞ւ դառնացար,
Ինչո՞ւ երգերս քեզ չեն փոթորկում,
Լեզո՞ւն է օտար, բառե՞րն են խրթին,
Թե՛ չեն էլ հասել երբեք քո հոգուն:

Կանգնել եմ կրկին քո ճանապարհին,
Ուր ամեն անգամ դու անց ես կենում,
Բայց ո՛չ մի ժպիտ, ո՛չ աչք, ո՛չ էլ սիրտ
Իմ գոյությունը չեն էլ հիշեցնում:

ՏԵՍԻԼՔՆԵՐ

Մի գարուն էլ անցավ, մի կկու էլ հաշվեց
Տարիներն իմ կյանքի նվիրած,
Մի երազ էլ թռավ, մի ծիրան էլ կաթեց.
Քեզ սպասեցի երկար, դու չեկար:

Ծառերն արդեն աշնան մեղեդին են երգում
Երջանիկ բերքի լույս հրճվանքով,
Իմ բուրբ մտքերը գարուն են դեռ փնտրում.
Ծաղկած ծիրանենի՝ լույսի ծով:

Երա՞զ էր դա արդյոք, թե՞ տեսիլք իրական
Այն ծաղկաշող այգին ծիրանի
Եվ այն երգը սիրո, որ ծառերն էր գրկում՝
Ծիրանենին՝ հագած քող հարսի:

Հրա՞ջք էր դա արդյոք, թե՞ տեսիլք իրական
Բուրմունքը ճերմակ ու վարդագույն,
Իմ քնքո՞ւշ ծիրանի, իմ հեռո՞ւ-հեռավո՞ր,
Ո՞ւմ համար ես հիմա դու ծաղկում:

Գարունն եմ շատ սիրում ես երգերից բուրբ,
Նաև՝ գույնը հասած ծիրանի,
Դու իմ երա՞զ անհաս, իմ կարո՞տ հեռավոր,
Դու իմ ծաղկա՞ծ այգի ծիրանի:

ՆՈՐԻՑ ԴՈՒ

Նորից ու նորից գիշերվա մթին
Լուռ ու անշշուկ կանգնում ես կողքիս,
Անձայն, անաղմուկ նայում ես երկար,
Ու չեմ հասկանում դու ինչո՞ւ եկար:

Ի՞նչ ես կորցրել և ի՞նչ ես փնտրում
Քեզ չպատկանող այս իմ աշխարհում,
Ի՞նչ ես մոռացել, ի՞նչ ես պահ տվել,
Որ որոնում ես, բայց չունի անուն:

Ես իմ աշխարհում դարակներ չունեմ,
Եվ խառն է այստեղ ամեն-ամեն ինչ,
Բայց ամեն մանրուք, սիրելի՛ս, ի՛մն է,
Թաքցրած գանձեր չունեմ ես ուրիշ:

Նորից ու նորից գիշերվա մթին
Ես իմ աշխարհին եմ ուզում դարակել,
Ու նրա ոչ մի կորած անկյունում
Չեմ գտնում ոչինչ, որ քոնն է եղել...

ԱՆՀԱՅՏ ՀԱՅՏՆՈՒԹՅՈՒՆ

Այս ի՞նչ պատահեց, որտեղի՞ց եկար
Եվ ինչպե՞ս ս գտար ու բաց չես թողնում:
Այս ի՞նչ պատահեց, այս ի՞նչ պարզվեց,
Որ ոչ թե եկել, այլ չես էլ մեկնե՞լ:
Ապրել ես կողքիս խավար անկյունում,
Ամեն ինչ տեսե՞լ ու բան չե՞ս ասել:
Ե՛վ կույր ես եղել, ն՛ համր, ն՛ խուլ.
Ծեզից մինչև ծեզ՝ միայն աղոթե՞լ,
Միայն կարոտե՞լ, միայն երազե՞լ:
Այս ի՞նչ պատահեց, դու ինչո՞ւ եկար.
Ես քո լռության մութ պատուհանին
Ոչ մի մոմ չունեմ վառելու համար:

ԱՅՍՕՐ ՈՒՐԻՇ ՕՐ Է

Այսօր անկեղծ եմ լինելու.
Առաջվա պես չեմ ժպտալու,
Թե տխուր եմ, պիտ արտասվեմ,
Ուրախ պահին կկարկաչեմ:

Այսօր բարի եմ լինելու.
Ունեցածս եմ այլոց տալու.
Իմ զարդերը՝ շատ սիրելի,
Զգեստներս, գրքերս հին:

Այսօր ուրախ եմ լինելու.
Տանս հանդես եմ անելու.
Մենակ, տխուր մարդկանց բերեմ,
Որ ինձ նման ես դարձնեմ:

Այսօր ես՝ ես եմ լինելու,
Այսօր այնպե՛ս եմ գծվելու,
Որ առանց դուռդ բախելու
Ծեզին կգամ քեզ սիրելու:

ԱՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՀԵՔԻԱԹ

Անքնության պատուհանիս լուռ անկյունում
Ստվեր դարձած՝ հիշողության թելն եմ մանում:
Կաթիլ-կաթիլ անձրևային թկթկոցում
Քո անցյալի երազների տունն եմ շարում:

Անքնության պատուհանիս խուլ անկյունում
Քո մոռացած նամակների հոտն եմ առնում:
Անքնության պատուհանիս մութ անկյունում
Քո նվիրած ծաղիկների գույնն եմ դնում:

Անքնության պատուհանիս մի անկյունում
Քեզնից թաքուն պահած սերն եմ անվերջ մանում:

МАРИАМ ЧАЙЛАХЯН

Мариам Михайловна Чайлахян родилась 27 марта 1949 года в городе Ереване.

В 1950 году семья переехала в Москву. По окончании средней школы в 1967 году поступила на биологический факультет Московского областного педагогического института им. Крупской, а в 1973 году – в аспирантуру в институте Истории, естествознания и техники. Окончила аспирантуру, но не защитила диссертацию и после рождения первого ребёнка в науку уже не вернулась, а параллельно с воспитанием детей стала заниматься литературно-издательской деятельностью.

В течение семи лет редактировала и издавала «самиздатский» сборник «Маски», где печатались студенты Литературного института и их педагоги: такие поэты-переводчики, как Лев Озеров, Александр Ревич, Елена Николаевская.

Занималась также переводами и писала статьи в периодические издания. Выпустила два сборника своих рассказов и эссе

«Пряжа дней», сборник из восьми пьес Уильяма Сарояна в своем переводе на русский язык, а также биографические сборники, посвященные выдающемуся ученому, физиологу растений Михаилу Чайлахяну, педагогу и переводчику Тамаре Аматуни-Чайлахян и крупному ученому Левону Чайлахяну.

ОБ АРМЕНИИ – ВЕСЕЛО...

(Из дневниковых записей, 2004 год).

Встречал Акоп ласково, терпеливо. Усталое лицо. Как всегда, вез торжественно через центр: «Вот какой он, мой Ереван». Дома сестра Саануш. Прибежала Арманчик, 14 лет не виделись. Одиссей возвратился домой. Араик в родном доме. Наш молодой медовый месяц 30 лет назад. Да-а-а-а...

Попили кофе, повспоминали. Вздремнули немного. Пошли гулять.

Тепло, другие люди ходят по городу. Знакомых, как раньше бывало, нет. Не успевали пройти и двух шагов, как нас засекали. «Вы что, инкогнито в Ереване?» – спросил нас тогда Карен. Немного пыльно и воздух тяжелый от машин. Кафе-ресторан «Карузо». По просьбе Натальи Краснушкиной сфотографировали памятники: Туманяна, Спендиарова, Кара-Бала (Степан Арутюнян, житель Еревана, продавец цветов, который дарил цветы девушкам весенней поры), площадь с фонтанами. Купили мне солнечные очки, красивые, модные. По совету женщины. Капала в глаза левомецетиновые капли, у меня что-то вроде конъюнктивита началось прямо перед приездом в Армению. Тут подходит тётя и говорит: «Как же Вы на таком солнце с больными глазами». А солнце яркое, жаркое, слепит глаза, и никуда не денешься. Так и купили в киоске у площади очки, в которых я ходила во все ереванские теплые деньки.

Вечером пошли к Карену и провели совершенно московский вечер со спорами, выпивкой, досиделись до того времени, когда, доброй памяти, наивный Белинский в кругу друзей литераторов, уже собиравшихся расходиться по причине позднего времени, отчаянно восклицал: «Постойте, а мы же ещё не решили, есть Бог или нет?» Мы же в это время обсуждали вопрос следующего этапа (прогресс налицо): «В кого веришь?».

А год спустя мы уже в Москве снова обсуждали тот же вопрос и с той же горячностью, только уже без обаяния ереванской теплой осени, без радости внутренней, что вот мы в путешествии и

в ожидании встреч, интересных поездок, и все с той особой трепетностью и обострением всех чувств, когда попадаешь в новые места, а ещё более в те, в которых ты когда-то был счастлив.

Есть фотографии с того памятного вечера: мы все улыбаемся в квартире Карена-Риты, мы под памятником Сахарову на площади Азизбекова (она раньше так называлась).

На следующий день в среду с утра были на выставке современного искусства. Старое хорошо, а новое – в Москве сейчас не хуже, а, пожалуй, и лучше делают, и смелее, но это трудно назвать живописным искусством, это что-то другое. Мобиле концептуале. Так вот.

А потом Карен нас повез в Эчмиадзин. Сам сидел за рулем. Погода чудная, сад – маленький рай. Офис. Пили кофе и беседовали на богословские темы с монахом, тот курил, заложив ногу на ногу, или не курил? Интересно это все было, весьма...

Спелые, багрово-алые гранаты висят на деревьях, сквозь желтизну листьев видно чистое голубое небо, храм природы удивителен, тих и благолепен.

В четверг рано утром уехала Саануш в Западную Армению: Карс, Ани, Ван. Мы её отпустили с легким сердцем – что не спутали её планы, а сами остались полноправными хозяевами квартиры на Амиряна. Через два дня сломали душ и мылись, согревая воду в электрическом чайнике.

И весь день лил дождь, и сразу похолодало, мы решили – конец теплу осени, но, слава Богу, назавтра все вернулось опять: и тепло, и солнце, и прочее.

Поехали в Сурб Саркис, церковь, где мы вместе с детьми крестились в 80-м. И сразу попали под перекрест сияющих прожекторов ослепительного двуглавого Арарата. И с каменного парапета глянули вниз на быстробегущую Зангу (река Раздан). Все, точно, отметились. Потом прошли по Прошяну к музею Параджанова. Этот дом был построен в последние годы его жизни (кажется, он там прожил всего год). Фантастический музей, очень в моем духе. Мне тоже часто хочется превратить нашу обыденную жизнь в театр и записочки,

с виду будничные, чуточку принарядив, пустить в жизнь как некое произведение искусства, своего рода театр-док. Так Параджанов берет записку, небольшое письмецо Тонино Гуэрры, обрисовывает вензелями и вешает на стену как произведение искусства. Так и папино письмо-поздравление с пожеланиями «Тох Араике мишт сири ир Машенкайин» («Пусть Араик всегда любит свою Машеньку») просто само просится на стенку. Шучу.

А какие коллажи из осколков фарфоровых чашек, потрясающие шляпки и подарок художнику: туфля грузинской женщины, мощная такая туфля. А туфелька армянской женщины – это золотые сабо из Италии. На одной из наших фотографий видна эта туфелька, она спадает с моей правой ноги, когда я сижу в кафе у памятника Исаакяну.

P.S. Давно это было, но когда мы приехали в Ереван спустя двенадцать лет, в 2016 году, алгоритм нашей жизни был все тот же: прогулки по знакомым улочкам мимо домов из туфа, в которых мы могли прожить всю жизнь, и чувство некоей потери от несостоявшейся жизни в теплом Ереване; чашечки настоящего ароматного кофе во всех кафе, что встречались нам по пути; выставки; рай монастырского пространства: на этот раз это был Агарцин с быстробегущей рекой Агстев и, главное, непременные посещения друзей и родных. Мы словно стремились все увидеть, ко всему прикоснуться, всех перецеловать и ощутить легкое головокружение от избытка чувств и, конечно, от высоты. Все-таки как-никак полторы тысячи над уровнем моря! Моя горная страна, мой Ереван...

ЗВОН ВЕНЧАЛЬНЫЙ

В день благого бракосочетания Вагана и Марии

Первый снег пошел 18 октября. С утра. А к трём часам почти все растаяло. Утром было очень красиво, а сейчас осталось одно маленькое тоненькое дерево, трепещущая фигурка, и на ветвях белые капельки, комочки, они ещё имеют форму листочков.

Так что у нас под окном серебряное деревце. Веселый знак, предзнаменование, что Рождество будет и Новогодняя ель тоже будет. И топить начали, значит, не замерзнем. Остались ещё листья, целые купы, но и они покрылись легким инеем. 1999 год, осень.

А в этом году (2000) осень была особенная, снег выпал только в середине ноября, а до этого все окутал золотистый, рыжева-то-багряный флер; и, как медные колокольчики, позвякивали, раскачивались при шуршании листья, когда они, словно птицы, улетали в пространственную синеву. Тихий звон слышался мне всю эту длинную прекрасную осень. Когда у меня было грустно на душе, я думала: «Что это — погребальный звон?» «Но нет», — сразу же прогоняла эту мысль, столько в нём было чистоты и принятия жизни. «Это, наверное, величальный», — догадывалась я в минуты удачи, среди сверкающих одеяний надежды. Но теперь-то я уже знаю, что это был, по большей части, венчальный звон. Может, я услышала его раньше, чем главные виновники грядущего торжества. Наверное, поэтому, вопреки всем бедам этого блестящего, этого несчастного, страшного и великолепного, кончающегося под муки и гимны века, столетия, тысячелетия, в душе моей возникла завязь неистребимой радости и предчувствия того, что «все потеряно, кроме счастья». Будьте счастливы, брачующиеся, да снизойдет к вам милость Божья под этот великолепный медный перезвон, сменившийся теперь серебристым поскрипыванием лежащего, летящего снега. Будьте счастливы, люди, среди закружившейся змейками метели, в вихре вальса безумных и чистых снежных фей, под защитой легких трепетаний крыльев ангелов-хранителей.

ЗАВИДКИ БЕРУТ...

Завидки берут, вот у современной молодежи какие масштабы, не то, что у нас в свое время. По любой визе в любую точку мира и отдохнуть, и учиться могут ехать, а какие бары, ночные, а? И все разрешено. А у нас — то и было всего: поспать в палатке; по-

петь под гитару у костра; выпить стаканчик сухого вина после ныряния и купания где-то в Коктебельской бухте; пройти много-много метров пути вверх по откосу или много километров по ровной дороге, похожей на заговоренное пространство Нестерова, и там прикоснуться к теплым, живым стенам заброшенного храма, поставить в нише свечку, или вдруг наткнуться на неизвестные подлинники Левитана или Поленова и... Да, здорово мы тогда жили, где все это, и будет ли снова? Надо надеяться.

Это все не обладало славой всемирно известных памятников, не было покрыто глянцем и почти не стоило денег. Но это был наш маленький сокровенный рай. Нас не обманули в чем-то, а? Теперь не будет так, что мы будем сидеть в роскошном отеле, в баре, потягивать коктейль через соломинку, лениво наблюдая за павлинами, вышагивающими перед бассейном, и с тоской вспоминать наш молодой неубранный уют, нашу беседку в Перхушково или дачу в Посаде, или двор в Айгестане и плакать в душе об Утерянном рае. Забавно было бы, я так думаю.

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Это наша жизнь, мой ангел...

«Райские кущи Мемориума». Есть зимний рай в теплых куцах квартиры, с застольем, когда вино льется рекой, и хвалебные эпидейтические речи наплывают одна на другую, есть летний рай с бликами солнца на воде (реке, море, озере) с томлением летних закатов и пахучим разнотравьем, и теплыми камнями прибрежных скал... А есть умозрительный рай, это память, из этого рая нас никто не в силах выгнать, а ещё рай мечты, он неуловим, мысль прекрасная, успокаивающая, только осела на кончике сознания, и вдруг — фью-ю-ю, и её уже нет. И такая жалость, и чувство, что если бы вспомнила, то сразу и прозрела бы, и ухватила Синюю птицу, но не за хвост, это безжалостно, а усадила бы на жердочку под окном и сидела бы с ней, и разговаривала каждый день, и все смотрела бы на неё. Вот такие «Утешительные беседы с Синей птицей».

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ!

...Потом было путешествие в фантастическую, полную чудес Индию. Это требует особого уточнения. Первая поездка папы на конференцию в Калькутту чуть не закончилась трагически. Это одна из «страшных» историй нашей семьи. И это стоит рассказать в лицах. Когда папа радостно возбужденный вернулся из поездки с подарками (особенно хороши были бумажные разноцветные змеи в вариантах), то свалился через пару дней в гриппе. Из академической поликлиники пришла навестить папу незнакомая врачиха, которая игриво, с ноткой интимности спросила: «А где тут наш путешественник, как себя чувствует?» Папа бодро ответил из спальни, что замечательно, но вот прихворнул немного.

Прыжок врачихи был подобен прыжку индийской тигрицы, если такие водятся. Она кинулась к телефону. Передняя – холл, если кто помнит нашу квартиру на Ленинском, довольно большая, так что метра три до папиной кровати будет. Сохраняя эту дистанцию, она дрожащим голосом продиктовала в трубку, что профессор вернулся из Индии и заболел с симптомами простуды. Да, имел контакт с чихающей американкой. Эту чихающую американку из калькуттского автобуса мы потом долго вспоминали. В общем, нам сообщили, что папа отправляется в бокс инфекционной больницы на Соколиную гору, где за ним будет круглосуточное наблюдение. А нам врачиха шепотом сообщила, что чума тоже начинается с гриппозных симптомов. Москвичи помнят, наверное, как в начале 60-х чуть не разразилась эпидемия оспы. Из-за вернувшегося из Индии художника, подхватившего там вирус. С ним тогда все кончилось трагично и с его семьей. А всем остальным жителям Москвы вкатили неочищенную вакцину, впопыхах. Что тоже вызвало осложнения хронических болезней. Это было еще на памяти. Так что только я по своей глупой молодости отнеслась к словам врача недоверчиво. Родители все восприняли всерьез...

Папа сразу стал сжигать всех этих змей, а мама собирать папу в больницу. Помню то ледяное спокойствие, с которым мама это

делала. Что вспомнилось ей в эти минуты? Может, ужасы войны, эвакуации и мысль, что вот жизнь выправилась — и на тебе. Папа сказал сурово: «Пусть Лёва не приходит, хоть одна ветвь останется». В общем, неделю мы почти соблюдали карантин. Правда, я тайком бегала на свидания и как тень пробиралась в булочную за хлебом (есть-то надо было). Потом папа выздоровел от гриппа или ОРЗ, тогда этого названия не знали, и жизнь потекла с новым энтузиазмом.

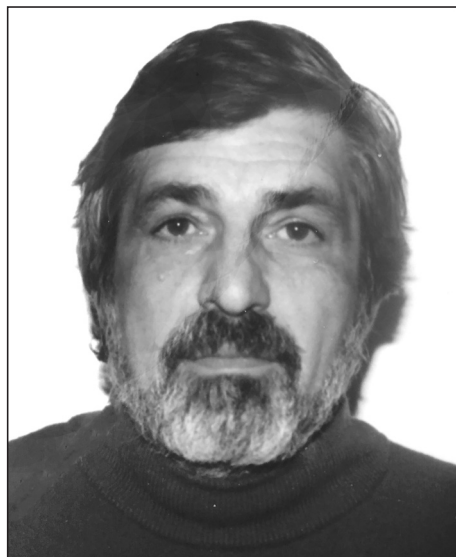
Эта история, как ни странно, не спугнула желания поехать туда ещё раз. На этот раз папа поехал с мамой, и все прошло очень удачно. Мама там имела успех — она читала лекции об Армении, а папа показывал слайды. На севере Индии их сделали почетными гражданами города П. и надели на шею венки из живых цветов.

И по приезде они не заболели, так как не имели контакта с чихающей американкой.

Только мама сказала с грустью: «Как Индира Ганди может спать спокойно, там столько нищих?» Они сидели в пыли, а на их тонких запястьях и щиколотках блестели на солнце золотые браслеты. А лица — как с индийских миниатюр. И папа добавил в список самых красивых женщин мира к армянкам и русским ещё индийских

Сейчас в Москве 21-го столетия, мы тоже спим спокойно, а на улицах Москвы...

СТЕПАН БАГДАСАРЯН

Степан Багдасарян родился 15 декабря 1953 года в Ереване.

Отец – инженер-технолог, мать – врач-хирург. Оба были участниками Великой Отечественной войны. Ушли на фронт добровольцами. Мать встретила Победу в Берлине в звании старшего лейтенанта, отец демобилизовался чуть раньше, в звании капитана.

В 1970 году окончил среднюю школу им. А. С. Пушкина, а в 1975-ом – физический факультет Ереванского государственного университета.

С 1974 года начал работать в области электроники и вычислительной техники в научно-производственном объединении «Позистор». Двадцать лет работы прошёл все ступени от техника до начальника научно-производственного комплекса.

Имеет правительственную награду – премию ленинского комсомола в области науки и техники.

С 1996 года живёт в США. Женат, имеет двоих взрослых сыновей и две внучки.

Случайно начал писать рассказы...

У Степана есть хобби – делать витражи...

Любимый писатель – Сергей Довлатов, певец – Френк Синатра. Любимые актрисы – Евгения Симонова, Марина Неёлова и Наталия Гундарева, а актёры – Олег Янковский, Евгений Евстигнеев.

Любимый композитор, поэт и певец – Шарль Азнавур, любимые барды – Владимир Высоцкий, Олег Митяев, Тимур Шаов.

Но больше всех на свете любит своих чудных внучек!

ФИЗФАК

Когда я учился в школе, у меня наблюдались способности к математике или как тогда говорили, к точным наукам. Почему так — неизвестно, может, от природы, через гены, а, может, по какой иной, доселе неизвестной человечеству причине. Я говорю: именно способности, а не, скажем, склонность, дабы объяснить то, к чему веду.

Заканчивая девятый класс, я как-то наткнулся в «Комсомольской правде» на напечатанные там конкурсные задачи для поступления в ЗМШ (заочная математическая школа при МГУ им. М. Ломоносова). По настоянию мамы решил попробовать их решать. Задачи были очень своеобразные и интересные, «с наскока» их было не решить.

В то время мой двоюродный (почитай, что родной) брат женился, его жена тоже проявила интерес к этим задачам, и мы с ней вместе начали их постепенно решать. В результате в ЗМШ я поступил.

Тот период, когда я часто ходил к ним в гости, во многом определил мою дальнейшую судьбу — я стал приобщаться к новой взрослой жизни, начал понимать, а потом и разделять некоторые их интересы. К тому времени относится незабываемый конный поход по югу Армении, в который мой брат с женой взяли и меня в виде некоего бонуса, как сейчас говорят — за прилежание к учебе.

В разговорах они спрашивали, кем я хочу стать, и я уверенно отвечал, что пойду в Политех — с «точными» науками у меня вроде неплохо, о чём ещё думать? Но однажды жена брата спросила:

— А почему не физфак университета?

— А какая разница? — задал я встречный вопрос.

— Ты поступи, а там увидишь, — с улыбкой ответила она (сама она заканчивала именно физфак).

Подал я документы на физфак, приложил аттестат об окончании ЗМШ (на него, надо сказать, вообще не прореагировали, хотя позже, когда я захотел его забрать на память, сказали, что все документы должны храниться в архиве университета!).

К экзаменам по математике я, помнится, вообще не готовился. Но, тем не менее, по письменному получил «отлично», а на устном меня «терзал» один молодой математик. В конце концов, прежде чем поставить оценку, он предложил мне решить дополнительную задачу.

— Эта задача — на оценку «отлично», не решишь — получишь «хорошо», — предупредил он.

Задачка оказалась из самых первых моих заданий в ЗМШ, и я сразу показал решение.

— Ты знал!

— Да, — честно ответил я.

— Тогда «хорошо»!..

Это мне не помешало, и я поступил. Но картина будет далеко неполной, если не рассказать о том, что происходило в нашей семье в период моей подготовки к поступлению... Возвращаясь несколько вспять, скажу, что сразу же после выпускных школьных экзаменов я объявил родителям, что поступаю в театральный, а не в университет!

Родители были в шоке, и не потому, что театральный — это плохо, а потому, что над всеми молодыми парнями висел тогда «дамоклов меч» в виде армии. В «точных» науках они не сомневались, но театральный?..

В результате долгих обсуждений и споров порешили так: сейчас я поступаю на физфак, а если не получится — в следующем году, серьёзно подготовившись, подаю документы в театральный.

Дело в том, что я очень любил кино и театр и, просматривая фильмы и спектакли, читая книги, я к шестнадцати годам начал «примерять» на себя роли, образы, замечал какую-то фальшь у некоторых актеров и был уверен, что у меня получится лучше.

Вот недавно смотрел интервью с одной актрисой. Она очень небольшого роста, фигурой, мягко говоря, не блещет. Очень критически относится к своей внешности, хотя у неё удивительно красивые глаза! И она говорила, что всегда знала: звездой не станет, но при этом очень любила кино... В конце очень откровенно добавила:

— Зато знала, что нацелуюсь досыта!..

Может, и это было у меня в подсознании?..

Я не читал книг по искусству кино, театра, не заучивал монологи, просто мечтал и поэтому согласился на предложение родителей и подал заявление в университет. Поступил таким образом на физфак, все — здорово, со мной учится очень много незаурядных ребят.

Каждое знакомство — это новый, неизвестный тебе мир! Недавно подумал, что физики — это не только студенты одного факультета, это — особый народ! Об этом я надеюсь как-нибудь написать.

Что ж, идут занятия, много серьёзных и интересных предметов. Практические занятия (они назывались «проработки», наверно, чекистское слово) ведёт очень молодой «проработчик» Феликс (что тоже символично), он только закончил физфак, лет на пять-шесть старше нас, естественно, волнуется.

Мы — только со школьной скамьи, беззаботные, веселые, иногда остроумные, относимся к нему как к ровеснику: шутим, разговариваем, бросаем реплики... В конце первого часа он вдруг говорит:

— Ребята! Вы поступили на очень трудный факультет, здесь учиться очень сложно, я вам советую быть серьёзнее. Для тех, кому это не по душе, у меня есть предложение.

Мой друг преподаёт в театральном институте, он обещал перевести любого с физфака, кому здесь не очень нравится, к себе без экзаменов, так что думайте.

Какой поворот сюжета! После перемены семеро из нас встречали Феликса у входа в аудиторию... Попросили связаться с другом и оформить перевод... Феликс больше так не шутил... А ведь это был мой последний шанс стать актером...

ПЕРВЫЕ ЗАРАБОТКИ

Когда я поступил в университет, то, к своему огорчению, узнал, что детям из обеспеченных семей в первом семестре стипендия не полагается. По тем временам считалось, что если мама не

работает, а папа, имея на своем иждивении пять человек, зарабатывает 200 рублей, семья является обеспеченной!

Мне же по молодости хотелось, конечно, иметь какие-то карманные деньги, и я стал искать возможность их заработать. Первой на очереди оказалась разгрузка вагонов. Попробовал, поработал весь день, пропустив, разумеется, занятия. Заработал 30 рублей, но особого удовлетворения от сего подвига не испытал. Вслед за этим от кого-то услышал, что, оказывается, можно подрабатывать в оперном театре «мимансом», то есть в группе артистов, участвующих в массовых сценах оперных и балетных постановок. Устроились мы туда с моим товарищем Патуряном, также связывавшим определенные финансовые надежды со сферой искусства. Расценки были – 3 рубля за репетицию и 7 – за спектакль. Начали работать.

Информация, конечно, докатилась до друзей, и они начали регулярно посещать все представления с нашим участием. Роли, естественно, были на уровне: «Кушать подано!» Однако, благодаря друзьям, при нашем появлении на сцене раздавались столь бурные овации с возгласением наших фамилий, что настоящие театралы с недоумением начинали листать программки и либретто, дабы выяснить причину такого восторга.

Продолжалось все это несколько месяцев, за которые мы успели просмотреть «сзади» весь репертуар нашего оперного театра, выступали даже со знаменитостями, гастролировавшими тогда в Армении. Заодно привыкали и к сцене, что очень помогло впоследствии в наших «Днях физика».

Продолжалось все это до тех пор, пока мой отец (я его очень люблю, ценю, горжусь им всю свою жизнь) не узнал, что мы «играем» не только в оперных, но и в балетных спектаклях... «Тебе не нужна эта балеринкина практика! Я не хочу, чтоб ты там работал!» – был его вердикт. Он вообще-то к балету относился не очень... Бывало, увидев солирующего танцора, говорил: «Сейчас его сын думает, что папа на работе!»

Было, конечно, обидно, но, к счастью, мы жили в те времена, когда слово отца уважалось, ценилось и к нему прислушивались!

Так закончилась моя «театральная деятельность»... А заработки?.. Заработки пришли в свое время, хоть и не были уже столь волнующими, как в юности.

БАМ*

Я заканчивал четвёртый курс университета, а моего друга Газумяна забрали в армию. Нижеследующая история, в которой он принимал самое непосредственное участие, и о которой я хочу рассказать, даст вам очень хорошее представление о моем друге.

Уже не помню, по какой причине, но студенты его группы вознамерились наказать своего преподавателя за какое-то «прегрешение» и не нашли ничего лучшего, как бойкотировать экзамен по его предмету.

Прошёл первый, второй и даже третий ликвидационный периоды (на наших факультетах ввиду «сложности обучения» студентам предоставляли три «ликвида»). Ощущение такое, что план сработал: Газумян бодро идёт сдавать следующую сессию, однако... ему не разрешают, объяснив, что он отчислен из университета!

Выясняется, что только он и ещё один парень имеют эту задолженность, а остальные каким-то загадочным и непостижимым образом экзамен сдали. Результат – его забирают в армию.

Мы переписываемся, я посещаю его, все, вроде, выглядит нормально.

Вернувшись, получаю письмо: ему предложили, как альтернативу службе в армии, командировку на БАМ! Я тут же пишу ему, что тоже хочу туда же!

Объявляю родителям, что бросаю учебу, мол, мне трудно заниматься и вообще все это «не моё». Родители меня долго отговаривают, и в конце концов мы приходим к соглашению, что я беру академический отпуск, а через год мы совместно приходим к какому-то решению.

* БАМ – Байкало-Амурская магистраль, всесоюзная комсомольская стройка.

Что ж, иду в деканат, где наш заместитель декана Лаура Ара-
зян (за глаза мы её называли «мать физфака») говорит, что она
очень даже меня понимает и что она вообще не представляет,
как молодые ребята могут учиться на таком сложном факультете.
Однако по закону нужна справка от врача, и поэтому она даёт
мне направление в студенческую поликлинику к невропатологу.

При встрече с невропатологом, я пытаюсь продемонстриро-
вать все симптомы свихнувшегося физика. Врач внимательно
осматривает меня и говорит, что меня надо серьезно обследовать
в стационаре. Так я оказываюсь в больнице, где с большим вдох-
новением играю роль «шизика». Заключается это в том, что по
ночам я без толку брожу по коридорам, спрашиваю у всех, как-
кой сейчас год и тому подобное. Тогда же получаю преисполнен-
ное оптимизмом письмо Газумяна, заканчивающееся словами:
«БАМ без нас построен не будет!»

Так проходит примерно неделя, наконец врач приглашает
меня в кабинет, где ещё раз осматривает и сообщает, что наза-
втра меня должны выписать с окончательным диагнозом! На ра-
достях я звоню Патуряну и Бояджяну и говорю: «Все, завтра я
выписываюсь и скоро еду на БАМ с Газумяном!» Реакция друзей
вполне естественна: они заказывают кябаб, шашлык, покупают
закуску, берут выпивку и приезжают ко мне в больницу после ве-
чернего обхода.

Мы начинаем шумно отмечать успех, угощаем всех соседей
(таких же «шизиков»), произносим тосты за встречу, за дружбу,
за БАМ, как вдруг в палату входит мой лечащий врач... Хотелось
бы написать – «немая сцена», но сцена не немая, так как врач
произносит: «Сейчас же убирайтесь отсюда, заберите весь свой
«банкет» и не забудьте прихватить этого симулянта!..»

В результате мне пришлось заканчивать университет, а Газу-
мяну – дослуживать в армии.

Ну а БАМ был достроен только через 30 лет...

ЗАРА НАЗАРЯН

Зара Владимировна Назарян родилась в Армении в 1966 году.

В 1981–1985 годах училась в Ереванском музыкальном училище им. Романоса Меликяна (отделение фортепиано).

В 1992 году окончила институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина (отделение искусствоведения) в Санкт-Петербурге.

С 1993 по 1998 год жила в Израиле. С 1998 года живёт и работает в Канаде.

Творчество:

– сборник коротких рассказов «Окно» (2016);

– сборник рассказов «Блокада.ам» (2016);

– миниатюры, рассказы (журнал армянской общины Торонто «Айреник»), художественно-литературный интернет-журнал «Открытый дом»;

– сборник произведений номинантов национальной литературной премии «Писатель года» (proza.ru, 2015).

СКАЗКА

Они дружили. А как иначе? Знали ведь друг друга чуть ли не с самого первого дня своего рождения.

И, в общем-то, все у них было хорошо и ладно. Только вот Левая, по правде говоря, с некоторых пор стала слегка воображать и задаваться. Красивее она была. Что тут скажешь: что правда — то правда! Пальчики ровные, ногти длинные, красивые, аккуратно покрыты лаком, ладонь мягкая, холёная — ну не загляденье? И всегда колечко при ней, аж из чистого золота, и часики... Красота! «Вот ведь повезло мне в жизни, — думала она, — да и с работой тоже... подруге вон как трудиться приходится, а мне так, совсем малость...». Жалела она Правую. Та и красотой не блистала: указательный палец заметно кривой, ноготь на среднем всегда короче остальных, потому что часто ломался, лак быстро слезал, пальцы какие-то толстые, а на кисти — небольшой шрам от ожога. «Ах, бедная ты моя, бедная, — думала Левая, — но что тут поделаешь, раз уж судьба так распорядилась».

Но вот однажды улевой случился перелом. Сломалось у неё что-то внутри. Люди спрашивали, в какой, мол, перелом, а услышав ответ, облегченно вздыхали, мол, хорошо хоть не в правой... И ведь все как один твердили то же самое!

— Что?! Ах так, — возмутилась Левая, — я же такая... Да что там говорить, сами же всегда любят меня, а почему они ко мне так? Они же должны обо мне больше беспокоиться, а они... Эх!

И затаила она обиду. Стала замечать многое, на что раньше даже внимания не обращала. Здоровались, оказывается, всегда с Правой, а не с ней. Потом стала замечать, что Правая гораздо талантливее её — и пишет, и рисует, и вышивает, да и доверяли Правой больше во всем: ключом дверь открыть или зонт подержать во время дождя, да мало ли что ещё. И вдруг её осенило. «Так я, оказывается, давно у неё в прислуге?! Левая — подай, Левая — поддержи, Левая — подтолкни... Ну неееетушки! Хватит! Пусть обходятся впредь без меня!» Так она думала, и ей все больней и больней становилось. И в конце концов она ушла в себя и вообще заперлась в гипс — пусть стучат теперь!

Шли дни. Правая очень скучала, аж места себе не находила. Очень не хватало ей подруги. Она часто вспоминала самые радостные моменты их дружбы: как вместе играли на фортепиано, как вместе хлопали в ладоши, как забирались на канат, как хотели взлететь птицей. Приходила она к подруге – подойдет, погладит по гипсу, погрустит и уйдет тихонько. Только ведь Левая ничего не видела и не чувствовала. Левая думала совсем-совсем о другом. Слышала она как-то, что есть такие люди-левши, у которых тебе и почет, и уважение, и стала мечтать она о том, как станет однажды такой вот особенной – другой!.. Левая у них, у этих людей, оказывается, умеет все наравне с правой, и даже лучше. «Тогда я буду тренироваться, заниматься и обязательно добьюсь своего!» – так думала Левая.

План есть, решение принято! Вышла она из своего гипса и стала усердно стараться во всем. Возьмет, к примеру, Правая нитку, а Левая – раз, и тоже подхватит нитку, ну вместо иголки... Или возьмет Правая нож картошку почистить, а тут Левая тоже за нож хватается вместо того, чтобы картошку поднести. Одним словом, все пошло у них наперекосяк. Ничего не ладилось – ни пуговицу пришить, ни картошку почистить...

И поняла тогда Левая, что без неё ничего вообще не получится – и мелодия не такая красивая без её аккомпанемента, и мусор подмести совочек нужен, а то куда ж тогда этот мусор девать?..

И стали подруги с тех пор ещё дружнее и сплоченней, ведь Левая многому успела научиться, да и было у нее время о многом подумать...

ЖИЛА-БЫЛА

– Давным-давно жила-была девушка. И однажды в её жизни появился Он.

– Принц?

– Ну... не совсем принц, но можно и так сказать.

– А как это – «появился»? Откуда?

– И вот подходит он к ней представиться...

– Представиться?

– Ну другими словами – познакомиться. Ты же знаешь, как знакомятся люди? Так и они пожали друг другу руки, посмотрели в глаза, назвали свои имена. И тут что-то произошло такое...

- Что? Что произошло?
- Она сразу поняла, что Он...
- Появился?
- Да.
- А он?
- И он тоже понял, что это — Она. Он узнал её. Понимаешь, среди тысячи миллионов людей. Именно её!
- А что потом?
- Ну что бывает потом в таких случаях?
- Что?
- Люди продолжают не верить себе. Начинают сомневаться...
- Зачем?
- А вдруг они ошиблись?
- Они что — дураки?
- Никакие не дураки, они просто люди, обыкновенные люди, которые просят, желают, а когда получают — не верят, что это именно то самое, о чём они просили, и продолжают искать что-то другое...
- А я не такая! Если я хочу, я ни капельки не сомневаюсь!
- Это сейчас. Но когда ты вырастешь...
- Я? Да никогда в жизни! Но подожди, ты же не закончила свой рассказ... Что с ними было дальше? Ну с тем принцем и девушкой?
- Как обычно, они вскоре поженились, жили долго и счастливо и умерли в один день...
- Но ты же сказала, что они стали сомневаться.
- Понимаешь, люди хотят слышать слова...
- А, я знаю какие: «Я тебя люблю!»
- Да, именно эти, но она не сказала ему этих слов... Она сказала так: «Я тебе доверяю». Тогда он не понял, и она не поняла, почему сказала именно это.
- А... я знаю, почему она так сказала. Точно-точно знаю! У меня было так: сперва я очень любила, потом разлюбила, потом даже возненавидела! Получается, что когда говорю: «Я люблю», это значит, что я люблю сейчас и очень-очень сильно, а про завтра я не знаю точно... А «доверять» означает, что ты веришь человеку, принимаешь его, знаешь, что он не подведет и будет всегда рядом... Это — навсегда. Это слово больше, чем слово «люблю».
- Ты так думаешь?
- Конечно, ты же сама сказала, что они жили долго и счастливо...

ЛОРЕТА МУРАДЯН (НУРИ)

Лорета Мурадян родилась 24 августа 1988 года в Гюмри. Училась в Балатонском колледже родного города. Затем с отличием окончила факультет международных отношений Ереванской европейской академии.

После окончания факультета общественного управления Академии государственного управления Республики Армения она начала работать в Национальном собрании Республики Армения.

В 2017 году Л. Мурадян выиграла первую премию на ежегодном республиканском конкурсе молодых писателей «Арагат Мкртумян», в рамках которого опубликовала сборник «Такнагрер» («Скрытые письма»), а в 2017 году стала лауреатом ежегодной премии им. Левона Ананяна.

Стихи Л. Мурадян опубликованы в журнале «Андин», книге Гагика Варданяна «Ширакский мир», официальных газетах региональных отделений Союза писателей Армении Ширакского и Лорийского областей и других периодических изданиях.

ԿԱՐՈՏՈՒՄ ԵՍ

Հե՛րն եմ անիծել կարոտ կոչվածի,
Որ ոտքն է դնում կոկորդիդ վրա,
Սեղմում է այնքա ն, մինչև շնչահեղձ
Մի բուռ օդ ես դու աղերսում նրան:

Տե՛ս՝ այդ գիշակեր սևավոր հսկան
Ջլերն է հերթով պոկում ծնկներիդ,
Պառավ հոգեգող ցնորքի նման
Քարշ տալով տանում բեզարած հոգիդ:

Ու այդ դեղնավուն մակաբույծ փոշին
Արյանդ հունով մագլցում է վե՛ր,
Մեխում է գանգո, պայթեցնում կրկին
Քրքրված միտքդ թմրած ու ավեր:

Այժմ անմարմին ճառագումն հրե
Քմահաճ խաղով քեզ ծնկի բերել
Եվ ականջիդ տակ հեզնանքով մի վեհ
Շշնջում է, թե ԿԱՐՈՏՈՒՄ ԵՍ ԴԵՌ...

ԼՅԱ ՄԻՆՈՐ ՎԱԼՍ

Գուցե դու մի օր
Ծերացած ձեռքս
Դնես ավիիդ մեջ
Ու գրկես մեջքս
Արդեն կռացած...
Գուցե պտտվենք
Մեր գունեղ կյանքի
Կարևոր վալսը՝
Ամենաերկա ը,
Ամենասպասվա՛ծ...
Գուցե թե անցնենք
Մեր բոլոր դժվար

Ու խենթ օրերի
Արահետներով
Ու գուցե ժպտանք՝
Հեռվում տեսնելով
Ապրած ու չապրած
Կյանքի ամեն պահ,
Ամեն ակնթարթ,
Ամեն երազանք...
Գուցե միասին
Խոր հոգոց հանենք
Դրանց հետքերով,
Գուցե ավստսանք,
Գուցե կարոտենք...
Իսկ երբ մատներով
Զգույշ հետ տանես
Դեմքիս վրայից
Մազերս ճերմակ,
Գուցե մենք զգվենք...
Իսկ ես առաջվա
Սրտի թրթիռով
Ու երեկվա պես
Չդիմադրեմ
Քո սեր աչքերին
Ու նուրբ համբուրեմ
Հատիկ առ հատիկ
Քո՝ ժամանակի
Վրձնած շերտերը
Դրանց ծայրերին...
Իսկ հետո գուցե
Ինձ կրծքիդ սեղմես
Ու մեղմ շնչաս.
– Մենք էլ ծերացանք
Միասին, սե ր իմ...
Ու կհասկանանք
Մեր այս պատմության
Ճամփաբաժանին,

Որ հենց սա էր մեր
Կյանքի երազը...
Գուցե այդ օրը
Պարենք միասին
Մեր կյանքի վերջին
Կամ էլ առաջին
Լյա մինոր վալսը...

* * *

Ես այսօր մեռա.
Ես՝ իմ մահիճում,
Դու երևի քո...

Ես այսօր կորա.
Ես՝ իմ ճահիճում,
Դու՝ երևի քո...

Ես այսօր մեռա
Մեռնելուց առաջ,
Մեռնելուց ցավոտ...

Թե մահից հետո
Ուրիշ մահ չկա,
Իմ մահն է ԿԱՐՈ՛Տ ...

ՄԵՂՐԱԲԵՐՔ

Բառը ցրվել է
Տարածության մեջ
Ու կախվել օդում
Լուսնկայի պես...
Ամեն մասնիկը՝
Մի-մի վանակատ,
Մի-մի ամոթխած
Քողարկված ժպիտ,
Մի-մի կայծ հոգու...

Եվ թափառում եմ
Գալակտիկայի
Ափերին հյուսած
Կածանով լուսե
Ու փորձում փնջել
Կաթիլ առ կաթիլ
Ատոմներն անթիվ,
Կազմել ծաղկաբույլ
Իմ հոգու բառի,
Ինչպես հազարան
Ծաղկանց նեկտարն է
Մեղրաբերք սարքում
Գծավոր մեղուն...
Կամ էլ թե՛ ինչպես
Խճանկարն է
Դանդաղ հավաքվում
Ու դառնում պատկեր...
Իսկ թե՛ ի՛նչ պատկեր
Պիտի երևա
Բյուրեղիկների
Այս մաքուր փնջից,
Մտածի՛ր ինքդ...
Միայն թե՛ կուզեմ
Հենց հիմա , հենց ե՛ս
Բառս մեղրածոր
Ամբողջ դարձնել
Ձնագնդի պես,
Նետել հենց այնպե՛ս
Դեպի սրտից ներս ...

СОДЕРЖАНИЕ

Немного истории.....	5
ՀԱՍՈՒՆ ՔՆԱԴ	
ЛИРА ЗРЕЛОСТИ	
Вячеслав Егиазаров.....	8
Анатолий Мирозоян.....	25
Марат Файзи (Саркисов).....	34
Александр Склярчук.....	49
Михаил Петросян.....	59
Станислав Ян.....	66
Вартан Григорян.....	72
Рушан Пилосян.....	84
Вагаршак Мазлумян.....	100
Ваган Вермишян.....	120
Татевик Азарян.....	126
ՆՈՐ ՉԱՅՆԵՐ	
НОВЫЕ ГОЛОСА	
Алина Степанян.....	132
Тимур Ян.....	138
Изабелла Каракулян.....	152
ՄԵՐ ՀՅՈՒՐԵՐԸ	
НАШИ ГОСТИ	
Шохакат (Шохер) Ахвердян.....	158
Мариам Чайлахян.....	165
Степан Багдасарян.....	174
Зара Назарян.....	182
Лорета Мурадян (Нури).....	186

ՀՐԻՄԱՀԱՅ ԳՐՈՂՆԵՐԻ ՄԻՈՒԹՅՈՒՆ
СОЮЗ КРЫМСКИХ АРМЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ՀԱՅՐԵՆԻԺԸ ՄՐՏՈՒՄ
РОДИНА В СЕРДЦЕ

ՎԼՍԱՆԱԽ

8

АЛЬМАНАХ

Редактор и составитель *Р. Пилосян*
Корректор русского текста *В. Настина*
Художник *Г. Хачатрян*
Компьютерная верстка *А. Веселов*

Подписано в печать 15.08.2018 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура «NewtonС». Усл. печ. л. 11,16. Объем 12,0 печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 59257.

ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского»
295048, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Трубоченко, 23-а.
E-mail: mediacenter2015@mail.ru
ОГРН 1159102113455

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
п. Северный, ул. Березовая, 1/12
Тел./факс +7 (4722) 300-720,
www.konstanta-print.ru

ISBN 978-5-906959-59-1

9 785906 959591